ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ «МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИНСТИТУТ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ (УНИВЕРСИТЕТ) МИНИСТЕРСТВА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»

На правах рукописи

СТЮАРТ АЛЕНА

Управление этнополитическими рисками в Киргизской Республике: внутренний и внешний аспекты

Специальность 5.5.2. Политические институты, процессы, технологии

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата политических наук

Научный руководитель:
кандидат политических наук, доцент
Кудряшова Ирина Владимировна

Москва – 2023

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ 4
ГЛАВА 1. КОНЦЕПТУАЛЬНО-ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ РАМКА ИССЛЕДОВАНИЯ. ИСТОРИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ РАЗДЕЛЕННОСТИ КИРГИЗСКОГО ОБЩЕСТВА. 30
1.1. Обоснование концептуально-теоретической рамки исследования....30
1.2. Исторический контекст формирования этнокультурной разделенности Киргизии....43
1.3. Модернизация Киргизии в советский период и ее влияние на строительство национального государства 47
Выводы главы 1....58
ГЛАВА 2. ПРОДУЦИРОВАНИЕ ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИХ РИСКОВ В КИРГИЗСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ И ЭФФЕКТЫ ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕФОРМ 61
2.1. Социально-экономическая карта КР....61
2.2. Центры и границы в государственном строительстве КР....73
2.2.1. Проблема неконсолидированных границ....74
2.2.2. Проблема этнической гетерогенности....76
2.2.3. Несовпадение исторических и современных центров 80
2.2.4. Угроза радикализации ислама и исламские движения в регионе....82
2.3. Политический процесс в КР в этнокультурном измерении....95
2.3.1. Тюльпановая революция 2005 г. 97
2.3.2. Пасхальная революция 2010 г. 98
2.3.3. Октябрьский переворот 2020 г. 100
2.3.4. Количественный анализ составов правительств КР в 1991-2022 гг. 103
2.4. Политические реформы и динамика этнополитической ситуации....105
2.4.1. Конституция и избирательная система до 2010 г. 106
2.4.2. Конституция и избирательная система с 2010 до 2016 г. 109
2.4.3. Конституционные поправки 2016 г. 111
2.4.4. Конституция и избирательная система с 2021 г. до н.вр. (август 2023 г.)....114
Выводы главы 2....122
ГЛАВА 3. ВОЗМОЖНЫЕ МОДЕЛИ УПРАВЛЕНИЯ ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИМИ РИСКАМИ В КИРГИЗСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ И ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ 124
3.1. Политико-культурные ориентации киргизского общества и стратегическое планирование 125

3.2. Консоциативная модель управления этнокультурными рисками в КР 128
3.2.1. Исполнительная власть и контроль над правительством 128
3.2.2. Избирательная система 131
3.3. Институциональный пакет мер с «сильной властью» 141
3.3.1. Исполнительная власть и контроль над правительством 141
3.3.1. Избирательная система 145
3.4. Территориальное устройство 147
3.5. Формирование гражданского общества и национальной идентичности 154
3.6. Сотрудничество с внешним патроном (Россия) и участие КР в интеграционных объединениях как механизм управления этнополитическими рисками 162
Выводы главы 3 181
ЗАКЛЮЧЕНИЕ 183
СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ 189
ПРИЛОЖЕНИЯ 217
Приложение 1. Среднеазиатские ханства в первой половине XIX века 217
Приложение 2. Среднеазиатские владения России в начале XX века 218
Приложение 3. Карта национального размежевания в Средней Азии в 1924-1925 гг. 219
Приложение 4. Карта областей Киргизской Республики 220
Приложение 5. Гидроэлектростанции Киргизской ССР 221
Приложение 6. Таблица региональной репрезентативности в правительствах КР (1991-2022 гг.) 223
Приложение 7. Диаграммы региональной репрезентативности в правительствах КР (1991-2022 гг.) 228
Приложение 8. Этнокультурный вопрос в программах партий Жогорку Кенеша VIII созыва 232
Приложение 9. Критерии для выбора избирательной системы 234
Приложение 10. Административно-территориальное устройство КР 235
Приложение 11. Поступление прямых иностранных инвестиций по странам в 1 квартале 2022 г. 236
Приложение 12. Поступление иностранных инвестиций по видам экономической деятельности за 2008-2021 гг. 238

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность исследования

Обеспечение стабильности и безопасности в Центральной Азии, а также углубление и расширение интеграции в рамках Евразийского экономического союза являются приоритетными задачами, закрепленными в Концепции внешней политики Российской Федерации[1] в рамках общей цели содействия адаптации мироустройства к реалиям многополярного мира (п.19, п. 39, п. 49). Этнополитическая конфликтогенность стран региона в первую очередь обусловлена сложностями государственного и национального строительства после быстрого распада СССР и имеет и внутреннее, и внешнее измерение. В частности, для Киргизской Республики (КР) это выражается в слабости новых политических институтов, сохраняющейся этнокультурной и региональной разделенности и общей нехватке ресурсов, а также в межгосударственных спорах по демаркации границ, наличии эксклавов и исламском радикализме.

Следствием этих проблем в КР являются многочисленные насильственные конфликты, которые имеют как этнический, так и квазиэтнический характер. В первом случае это конфликты между разными этническими группами, компактно проживающими на юге страны (например, открытые столкновения между киргизами и узбеками имели место в 1990 и 2010 гг.), во втором - между региональными неоклановыми объединениями севера и юга, ведущими борьбу за представительство во власти и доступ к ресурсам.

Политическая нестабильность проявляется и в достаточной частой смене правящих элит, которая происходит неконвенциональным путем: с помощью протестов, уличного насилия и вынужденных отставок правительства. За годы независимости страной управляли шесть президентов и три исполняющих обязанности президента[2], при этом первый президент КР – Аскар Акаев находился у власти с 1991 по 2005 г. (число премьер-министров за годы независимости достигло 31 человека).

Начавший формироваться при А. Акаеве образ Киргизии как либеральной «центральноазиатской Швейцарии» предопределил доминирование в публичном дискурсе риторики «демократизации». Сам факт переворотов часто представляется и киргизскими

---

[1] Концепция внешней политики Российской Федерации в редакции 2023 г. / МИД РФ. – URL: http://kremlin.ru/events/president/news/70811 (дата обращения 25.04.2023)

[2] Садыр Жапаров – единственный, кто упоминается в обоих списках: он являлся и.о. президента в 2020 г., а затем был избран действующим президентом.

политиками, и международными организациями, и экспертами как часть здоровой политической борьбы за выбор между демократическим и авторитарным путями развития. После 2005 г. новый президент К. Бакиев объяснял причину Тюльпановой революции наличием «кризиса доверия к власти», когда даже при «фактическом существовании всех демократических институтов фактически работала прежняя система, <…> парламент, суды, правительство работали в "карманном" режиме»[3]. В этой логике выступления оппозиции и смена правительства подавались как симптомы выздоровления и становления демократии. К 2010 г., после очередной революции, Пасхальной, к власти пришло Временное правительство во главе с Р. Отунбаевой, которое назвало непотизм и коррупцию основными проблемами предыдущего периода, а очередные реформы и последующие выборы - «судьбоносными политическими переменами» и победой «настоящей демократии»[4]. Такие западные организации, как БДИПЧ/ОБСЕ[5], также положительно отзывались обо всех проводимых в 2010-е годы реформах и решениях[6]. Тем не менее к 2020 г. ситуация вновь повторилась. Несмотря на попытки международных акторов и обновленной правящей элиты найти и реализовать институциональные решения с целью политической стабилизации, произошла очередная, третья по счету революция (новый президент назвал это событие «народным восстанием»[7]).

Доминирующий дискурс «демократизации» продолжает завлекать политический процесс в «когнитивную ловушку». Для выхода из нее требуется смена доминирующего концепта или его критическое обсуждение, однако политические элиты КР альтернативных путей развития не рассматривают. Обществу предлагаются институциональные реформы в русле строительства демократии и гражданского общества, включая укрепление с этой целью традиционных (неформальных) институтов. Сложившиеся в стране политические практики предопределили

---

[3] Бакиев считает, что демократия в Киргизии является реальностью // РИА Новости. 07.06.2008. URL: https://ria.ru/20070407/63273996.html (дата обращения: 25.12.2022)

[4] Роза Отунбаева: Настал час сказать народу Кыргызстана свое слово и на деле доказать свою решительную волю к лучшей жизни! // Радио Азаттык. - 11.11.2010. – URL: https://www.azattyk.org/a/Kyrgyzstan_Election_Parliament/2216781.html (дата обращения 25.12.2022)

[5] Бюро по демократическим институтам и правам человека Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе.

[6] Глазова Е.С. Киргизия: институциональные изменения как выход из «ловушек развития» // Южно-российский журнал социальных наук. – 2019. – Т. 20. – № 4. – С. 49-62.

[7] «В тюрьме ты 24 часа в сутки свободный человек» // Коммерсантъ. – 10.01.2021. – URL: https://www.kommersant.ru/doc/4639707 (дата обращения: 10.10.2022).

сфокусированность настоящего исследования на оценке прежде всего институционального потенциала управления этнополитическими рисками.

Хроническая политическая нестабильность и бедность позволяют характеризовать Киргизию как уязвимое, «хрупкое» государство[8]. По данным Fragile States Index[9], она в 2022 г. оставалась в группе стран высокого риска (оценка 77,1 из максимально возможных 120 баллов)[10]. Подобная характеристика означает, что такое государство, если оно не будет прилагать усилий для стабилизации, может оказаться несостоятельным и утратить суверенность[11].

Киргизская Республика – член ШОС, ОДКБ и с 2015 г. – ЕАЭС. Курс на углубление интеграции, обозначенный в заявлениях лидеров государств-членов Евразийского экономического союза, делает задачу контроля над этнополитическими рисками и достижения политической стабильности в стране значимой для всех участников этого объединения. Таким образом, исследовательский интерес к случаю Киргизии имеет как теоретическую (анализ эффективности институциональных реформ в управлении этнополитическими рисками), так и практическую составляющую (снижение конфликтности, укрепление государственной состоятельности и развитие многостороннего сотрудничества и интеграции).

Научная проблема диссертационной работы связана с изучением эффективности политических механизмов, используемых для контроля над этнополитическими рисками в разделенных обществах незападной политической традиции. Важно отметить, что тема диссертации будет раскрыта сквозь призму задач государственного и национального строительства в Киргизии, учитывая, что цель, которая стоит перед страной, заключается в стабилизации разбалансированной политической системы. Это позволяет связать задачу управления этнополитическими рисками с развитием государственных институтов, без которых она не может быть решена.

---

[8] Elagin D.P. Conceptual Perspectives on State Fragility // MGIMO Review of International Relations. - 2021. - № 14(4). - P.107-135.

[9] Fragile States Index. – URL: https://fragilestatesindex.org/country-data/ (accessed: 21.10.2022).

[10] Кудряшова, И. В., Стюарт А. Институциональные реформы в условиях этнокультурной разделенности и неконсолидированных границ: опыт Киргизии // Власть. – 2023. – Т. 31, № 1. – С.131.

[11] What does State Fragility Mean / Fragile States Index. – URL: https://fragilestatesindex.org/frequently-asked-questions/what-does-state-fragility-mean/ (дата обращения: 25.12.2022)

В свете вышеизложенного **исследовательский вопрос** сформулирован следующим образом: каким образом возможно эффективно управлять этнополитическими рисками – и тем самым повышать уровень политической стабильности и безопасности– в таких разделенных и ресурсно ограниченных обществах, как киргизское?

Степень научной разработанности проблемы

Научную литературу по теме диссертационного исследования можно подразделить на несколько основных кластеров.

Во-первых, это труды по общим вопросам политического развития, его историческим траекториям и особенностям формирования государства в различных культурных зонах. Среди их авторов следует прежде назвать Э. Дюркгейма, М. Вебера, С. Роккана, С. Бартолини, Р. Инглхарта, К. Вельцеля, Ч. Тилли[12], С. Хантингтона. Вопросы функционирования и демократизации гетерогенных обществ стали предметом изучения таких ученых, как А. Степан, Х. Линц, Й. Ядав[13].

Политическая организация многосоставных обществ и урегулирование конфликтов в подобных обществах являются предметом многих научных споров: Д. Горовиц[14], А. Лейпхарт[15], Я. Ластик[16], П. Панов[17] и другие исследователи предлагают свои подходы к их решению и анализируют сопутствующие им риски. Сюда же можно отнести группу работ по проблематике

---

[12] Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии. – М.: Наука, 1991. –575 с.; Вебер М. Политика как призвание и профессия // Избранные произведения. – М.: Прогресс, 1990. – С. 644-706; Роккан С. Города, государства и нации: Пространственная модель изучения различий в развитии // Политическая наука. - 2006. - № 4. – С. 46-72; Роккан С. Центр-периферийная полярность // Политическая наука. - 2006. - № 4. - С.73-101; Bartolini S. Restructuring Europe. Centre Formation, System Building, and Political Structuring between the Nation State and the European Union. - New York: Oxford University Press, 2005. – 405 p.; Инглхарт Р., Вельцель К. Модернизация, культурные изменения и демократия. Последовательность человеческого развития / пер. М. Коробочкин. - М.: Новое издательство, 2011. – URL: https://www.hse.ru/data/2012/02/24/1266136909/inglehart_welzel.pdf (дата обращения 25.12.2022); Tilly Ch. Coercion, Capital, and European States, A.D. 990-1990. - Malden, MA: Wiley-Blackwell, 1993. – 288 p.; Хантингтон С. Столкновение цивилизаций / пер. Т. Велимеев, Ю. Новиков. — М.: ООО «Издательство АСТ», 2003. — 603 с.

[13] Stepan A., Linz J. & Yadav Y. Crafting State-Nations: India and Other Multinational Democracies. - John Hopkins University Press, 2011. – 308 p.

[14] Horowitz D. Ethnic Groups in Conflict. - Berkeley, CA: University of California Press, 1985. - 697 p.

[15] Lijphart A. Consociational Democracy // World Politics. – 1969. - № 21 (2). – P. 207-225; Лейпхарт А. Демократия в многосоставных обществах: сравнительное исследование. – М.: Аспект Пресс, 1997. - 287 с.

[16] Lustick I. Stability in Deeply Divided Societies: Consociationalism versus Control // World Politics. – Baltimore, MD, 1979. – Vol. 31, Iss. 03. – P. 325-344.

[17] Панов П.В. Институциональная устойчивость фрагментированых политий // Политическая наука. – 2012. – №3. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/institutsionalnaya-ustoychivost-fragmentirovanyh-politiy (дата обращения: 30.07.2023).

развития и государственной состоятельности, которую разрабатывают П. Кольер[18], автор концепции «ловушек развития», а также М.В. Ильин, Е.Ю. Мелешкина, А.Ю. Мельвиль, И.В. Кудряшова[19] и другие ученые.

В связи с темой исследования целесообразно отметить работы по теориям риска и социальной рискологии. Понимание современного общества как общества риска, а также различные подходы к анализу рисков и их восприятию разрабатывались У. Беком[20], Э. Гидденсом[21], Н. Луманом[22]. Ч. Кеннеди[23] рассматривает управление политическими рисками в контексте мирового и странового экономического развития, что является весьма характерным для западных авторов. Анализ этого направления исследований, связывающего политические риски с угрозами для экономики (например, в сфере инвестиций или импорта), можно найти у А.Н. Бордовских[24], а также у Д.А. Нечкина[25].

По мнению Р. Капелюшникова[26], общество риска представляют собой и переходные общества: из-за высокого уровня неопределенности и деинституционализированности прежний институциональный каркас подобных обществ уже сломан, а новый не выстроен, при этом

---

[18] Collier P. The Bottom Billion. Why the Poorest Countries are Failing and What Can Be Done About It. - N.Y.: Oxford University Press, 2007. – 205 p.

[19] См., например: Ильин М.В., Мелешкина Е.Ю., Мельвиль А.Ю. Формирование новых государств: внешние и внутренние факторы консолидации // Полис. - 2010. - №3. - С. 26-39; Кудряшова И.В., Мелешкина Е.Ю. Этнические меньшинства и национальное строительство на постсоветском пространстве: к постановке исследовательской проблемы // Вестник МГИМО-Университета. – М., 2009. - №2(5). - С.45-55.

[20] Beck U. Risk Society. Toward a New Modernity. – L.: SAGE, 1992. – 272 p.

[21] Giddens A. Living in a Post-Traditional Society // Beck U., Giddens A., Lash S. Reflexive Modernization. Politics, Tradition and Aesthetics in the Modern Social Order. Stanford, CA: Stanford University Press, 1994. P. 56-109.

[22] Luhmann N. Risk: A Sociological Theory. N.Y.: Walter de Gruyter, Inc., 1993; Luhmann N. The Concept of Risk. Risk: A Sociological Theory. – Berlin; New York, Walter de Gruyter, 1993. – P. 15–40.

[23] Kennedy Ch. Political Risk Management. – New York, 1987. – 328 p.

[24] Бордовских А.Н. Политические риски в условиях глобальных вызовов традиционным системам госуправления // Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН. – 2020. – №1. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/politicheskie-riski-v-usloviyah-globalnyh-vyzovov-traditsionnym-sistemam-gosupravleniya (дата обращения: 17.09.2023).

[25] Нечкин Д.А. Эволюция понятия "политический риск": классические и современные концепции // Вестник Московского университета / Серия 25. Международные отношения и мировая политика. – 2018. – № 4. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/evolyutsiya-ponyatiya-politicheskiy-risk-klassicheskie-i-sovremennye-kontseptsii (дата обращения: 17.09.2023).

[26] Капелюшников Р. «Где начало того конца?..» (к вопросу об окончании переходного периода в. России) // Вопросы экономики. – 2001. – №1. – С. 138-156.

гарантий установления «нормальности» и стабильности не существует. О.Н. Яницкий[27] определяет риск как регулярно и легитимно воспроизводящийся общественный продукт, в результате чего меняются нормативные идеалы и формируются новые социально-политические размежевания и институты.

Второй кластер объединяет работы по институциональному дизайну и институциональным механизмам для разделенных и переходных обществ. В них управление этнополитическими рисками, т.е. снижение неопределенности результатов этнополитической активности, освещается в институциональном контексте. В их числе классические труды А. Лейпхарта (консоциативный подход)[28] и Д. Горовица[29] (центрипеталистский подход), а также исследования А. Гелке[30], Дж. МакГарри и Б. О'Лири[31], С. Смухи[32], С. Вольфа[33], П.В. Панова[34], И.В. Кудряшовой[35], О.Г.

---

[27] Яницкий О.Н. Социология риска: ключевые идеи // Мир России. Социология. Этнология. – 2003. – № 1. URL: https://www.isras.ru/files/File/Publication/Magazines/Yanitsky_2003_n1_p3-35.pdf (дата обращения: 17.09.2023).

[28] Lijphart A. Consociational Democracy // World Politics. – 1969. - № 21 (2). – P. 207-225; Lijphart A. Constitutional Design for Divided Societies // Journal of Democracy. – 2004. – № 15 (2). – P. 96-109; Lijphart A. Double-checking the Evidence // Journal of Democracy - 1991. - № 2 (3). - P. 42-48; Lijphart A. Patterns of Democracy. – New Haven, CT: Yale univ. press, 1999. – 351 p.

[29] Horowitz D. Electoral Systems: A Primer for Decision Makers // Journal of Democracy. 2003. - № 14 (4). - P. 115-127; Horowitz D. Ethnic Groups in Conflict. - Berkeley, CA: University of California Press, 1985. - 697 p.; Horowitz D. The Many Uses of Federalism // Drake Law Review. - 2007 - № 55 - P. 953-966. – URL: https://scholarship.law.duke.edu/faculty_scholarship/1855 (accessed: 29.12.2022); Horowitz D.L. Ethnic power sharing: Three Big Problems // Journal of Democracy. – Baltimore, MD, 2014. – № 25 (2). – P. 5–20; Horowtiz D. Encouraging Electoral Accomodation in Divided Societies. // Electoral Systems in Divided Societies: The Fiji Constitution Review (State society and governance in Melanesia) / Ed. B.V. Lal and P. Larmour. Canberra: Griffin Press, 1997. – P. 2-37.

[30] Guelke A. Institutionalised Power-Sharing: The International Dimension // Ethnopolitics. - 2020. – №19 (1). - P. 92-95.

[31] The Politics of Ethnic Conflict Regulation: Case Studies of Protracted Ethnic Conflicts / Ed. J. McGarry, B. O'Leary. - London: Routledge, 1993. – 336 p.

[32] Smooha S., Hanf T. The Diverse Modes of Conflict-Regulation in Deeply Divided Societies // International Journal of Comparative Sociology. – 1992. - № 33. – P. 26-47.

[33] Conflict Management in Divided Societies: Theories and Practice (1st ed.) / ed. Wolff S., Yakinthou C. New York: Routledge, 2012.. – URL: https://doi.org/10.4324/9780203803004 (дата обращения: 25.12.2022)

[34] Панов П.В. Институциональные модели организации власти в полиэтнических обществах: варианты, проблемы и решения // Российская политическая наука: Идеи, концепции, методы. - М.: Аспект Пресс, 2015. – С. 289-306.

[35] Кудряшова И.В. Как обустроить разделенные общества // Политическая наука. – 2016. - №1. – С. 15-33; Кудряшова И.В. Политические изменения и трансформация идентичности в странах мусульманского Востока // Политическая идентичность и политика идентичности: в 2 тт. Т.2. Идентичность и социально-политические изменения в XXI веке / отв. ред. И.С. Семененко. – М.: РОССПЭН, 2012. - С.155-184; Кудряшова И.В., Козинцев А.С. Институциональные решения этноконфессиональных конфликтов на Ближнем Востоке в контексте имперского опыта // Политическая наука. – 2021. - № 2. – С. 140–164.

Харитоновой[36] и других ученых; работы по президентству и парламентаризму Дж. Блонделя[37], Х. Линца[38], М. Шугарта и Дж. Кэри[39], О.Г. Харитоновой[40]. Универсальность репрезентативных механизмов для урегулирования конфликтов в разделенных обществах оспаривают О.И. Зазнаев и В.В. Сидоров[41], Дж. Селвей, К. Темплеман[42] и С. Майнваринг[43]. Многие вопросы политического устройства этнокультурно разделенных обществ получили освещение в монографиях «Метаморфозы разделенных обществ»[44], «Этнические аспекты политических институтов и процессов»[45], а также в работах Е.А. Сенюшкина[46].

Анализом формальных и неформальных институтов, а также их генезисом занимаются Д. Норт, Дж. Уоллис, Б. Вайнгаст, Д. Уитман[47], Г. Хелмке, С. Левицки, Х.-Й. Лаут[48]. Сочетание неформальных практик и формальных институтов в неопатримониальных режимах исследует С.Н.

---

[36] Харитонова О.Г. Теория и практика консоционализма в ближневосточном контексте: новые грани старой проблемы // Южно-российский журнал социальных наук. – 2021. – Т.22, № 4. – С. 61-80; Харитонова О.Г. Этнические войны и постконфликтная демократия // Политическая наука. – 2016. - № 1. – С. 34-59.

[37] Blondel J. Dual Leadership in the Contemporary World // Parliamentary versus Presidential Government / Ed. by A. Lijphart. – N.Y.: Oxford University Press, 1992. – P. 162-172.

[38] Линц Х. Опасности президентской формы правления. Теория и практика демократии. Избранные тексты. - М.: Ладомир, 2006. – С. 216-222.

[39] Shugart M.S., Carey J.M. Presidents and Assemblies: Constitutional Design and Electoral Dynamics. - N.Y.: Cambridge University Press, 1992. - 316 p.

[40] Харитонова О.Г. Президентство и демократия: Состояние дискуссии // Политическая наука. – 2012. – №3. – С. 199-213.

[41] Зазнаев О.И., Сидоров В.В. Формы правления и этнические конфликты: монография. – Казань: Логос-Пресс, 2022. – 232 с.

[42] Selway J., Templeman K. The Myth of Consociationalism? Conflict Reduction in Divided Societies // Comparative Political Studies. – 2012. – Vol. 45, issue 12. - P. 1542–1571.

[43] Mainwaring S. Presidentialism, Multipartism, and Democracy: The Difficult Combination // Comparative Political Studies. – 1993. – Vol. 26, issue 2. – P.198-228.

[44] Метаморфозы разделенных обществ / ред. И.В. Кудряшова, О.Г. Харитонова. – М.: МГИМО-Университет, 2020. – 284 с.

[45] Этнические аспекты политических институтов и процессов: монография / ред. О.И. Зазнаев, М.Х. Фарукшин. – Москва; Берлин: Директ-Медиа, 2021. – 392 с.

[46] Сенюшкин Е. А. Управление политическими рисками как теоретическая проблема // Этничность, религия и политика / ред. Т. А. Сенюшкина и А. В. Баранов. – Симферополь: ИТ «Ариал», 2015. – С. 307–310.

[47] Д. Норт, Дж. Уоллис, Б. Вайнгаст. Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества / пер. Д. Узланер, М. Марков, Д. Расков, А. Раскова. – М.: Издательство Института Гайдара, 2011. – 480 с.; Weingast B.R., Wittman D.A. The Reach of Poltical Economy // The Oxford Handbook of Political Economy /Ed. B.R. Weingast, D.A. Wittman. – Oxford University Press, 2006. – P. 3-25.

[48] Helmke G., Levitsky S. Informal Institutions and Comparative Politics: A Research Agenda. - Kellogg Institute, 2003. - Working paper № 307. – URL: https://www3.nd.edu/~kellogg/publications/workingpapers/WPS/307.pdf (accessed: 01.01.2023); Lauth H.-J. Informal Institutions and Democracy // Democratization. - 2000. - № 7 (4). - P. 21-50.

Шкель[49]. Учитывая «незападные» характеристики политического процесса в Центрально-Азиатском регионе, значимой для диссертации остается работа Л. Пая[50]; не меньший интерес представляет концепция «укорененности» (embeddedness) неформальных институтов К. Поланьи и М. Грановеттера[51].

Третью группу образуют работы, посвященные проблематике государственного и национального строительства в Центральной Азии и конкретно в Киргизии. Среди зарубежных исследователей этой темы следует прежде всего назвать С.Н. Каммингс[52], Дж. Луонг[53], К. Коллинз[54], А. Насемуллу[55], применяющего к таким постсоветским странам, как Киргизия, термин «лоскутное государство», а также О. Руа[56], который, в частности, подчеркивает, что понимание гражданского общества в западной логике не подходит для анализа сохранявшейся и в советский период неформальной сети общественных связей в центральноазиатских странах.

Среди российских исследований в этой области можно выделить труды И.Д. Звягельской, Н.А. Борисова, Д.Б. Малышевой, А.А. Казанцева, К.П. Боришполец, Г.А. Рудова и др. В частности, И.Д. Звягельская[57] рассматривает проблемы становления независимых государств Центральной Азии, факторы конфликтности в регионе, угрозы, вызовы и риски «нетрадиционного» рода. Н.А.

---

[49] Шкель С.Н. Неопатримониальные практики и устойчивость авторитарных режимов Евразии // Полития. – 2016. - № 4. – С. 94-107.

[50]Пай Л. Незападный политический процесс // Политическая наука. - 2003. - №2. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/nezapadnyy-politicheskiy-protsess (дата обращения: 28.12.2022).

[51] Поланьи К. Великая трансформация. Политические и экономические истоки нашего времени. – (1944). – 2002. – 312 с.; Грановеттер М. Экономическое действие и социальная структура: проблема укорененности // Экономическая социология. – 2002. – № 3. – С. 44-58.

[52]Cummings S.N. Understanding Central Asia: Politics and Contested Transformations. - New York: Routledge, 2012. - 240 p.

[53] Luong J.P. Institutional Change and Political Continuity in Post-Soviet Central Asia: Power, Perceptions, and Pacts. - Cambridge and NY: Cambridge University Press, 2002. – 312 p.

[54] Collins K. Clan Politics and Regime Transition in Central Asia. Cambridge: Cambridge University Press, 2006. – URL: https://doi.org/10.1017/CBO9780511510014 (accessed: 08.01.2023); Collins K. Clans, Pacts, and Politics in Central Asia // Journal of Democracy. - 2002. - № 13 (3). - p. 137-152; Collins K. The Logic of Clan Politics: Evidence from the Central Asian Trajectories // World Politics. - 2004. - № 56 (2). – P. 224-261.

[55] Naseemullah A. Patchwork States: The Historical Roots of Subnational Conflict and Competition in South Asia. - Cambridge: Cambridge University Press, 2022. – 300 p.

[56] Roy O. Kolkhoz and Civil Society in the Independent States of Central Asia // Civil Society in Central Asia / Ed. M.H. Ruffin, D. Waugh. - Seattle: University of Washington Press/Center for Civil Society International, 1999. – P. 109-122.

[57] Звягельская И.Д. Специфика этнополитических конфликтов и подходы к их урегулированию: учебное пособие. – М.: Навона, 2008. - 159 с.; Звягельская И.Д. Становление государств Центральной Азии. Политические процессы. – М.: Аспект Пресс. - 2009. - 208 с.

Борисов[58] изучает формирование и эволюцию институционального дизайна в ряде центральноазиатских стран, а также функционирование их политических режимов, включая попытки политической консолидации. В центре внимания Д.Б. Малышевой[59] - проблемы, связанные с политической трансформацией государств центральноазиатского региона, «цветными революциями», а также традиционные и нетрадиционные вызовы стабильности, отношения этих государств с Россией, США и другими внешними акторами. Следует также отметить исследования Л.Л. Хоперской[60], которая рассматривает формализацию неформальных правил и практик и сопутствующее им укрепление неотрадиционализма как автохтонный путь развития КР.

Анализируя интересы западных стран и России в Центральной Азии, А.А. Казанцев[61] уделяет особое внимание отличиям этих государств от стран Запада в сфере исторических традиций и политических институтов. К.П. Боришполец[62] исследует как процессы культурно-политической модернизации стран региона, так и вопросы региональной безопасности. Г.А. Рудов[63] освещает многочисленные внутренние проблемы стран Центральной Азии, начиная от исламизации до политизации межэтнических противоречий. Вопросами религиозного влияния и

---

[58] Борисов Н.А. Институциональный дизайн государств Центральной Азии в процессе трансформации политических режимов: Случаи Узбекистана и Кыргызстана // Политическая наука. - 2014. - № 1. - С. 159-180; Борисов Н.А. Между современностью и традицией: Политические альтернативы постсоветской Центральной Азии. – М.: РГГУ, 2010. - 369 с.

[59] Малышева Д.Б. Демократия постсоветского Востока: Модели и реалии // Россия и мусульманский мир. – 2004. - № 10. - С.127-144; Малышева Д.Б. Радикальный исламизм как внешнеполитический вызов нациям-государствам Центральной Азии // Ислам на Ближнем и Среднем Востоке. – 2015. - № 9. - С. 83-92; Малышева Д.Б. Центральноазиатский узел мировой политики. – М.: ИМЭМО РАН, 2010. – 100 с.

[60] Хопёрская Л. Л. Ресурсы неотрадиционализма в конституционно-правовых процессах в Киргизской Республике // Северо-Кавказский юридический вестник. – 2023. – № 2. – С. 60–67.

[61] Казанцев А.А. Политика стран Запада в Центральной Азии: ключевые характеристики, дилеммы и противоречия // Научно-координационный совет по международным исследованиям МГИМО(У) МИД России; Центр Евро-атлантической безопасности. – М.: МГИМО-Университет, 2009. – 186 с.

[62] Боришполец К.П. Русский язык в центрально-азиатском регионе // Вестник МГИМО-Университета. - 2014. - №2. - С.63-70; Боришполец К.П., Чернявский С.И. Среднесрочный прогноз развития ситуации в регионе Центральной Азии // Вестник МГИМО-Университета. --2010. - № 4. - С.28-32.

[63] Рудов Г.А. Ислам в Центральной Азии: Масштабы и перспективы влияния // Обозреватель – Observer. – 2014. - №6. – С. 55-66; Рудов Г.А. Центральноазиатский узел: рубить нельзя - развязывать! // Международная жизнь. - 2010. - № 9. - С. 121-136.

исламской идентичности также занимаются И.В. Кудряшова[64], А. Хаким[65], С.А. Ляушева и З.А. Жаде[66] и коллектив авторов в составе А.Б. Элебаевой, Н.С. Эсенамановой, З.Д. Чотаева[67].

Теорию «ловушек развития» применительно к киргизскому политическому процессу тестирует Е.С. Глазова[68], подтверждая выводы П. Кольера. Авторский коллектив в составе И.А. Сафранчука, В.П. Жорнист и других ученых[69] рассматривает перспективы регионального развития в контексте возможного появления гегемона среди самих центральноазиатских стран. В. Акчурина[70], анализируя механизмы использования грантов и ресурсов государственных институтов в Центральной Азии с целью реализации партикулярных интересов политических элит, отмечает размывание традиционной клановости.

Отдельно следует выделить работы авторов из Киргизии, нередко более глубоко понимающих специфику внутриполитических проблем, институциональной организации и социокультурного развития центральноазиатских стран. Среди них А.М. Артыкбаев[71], Б.М.

---

[64] Кудряшова И.В. Исламская цивилизационная доминанта и современное развитие мусульманских политий // Политическая наука. – М.: ИНИОН РАН, 2003. - №2. – С.87-117; Кудряшова И.В. Мусульманская политическая идентичность в современную эпоху: священный текст и социальный опыт // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. – 2017. - № 4. – С. 349-365; Кудряшова И.В., Козинцев А.С. Исламские партии между небесным и земным: трансформация понятия «партия» в мусульманском политическом дискурсе // Полития: Анализ. Хроника. Прогноз. – 2021. – № 4 (103). – С. 63-80.

[65] Хаким А. Особенности религиозного мышления в Центральной Азии: необходимость комплексной модернизации // Центральная Азия и Кавказ. – Лулео, 2005. - №1. – С.30-40.

[66] Ляушева С.А., Жаде З.А. Концептуальные подходы к исследованию феномена религиозной идентичности // Наука: комплексные проблемы. – 2018. – № 1 (11). – С. 35-41.

[67] Элебаева А.Б., Эсенаманова Н.С., Чотаев З.Д. Влияние религиозного фактора на социально -политическую ситуацию в Кыргызской Республике (социологическое исследование) - Бишкек: Триада Принт, 2016. - 206 с.

[68] Глазова Е.С. Киргизия: институциональные изменения как выход из «ловушек развития» // Южно-российский журнал социальных наук. – 2019. – Т. 20. – № 4. – С. 49-62.

[69] The Dilemma of Middlepowermanship in Central Asia: Prospects for Hegemony / Safranchuk, I.A., Zhornist, V.M., Nesmashnyi, et al. // Russia in Global Affairs. – 2022. – № 20 (3). – P. 116-133 – URL: http://dx.doi.org/10.31278/1810-6374-2022-20-3-116-133 (accessed: 08.01.2023)

[70] Akchurina V. Kyrgyzstan and Intermingling of Elites: From a State of Enlightenment to a Shadow State // Political Regimes and Neopatrimonialism in Central Asia / Izquierdo-Brichs F., Serra-Massansalvador F. – 2021. – P. 295-322.

[71] Артыкбаев А.М. Геополитические процессы в Центральной Азии в эпоху глобализации. – LAP Lambert Academic Publishing, 2014. – 136 с.

Торогельдиева[72], Н.У. Курбанова[73], А. Арынова[74]. Истоки киргизской революции 2020 г., а также особенности парламентаризма в стране исследует А. Доолоткельдиева[75], феномен неоклановости – А. Болпонова[76].

Источниковую базу исследования составляют официальные государственные документы – нормативные акты и конституции Киргизской Республики; программные документы основных партий и их предвыборные платформы; статьи, речи, интервью политических лидеров страны; результаты социологических опросов, кодексы о выборах Центральной комиссии по выборам и проведению референдумов (Шайлу)[77] и все сопутствующие документы по вопросам выборов. Помимо этого, в ней присутствуют отчеты международных организаций, например, СНГ[78], БДИПЧ/ОБСЕ[79], документы ЕАЭС и ЕЭК[80], ОЭСР[81] и другие, а также документальные публикации, архивы прессы и пр.

---

[72] Торогельдиева Б. М. Административная реформа как фактор повышения эффективности государственного управления в Кыргызстане // Развитие территорий. – 2019. – 2(16). – С. 28–32; Торогельдиева Б.М. Особенности политической культуры современного кыргызского народа // Вестник КРСУ. – 2008. - Т. 8. № 7. - С. 157-160.

[73] Курбанова Н.У., Мырзабаева Н.С. Из истории развития города Ош // Вестник Кыргызского государственного университета имени И. Арабаева. – 2020. – № 4. – С. 202-210.

[74] Arynova A., Schmeier S. et al. Conflicts over Water and Water Infrastructure at the Tajik-Kyrgyz Border: A Looming Threat for Central Asia? / Water, Peace and Security. – 2021. – URL: https://waterpeacesecurity.org/files/68 (accessed: 21.10.2022).

[75] Doolotkeldieva A. The 2020 Violent Change in Government in Kyrgyzstan Amid the Covid-19 Pandemic: Three Distinct Stories in One // In Between Peace and Conflict in the East and the West. - 2021. – URL: https://doi.org/10.1007/978-3-030-77489-9_8 (accessed: 25.12.2022); Doolotkeldieva A., Wolters A. Uncertainty Perpetuated? The Pitfalls of a Weakly Institutionalized Party System in Kyrgyzstan // Central Asian Affairs. - 2017. - № 4 (1). - P. 26-50.

[76] Болпонова А. Политические кланы Кыргызстана: история и современность // Центральная Азия и Кавказ. – 2015. – Выпуск 3-4. – С. 57-72.

[77] Кодекс Кыргызской Республики о выборах / Центральная Комиссия по выборам и проведению референдумов КР (Shailoo). – URL: https://shailoo.gov.kg/ru/konstitucionnye-zakony-kr/konstitucionnye-zakony-kr/O_vyborah_Pr-1913/ (дата обращения: 25.12.2022)

[78] Кыргызская Республика / Межпарламентская ассамблея государств-участников Содружества независимых государств. – URL: https://iacis.ru/ob_organizatcii/gosudarstva-uchastniki/kirgizskaya_respublika (дата обращения: 25.11.2022)

[79] Напр. OSCE ODIHR Final Report on the 2007 Parliamentary Elections in Kyrgyzstan. – URL: http://www.osce.org/documents/odihr/2008/04/30844_en.pdf (accessed: 27.12.2022)

[80] Обращение Президента Садыра Жапарова к главам государств-членов ЕАЭС по случаю председательства Кыргызстана в органах Союза в 2022 г. / Евразийская экономическая комиссия. - 11.01.2022. – URL: https://eec.eaeunion.org/news/obrashhenie-prezidenta-sadyra-zhaparova-k-glavam-gosudarstv-%E2%80%93-chlenov-eaes-po-sluchayu-predsedatelstvovaniya-kyrgyzstana-v-organakh-soyuza-v-2022-godu/ (дата обращения: 25.11.2022)

[81] COVID-19 в странах Центральной Азии: восстановление экономики и предстоящие трудности // OECD. Tackling Coronavirus (COVID-19): Contributing to a Global Effort. - 11.2020. – URL: https://www.oecd.org/eurasia/competitiveness-programme/central-asia/COVID-19-crisis-response-in-Central-Asia-Russian-updatEd.pdf (дата обращения: 25.11.2022)

В исследовании использовались следующие **базы данных**: материалы Национального статистического комитета Киргизии[82], база данных «Статистика СНГ»[83], статистические данные Государственной комиссии по делам религии КР[84] и статистические данные международных организаций (ООН, Всемирного банка и др.).

Объектом исследования выступают этнополитические риски в процессе государственного и национального строительства в Киргизской Республике.

Предметом исследования является управление этнополитическими рисками в процессе государственного и национального строительства в Киргизской Республике во внутреннем и внешнем аспектах.

Цель и задачи исследования

Цель работы - определить политические механизмы, используемые для управления этнополитическими рисками в Киргизской Республике во внутреннем и внешнем аспектах, и оценить их эффекты.

Для достижения цели планируется решить следующие **задачи**:

1. Разработать теоретико-методологическую рамку исследования, определить понятийный аппарат и аналитический инструментарий.
2. Изучить генезис этнополитических рисков в Киргизии в исторической ретроспективе – до и после присоединения ее территории к Российской империи.
3. Оценить влияние советского наследия на консолидацию центров и границ и формирование этнокультурных расколов в Киргизской Республике.
4. Выявить воздействие этнополитической рискогенности на процесс государственного и национального строительства в Киргизии.
5. Провести проверку концепции о региональном противостоянии элитных групп (неокланов) в институтах власти как одном из источников политической дестабилизации.

---

[82] Напр. Уровень бедности населения в Кыргызской Республике в 2016 г. / Национальный статистический комитет Кыргызской Республики. – URL: http://www.stat.kg/media/files/41aa1138-53c4-4dd7-afce-d6c854e1c065.pdf (дата обращения: 21.10.2022); Демографический ежегодник Кыргызской Республики. - URL: http://www.stat.kg/ru/publications/demograficheskij-ezhegodnik-kyrgyzskoj-respubliki/ (дата обращения: 17.11.2022).

[83] База данных «Статистика СНГ». – URL: http://www.cisstat.com/0base/frame-rus.htm (дата обращения: 16.12.2022).

[84] База данных «Религиозные организации» / Государственная комиссия по делам религии Кыргызской Республики. – URL: http://www.religion.gov.kg/ru/religion_organization/registered/muslim (дата обращения: 25.11.2022)

6. Определить внешние факторы этнополитической рискогенности.

7. Проанализировать опыт Киргизии по управлению этнополитическими рисками с точки зрения политической теории и практики.

8. Предложить рекомендации по повышению эффективности политических механизмов управления этнополитическими рисками с учетом историко-культурных, социально-экономических, внутри- и внешнеполитических условий в КР и регионе, а также ценностных ориентаций общества на современном этапе.

Теоретическая и методологическая основа исследования

Исследовательская позиция автора определена сочетанием нескольких подходов. Это системный подход, который необходим для анализа взаимодействия между всеми элементами политической системы, а также между нею и внешней средой[85]. Формирование и функционирование современных политических институтов КР осмыслено на основе институционального и неоинституционального подходов[86]. Первый позволяет рассмотреть строительство формальных институтов независимой Киргизии, второй – учесть присутствие в политическом процессе неформальных институтов, что дает возможность оценить совокупное воздействие формальных и неформальных институтов на организационные отношения внутри общества и преодоление этнокультурных расколов. Использование исторического институционализма важно для объяснения генезиса и особенностей функционирования официальных политических институтов.

Несмотря на достоинства дискурсивного (конструктивистского) институционализма, с помощью которого, по мнению К. Хэй[87], можно обнаружить дискурсивное конструирование кризисов и рассмотреть институционализацию как нормализацию политических парадигм, он нашел лишь ограниченное применение в диссертации, поскольку в течение длительного периода политические элиты КР одобряли демократический нарратив ЕС и не предлагали альтернативных стратегических проектов развития. Более того, они в основном руководствовались

---

[85] Современная политическая наука: Методология / отв. ред. О.В. Гаман-Голутвина, А.И. Никитин. – 2-ое изд., испр. и доп. – М.: Издательство «Аспект Пресс», 2019. – С. 213-232.

[86] Sanders E. Historical Institutionalism // The Oxford Handbook of Political Institutions / ed. by R.A.W Rhodes, S.A. Binder, B.A. Rockman. – Oxford: Oxford University Press, 2006. – P. 39-55.

[87] Hay C. Constructivist Institutionalism // The Oxford Handbook of Political Institutions / ed. by R.A.W Rhodes, S.A. Binder, B.A. Rockman. – Oxford: Oxford University Press, 2006. – P. 56-74.

партикулярными интересами: как отмечает В. Акчурина, элиты в Киргизии – это не «хранители государства» и не политические профессионалы (по Веберу), а скорее доминирующий класс, представляющий собственные интересы[88].

Также применены: макросоциологический подход – для анализа внутренней организации киргизского общества, его дифференциации и стратификации; структурно-функциональный подход[89] – для изучения сложившегося социального порядка (иерархий неокланов и этнических акторов) и политических ролей различных социальных групп и институтов, а также оценки результатов политических реформ. Учет социального контекста необходим для разработки тех или иных институциональных рекомендаций, так как модифицирующие эффекты институтов зависят от набора и выраженности социальных размежеваний. Для более фундированного объяснения специфики этнополитической ситуации в КР автор в ряде случаев обращается к историческому контексту.

Подход ОЭСР для анализа хрупких государств предлагает фокусировать внимание на источниках рисков, которые подрывают состоятельность государства и эффективность его институтов в сфере экономики, экологии, политики, обеспечения безопасности и предоставления сервисов и услуг своему населению, но не затрагивает анализа первопричин этих рисков[90], которые автор связывает с формированием современной конфигурации территориальных и функциональных границ киргизского государства. Поэтому представляется логичным дополнить этот подход макроисторическим подходом[91], что позволит оценить потенциал стабилизации и легитимации структур власти[92] и механизмов управления этнополитическими рисками.

Сравнительный подход применен при анализе исторических фаз формирования государственности Киргизской Республики, а также для оценки киргизского опыта регулирования

---

[88] Akchurina V. Kyrgyzstan and intermingling of elites... – P. 296.

[89] Дюркгейм Э. Социология: ее предмет, метод, предназначение / пер.-сост. А. Б. Гофман. – М.: Канон+, 2006. – 349 с.

[90] Elagin D.P. Conceptual Perspectives on State Fragility // Вестник МГИМО-Университета. - 2021. - № 14(4). - С.107-135

[91] Collier P. The Bottom Billion. Why the Poorest Countries are Failing and What Can Be Done About It. - N.Y.: Oxford University Press, 2007; Linden M. van der, Mitzman L. Charles Tilly's Historical Sociology // International Review of Social History. – Cambridge University Press, 2009. – № 54 (2). – P. 237–274. – URL: http://www.jstor.org/stable/44583132 (accessed: 25.12.2022); Arbatli, E., Arbatli, C. The International Determinants of Military Coup Behavior // Oxford Research Encyclopedia of Politics - 2018. – URL: https://oxfordre.com/politics/view/10.1093/acrefore/9780190228637.001.0001/acrefore-9780190228637-e-338 (accessed: 25.12.2022)

[92] Bartolini S. Restructuring Europe. Centre Formation, System Building, and Political Structuring between the Nation State and the European Union. - New York: Oxford University Press, 2005. – 405 p.

этнокультурных размежеваний в контексте имеющихся теоретических моделей. Посредством метода формально-легального сравнения осуществлен анализ конституционных изменений распределения государственно-властных полномочий. Количественный анализ применен для проверки концепции противостояния региональных элит в правительстве; на его основе представлена визуализация состава правительств с 1991 г. до окончания исследования (август 2023 г.)

В исследовании использованы элементы качественного анализа текстов (законодательных документов, биографий политических лидеров и пр.).

Метод политического прогнозирования востребован для финальной части исследования в том, что касается определения потенциально эффективных политических механизмов для управления этнополитическими рисками и повышения стабильности в Киргизской Республике и субрегионе в целом.

Настоящее исследование представляет собой кейс-стади, так как случай Киргизии представляется уникальным: в отличие от других постсоветских государств Центральной Азии, ей не удалось создать устойчивых механизмов политического контроля при использовании как авторитарных, так и демократических практик. Соответственно, углубленный анализ этого случая позволяет дополнить знания о причинно-следственных связях, возникающих в ходе государственного и национального строительства в странах субрегиона.

Концептуально-теоретическая рамка исследования будет более подробно рассмотрена в главе 1, поэтому в настоящем разделе целесообразно только перечислить те теории и модели, которые имеют центральное значение для диссертации. Это:

- типология форм государственного и национального строительства А. Степана, уточненная в контексте гетерогенного общества Киргизии с помощью теории центр-периферийной полярности С. Роккана;

- теории М. Дугласа, У. Бека, Э. Гидденса, Р. Капелюшникова, О.Н. Яницкого, способствующие пониманию истоков и характера рискогенности в современных и переходных обществах;

- теории Х.-Й. Лаута, Г. Хелмке и С. Левицки о типах взаимодействий формальных и неформальных институтов;

- теории А. Хиршмана и С. Бартолини о конфигурациях связей между центром и периферией, уровне политической консолидации и индивидуальном поведении граждан в случае несогласия с формальными правилами;

- теория Б. Вайнгаста и Д. Уиттмана об институтах как эндогенных образованиях, историческое развитие которых имеет непосредственное влияние на их структуру и выживаемость.

Предпринятый в диссертации поиск лучшего институционального дизайна для Киргизии опирается на: а) теории А. Лейпхарта и Д. Горовица, полагающих институциональный дизайн наиболее эффективным инструментом для смягчения этнокультурных расколов; б) анализ президентства и парламентаризма, проведенный М.С. Шугартом и Дж.М. Кэри; в) модель «сильной власти», разработанную Дж. Снайдером, О.И. Зазнаевым и В.В. Сидоровым, Дж. Селвеем и К. Темплеманом.

Трактовка роли этничности в политическом процессе осуществляется на основе работ Э. Смита, В.А. Тишкова, Е.А. Сенюшкина, О.Ю. Малиновой, П.В. Осколкова и А.И. Тэвдоя-Бурмули.

Научная новизна исследования

Постоянное воспроизведение политических кризисов с этнокультурной составляющей в Киргизской Республике не позволяет говорить об успешности предыдущих попыток организации управления этнополитическими рисками и стабилизации политической системы. Несмотря на существующие работы по анализу киргизских политических реформ и роли неформальных институтов в процессе государственного и национального строительства[93], а также значительное количество трудов по постконфликтному урегулированию в разделенных обществах, целостного исследования по управлению этнополитическими рисками в Киргизии во внутреннем и внешнем аспектах проведено не было. Новизна настоящей диссертации выражается в следующем:

1. Управление этнополитическими рисками рассмотрено с учетом исторического формирования киргизской государственности, включая досоветский и советский периоды;
2. Анализ этнополитических рисков проведен с учетом взаимодействия формальных и неформальных институтов киргизской политической системы;

[93] Блохина А.О. Киргизия: институты и эффективная политика // Вестник Пермского университета. Политология. – 2012. – № 3 (19). – С. 132.

3. Учтено влияние факторов политической культуры, экономического развития и внешнеполитических условий на этнополитическую стабильность;
4. Впервые применен количественный подход к анализу этнического и субрегионального состава правительств КР;
5. Предложены и критически проанализированы два варианта институциональных решений по управлению этнополитическими рисками: консоциативная модель и модель с «сильной властью;
6. Обоснована необходимость участия внешних акторов для обеспечения эффективности управления этнополитическими рисками.

Основная гипотеза заключается в том, что управление этнополитическими рисками в таких молодых государствах с ограниченными ресурсами и высокой этнокультурной гетерогенностью, как Киргизия, возможно только при совмещении и параллельной реализации внутри- и внешнеполитических задач: трансформация дизайна формальных институтов, как и формализация традиционных форм управления, является важным, но односторонним и поэтому уязвимым решением проблемы политизации этнокультурной гетерогенности и нейтрализации продуцируемых ею рисков, поэтому она должна сопровождаться помощью развитию со стороны внешнего патрона/патронов.

Сопутствующее этой гипотезе **предположение** заключается в том, что управление этнополитическими рисками не может быть продуктивно обосновано только технологически, т.е. в политико-институциональном ключе, а также в русле телеологических установок движения к демократии, и требует всестороннего учета историко-культурного, экономического и социального контекста в целях решения задач государственного и национального строительства.

Теоретическая и практическая значимость работы

В исследовании предпринята попытка оценки потенциала управления этнополитическими рисками в Киргизской Республике в контексте новейших научных разработок в сфере государственного строительства и управления этнокультурной разнородностью. В теоретическом отношении научную ценность представляет вывод о том, что внутренние институциональные механизмы управления рисками в таких этнокультурно разделенных и экономически слабых обществах, как киргизское, не могут обеспечить долгосрочное решение проблемы политической

стабильности и что более эффективные решения возможны только при участии внешних акторов-патронов.

В практическом отношении представляются значимыми разработанные автором рекомендации по укреплению институциональной стабильности КР в условиях этнополитической конфликтности, которые могут быть востребованы российскими министерствами и ведомствами при определении стратегии взаимодействия с Киргизией в сфере двусторонних отношений и в рамках ЕАЭС.

Материалы и выводы работы могут быть полезны при изучении дисциплин «Этнополитология», «Сравнительная политология», «Конфликт-менеджмент» и других.

Хронологические рамки диссертационного исследования

Основной акцент исследования приходится на период со времени получения Киргизской Республикой независимости в 1991 г. до момента завершения работы над исследованием (август 2023 г.), однако специфика темы в ряде случаев требует выхода за эти временные рамки для учета исторических факторов формирования киргизской государственности и для понимания динамики этнокультурного контекста в стране и Центрально-Азиатском регионе в целом.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Киргизское общество относится к этнокультурно разделенным обществам, в которых политизация этничности продуцирует риски, трансформирующиеся в хроническую политическую нестабильность. Ее выражением выступают внеинституциональные действия по смене власти - перевороты, массовые протесты с применением насилия и межэтническими столкновениями.

2. В результате особенностей исторического развития страны этнополитические риски в Киргизии имеют две формы проявления: собственно этническую, определяемую наличием этнических меньшинств, и квазиэтническую, порождаемую соперничеством так называемых обновленных кланов (неокланов), которые представляют собой продукт дуальной системы союзов кочевых племен, объединяющих индивидов и по признаку родства (приятельства, места проживания и т.д.), и в силу политических и деловых интересов[94].

[94] О формировании неокланов см.: Глазова Е.С. Указ. соч. С. 50.

3. Для КР как молодого постимперского государства характерно соперничество различных центров, которое осложняется неконсолидированными границами. Результатом этого соперничества и одновременно политизации этнокультурной гетерогенности является региональный раскол (раскол «север – юг»).

4. Последовавший за распадом СССР процесс демодернизации киргизского общества привел к укреплению политических функций неформальных институтов, в том числе неокланов, которые стремятся к замещению слабых формальных институтов. Это обусловило низкую эффективность многочисленных политических реформ, направленных на сбалансированное политическое представительство различных этнокультурных групп и снижение этнополитических рисков путем институциональных изменений.

5. Существует ряд внешних вызовов и угроз, стимулирующих рост этнополитических рисков в КР, а именно: пограничные споры с соседними государствами из-за недемаркированных участков границ и этнических эксклавов на территориях Киргизии, Узбекистана и Таджикистана; усиление радикальных исламских настроений на юге страны из-за перенаселенности и недостатка ресурсов в субрегионе; использование этнических меньшинств в качестве политического инструмента со стороны «внешней родины» (Р. Брубейкер[95]).

6. На внутреннем уровне при наблюдаемых амбивалентных политико-культурных ориентациях общества в КР возможно осуществление различных пакетов институциональных мер с целью управления подобными этнополитическими рисками – как в паттерне консоциативной модели, так и в паттерне модели с сильной президентской властью. Консоциативная модель долгое время воспринималась как лучшая и единственно возможная модель для управления этнополитическими рисками; ее имплементация была предложена Европейским союзом в условиях отсутствия стратегического планирования у киргизских политических элит.

7. Из возможных вариантов консоциативной модели этнокультурным особенностям Киргизии в большей степени соответствует модель, включающая премьер-президентскую систему, которая будет наиболее эффективной при принадлежности президента, премьера и большинства в парламенте к одной партии/партийному блоку. В сфере электорального дизайна предпочтительны следующие элементы: пропорциональное представительство, единый республиканский порог в 9% голосов, увеличение числа парламентариев до 120, закрытые

---

[95] Брубейкер Р. Этничность без групп /пер. И. Борисов // Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». — М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. — С.14.

партийные списки при сохранении гендерных и этнических квот, квота Хэра и метод наибольшего остатка для распределения депутатских мест.

8. В настоящий период, учитывая неудачные попытки введения элементов консоционализма и уже осуществленный в КР переход к президентской системе, более целесообразной с точки зрения управления этнополитическими рисками представляется модель «сильной власти», которая позволяет обеспечить центр принятия решений ресурсами и стабилизировать функционирование официальных государственных институтов. В диссертации в качестве ее оптимального варианта рассматривается президентская система с элементами реального парламентаризма (по О.И. Зазнаеву) и с непрямыми выборами президента в случае второго тура в совокупности с мажоритарной системой абсолютного большинства.

9. В сфере территориального устройства в интересах консолидации политического центра (республиканской столицы) предпочтительной выглядит унитарная модель (вариантом может быть создание централизованной федерации). Среди политических элит КР существует понимание необходимости укрепления общегражданской идентичности, что отражает принятие Концепции развития гражданской идентичности, однако без дополнительных бюджетных ресурсов ее развитие выглядит затруднительным.

10. В этнокультурно разделенных обществах внутренние институциональные реформы могут быть эффективным инструментом снижения этнополитических рисков, однако при сочетании ряда неблагоприятных факторов (глубокие расколы, сильные неформальные институты и слабая экономическая база), как это имеет место в КР, они являются недостаточными для контроля над этнополитическими рисками. Из политического опыта КР также следует, что решение проблемы управления этнополитическими рисками выходит за рамки внутриполитического регулирования, так как для закрепления институциональных решений необходимы финансовые и экономические ресурсы.

11. В связи с этим ключевым условием для решения этой задачи выступает обеспечение внешнего уровня управления этнополитическими рисками, под которым подразумевается наличие внешнего актора-патрона, заинтересованного в стабильности Киргизии и региона в целом. Несмотря на активный интерес к КР многих государств и международных организаций, ни один из вовлеченных акторов, кроме России, не предлагает ей поддержки в развитии и укреплении государственных институтов и безопасности. В этом контексте внешнее управление

этнополитическими рисками возможно через региональные интеграционные объединения – такие, как Евразийский экономический союз.

Структура диссертационного исследования

Работа состоит из введения, трех глав и заключения, а также списка литературы, источников и приложений.

Введение включает обязательные для диссертационного исследования положения. **Первая глава** «Концептуально-теоретическая рамка исследования. Исторический контекст этнокультурной разделенности киргизского общества» состоит из трех параграфов.

В первом параграфе «Обоснование концептуально-теоретической рамки исследования» осуществлен синтез различных методологических подходов с целью разработки оптимальной методологии исследования этнокультурно разделенного общества Киргизии, выявления этнополитическов рисков и путей управления ими.

Второй параграф посвящен исторической государственности Киргизии с момента первого упоминания в исторических документах и вплоть до советского периода. Рассмотрены специфические особенности племен, проживающих на территории современной Киргизии, в первую очередь, природа клановых структур и дуальность клановых союзов, процесс вхождения Кокандского ханства в состав Российской империи как Туркестанского генерал-губернаторства и начало процесса переселения в регион русскоязычного населения.

В третьем параграфе представлен анализ советского периода формирования центральноазиатских государств в их сегодняшних территориальных рамках. Отмечено, что несмотря на многочисленные попытки модернизировать киргизское общество и искоренить аскриптивные идентичности населения, жизнеспособность клановой системы и ее институтов не была подорвана и вновь укрепилась к моменту распада СССР, в том числе из-за развала единого народно-хозяйственного комплекса страны.

Вторая глава «Этнополитические риски в Киргизской Республике» посвящена политизации этнокультурных расколов.

В первом параграфе проведен анализ социально-политической карты современной Киргизии, подтвердивший доминирование неформальных институтов и традиционных паттернов поведения над официальными. Низкие экономические показатели свидетельствуют о том, что архаизация общества и демодернизация экономики после распада Советского Союза значительно

сужают возможности развития и тем самым негативно влияют на стабильность политической системы.

Во втором параграфе сделан акцент на проблему неконсолидированных центров и границ. Выявлено, что негативное влияние на политическую консолидацию Киргизии оказывают этнические эксклавы – результат нарезки границ в советский период, пористые границы на юге страны с Узбекистаном и Таджикистаном и полицефальность – несовпадение экономических, политических, культурных и религиозных центров. Высокий уровень этнической гетерогенности на юге страны, где различные этнические общины проживают достаточно компактно, также представляет источник нестабильности в силу перенаселенности Ферганской долины и высокого уровня безработицы в первую очередь среди молодого населения: тесное соседство при недостатке ресурсов часто приводит к конфликтам, которые могут использоваться соседними государствами для достижения своих целей.

В третьем параграфе продолжено изучение темы неконсолидированности центров и границ в религиозном контексте. Отмечено, что попытки ослабить позиции религии в советское время привели к укреплению основного религиозного центра, находящегося на юге страны (г.Ош). Появление «неофициального, но истинного» ислама в противовес САДУМ стало одной из причин политизации ислама и появления многочисленных радикальных движений. Низкая религиозная грамотность и традиционно-обрядовое понимание религиозных догматов дают возможность и в настоящее время использовать ислам для достижения политических целей.

Четвертый параграф посвящен анализу периодов обострения этнополитических рисков в стране. Показано, что три революции – 2005, 2010 и 2020 гг. – стали результатом политической борьбы между этнокультурными группами севера и юга за доступ к власти и распределению ресурсов. Для проверки гипотезы о сопряженности клановой/региональной принадлежности лидера страны и наличия большинства представителей того же сегмента в правительстве проведен выборочный количественный анализ составов правительств с 1991 г. до настоящего времени.

В пятом параграфе второй главы проведен анализ предыдущих институциональных реформ, которые часто имели фасадный характер, и их возможности в сфере управления этнокультурными рисками для преодоления хронической политической нестабильности. Постоянный пересмотр основного закона и избирательной системы свидетельствует о попытках элит скорее привлечь иностранные инвестиции и реализовать собственные партикулярные интересы, чем разрешить проблему нестабильности и минимизировать этнополитические риски.

В третьей главе диссертант предлагает пакет институциональных мер, внутренних и внешних, для ослабления этнополитических рисков и укрепления официальных институтов с учетом предыдущего опыта реформ, а также с опорой на ценностные ориентации общества.

В первом параграфе освещены культурно-ценностные предпочтения киргизского общества, включая формальное стремление к демократии. Показано, что имеющиеся представления о демократии позволяют использовать для снижения этнополитических рисков как консоциативную модель, так и модель «сильной власти».

Во втором параграфе подробно рассмотрен сценарий консоциативного урегулирования существующих противоречий, проанализированы исполнительная власть и контроль над правительством и избирательная система. Сделан вывод о том, что консоциативный вариант, хотя и представляет собой привлекательную комплексную модель, в настоящий период не подходит для Киргизии в силу неготовности элит к соблюдению политических договоренностей.

В третьем параграфе третьей главы предложен альтернативный пакет институциональных мер с так называемой «сильной властью», или «сильным центром», который может способствовать укреплению официальных институтов и снабжению политического центра б*о*льшими ресурсами для укрепления центростремительных тенденций. Учитывая совсем недавний переход к президентской системе (2021 г.), такой подход позволяет избежать очередной масштабной институциональной трансформации и затрат, связанных с этим.

В четвертом и пятом территориальное устройство, а также состояние гражданских институтов и попытки их укрепления. В сфере территориального устройства предлагается унитарная модель или централизованная федерация для укрепления политического центра, а по поводу гражданского общества отмечается, что среди элит существует понимание необходимости укрепление общегражданской идентичности и повышения доверия к государственным институтам, однако без дополнительных бюджетных ресурсов ее развитие выглядит затруднительным и подрывается отсутствием стратегического планирования, которое затмевает преследования частных интересов.

В шестом параграфе рассмотрен внешний аспект институционального регулирования этнополитическими рисками: укрепление связей с заинтересованным в стабильном развитии региона актором-патроном и стратегический курс на участие в интеграционных объединениях. Эта надстройка над внутренними институциональными реформами – единственный элемент, который не был ранее полностью реализован из-за внешнеполитической ориентации Киргизии на

«многовекторное развитие». Внешний аспект регулирования представляется ключевым для экономического развития и обеспечения ресурсов для функционирования официальных институтов. Россия представляется как единственный актор, способный оказать положительное влияние на смягчение этнополитических рисков и работу с их снижением.

В заключении изложены результаты диссертационного исследования, отвечающие заявленным целям и задачам. Сделан вывод о том, что управление этнокультурными рисками в Киргизии не может быть обеспечено только внутренними институциональными трансформациями в силу глубоких этнокультурных расколов. В попытках преодолеть этнокультурную разделенность и сдержать центростремительные силы политические элиты опробовали различные институциональные решения, однако слабость формальных институтов, высокий уровень гетерогенности и отсутствие экономических ресурсов делают политическую систему Киргизии мало восприимчивой к попыткам реформ. Внешний аспект управления этнополитическими рисками в этих условиях приобретает важное значение. Он заключается в поиске партнеров и спонсоров («хороших соседей» по П. Кольеру), заинтересованных в инвестициях в стабильную Киргизию в долгосрочной перспективе. Объективно наиболее заинтересованным партнером для Киргизии на данный момент видится Россия, а углубление двустороннего и регионального сотрудничества в рамках ЕАЭС будет содействовать решению таких проблем, как модернизация экономики, включая энергетический блок, дальнейшее упорядочение трудовой миграции и безопасность границ.

Апробация результатов исследования. Диссертация подготовлена и обсуждена на кафедре Сравнительной политологии МГИМО МИД России. Отдельные положения и выводы диссертационного исследования были представлены вниманию политологического сообщества на 24-м Всемирном конгрессе политической науки МАПН (IPSA) (2016 г., Познань, Польша)[96], на X

[96] 24th World Congress of Political Science. Доклад "Divided Societies of the Fergana Valley Cluster of Countries (Turkmenistan, Uzbekistan and Kyrgyzstan): Controlling the Ethnic Cleavages" CS01.40 Parliamentary Versus Presidential Systems Government. - Poznań, Poland. 23-28 July 2016. URL: https://www.ipsa.org/events/congress/poznan2016/poznan-2016-program (дата обращения: 25.12.2022)

конвенте РАМИ (2016 г., Москва)[97], на XI конвенте РАМИ (2017 г., Москва)[98] и на Ежегодной всероссийской конференции РАПН «Политические вызовы и политический диалог в условиях глобальной турбулентности»[99] (2022 г., Москва), а также апробированы во время участия в поддержанном РГНФ исследовательском проекте «Политические режимы разделенных обществ в условиях глобализации»[100].

Основные положения диссертации отражены в 6 публикациях автора, общим объемом 3,9 п.л. Все работы по теме диссертации. Во время написания диссертации ФИО автора было изменено с А.О. Блохина на А. Стюарт.

Монографии, главы в монографиях:

Блохина А.О. Трансформация политических институтов и регулирование этнокультурных расколов в Киргизии / А.О. Блохина // Метаморфозы разделенных обществ / [И.В. Кудряшова, О.Г. Харитонова и др.]. – Москва, 2020. – С. 121-141. (12,3 п.л. / авторский вклад – 0,9 п.л.)

В научных изданиях МБД, журналах из списка RSCI и Перечня ВАК (Q1-Q2):

1. Блохина А.О. Институциональные изменения и политическая стабильность в киргизской республике / А.О. Блохина // Вестник МГИМО Университета. – 2017. – № 6 (57). – С. 102-115. (0,95 п.л.) **(Web of Science)**
2. Блохина А.О. Киргизия: институты и эффективная политика / А.О. Блохина // Вестник Пермского университета. Политология. – 2012. – № 3 (19). – С. 132-142. (0,8 п.л.) **(Перечень ВАК)**

---

[97] X конвент РАМИ. Секция 5.3. Проблемы эффективности внешней политики: компаративный ракурс. Доклад «Институциональные изменения и контроль над этнокультурными размежеваниями в Киргизской Республике». – Москва. 2016. URL: https://risa.ru/conventions/X-convention/X-sections/5-3 (дата обращения: 25.12.2022)

[98] XI конвент РАМИ. Секция 2.11. Современные политические проблемы постимперских обществ: этнокультурный контекст. Доклад «Институциональные решения как путь преодоления этнокультурной фрагментированности киргизского общества». – Москва. 2017. URL. https://risa.ru/conventions/XI-convention/XI-sections/2-11 (дата обращения: 25.12.2022)

[99] Итоговая программа Ежегодной конференции РАПН "Политические вызовы и политический диалог в условиях глобальной турбулентности", тема доклада: «Политическая стабилизация в Киргизской Республике: институциональные реформы и геополитика», Москва, ИНИОН РАН, МГИМО МИД России, 2–3 декабря 2022 г. URL: https://rapn.ru/in.php?part=1&gr=1690&d=6262&n=35&p=0&to= (дата обращения: 25.12.2022)

[100] РГНФ: «Политические режимы разделенных обществ в условиях глобализации» (№ 16-03-00872) – руководитель О.Г. Харитонова. URL: https://mgimo.ru/about/news/inno/rgnf-podderzhal-issledovatelskiy-proekt-mgimo/?sphrase_id=1460906 (дата обращения: 25.12.2022)

3. Блохина А.О. "Ферганский фактор" и регулирование этнокультурных размежеваний в Киргизии / А.О. Блохина // Политическая наука. – 2016. – № 1. – С. 161-175. (0,8 п.л.) **(Перечень ВАК)**

4. Стюарт А. Институциональные реформы в условиях этнокультурной разделенности и неконсолидированных границ: опыт Киргизии / И.В. Кудряшова, А. Стюарт // Власть. – 2023. – Том 31. – № 1. – С. 130-137. (0,6 п.л. / авторский вклад – 0,3 п.л.) **(Перечень ВАК)**

В прочих изданиях:

Блохина А.О. Политические режимы разделённых обществ в условиях глобализации / О.Г. Харитонова, И.В. Кудряшова, С.М. Хенкин, Е.А. Захарова, А.О. Блохина // Вестник Российского фонда фундаментальных исследований. Гуманитарные и общественные науки. – 2019. – № 4 (97). – С. 48-58. (0,8 п.л./ авторский вклад – 0,15 п.л.)

Область исследования

Область исследования соответствует пунктам 2 Политическая система, ее структура, 5 Политическая элита и 8 Место политического процесса в системе общественных процессов паспорта специальности ВАК 5.5.2. Политические институты, процессы и технологии, пункту 1.5.3. Проблемы СНГ раздела 1 Международные отношения и страноведение приоритетных направлений научных исследований МГИМО МИД России и пунктам 4.3.6.1. Роль сообществ в проблематике политического изменения, 4.3.6.3. Проблемы современных режимных изменений, 4.3.7. Политическая регионалистика раздела 4 Политология, **4.3 Сравнительная политология** приоритетных направлений научных исследований МГИМО МИД России.

ГЛАВА 1. КОНЦЕПТУАЛЬНО-ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ РАМКА ИССЛЕДОВАНИЯ. ИСТОРИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ РАЗДЕЛЕННОСТИ КИРГИЗСКОГО ОБЩЕСТВА.

1.1. Обоснование концептуально-теоретической рамки исследования

Нестабильность разделенных обществ, причины возникающих конфликтов и пути их преодоления стали объектом многочисленных исследований. Концептуально-теоретическая рамка настоящей диссертации разработана на основе анализа ряда наиболее релевантных поставленным задачам трудов.

Важное значение для диссертации имело определение типа формирующегося киргизского государства. А. Степан и его коллеги[101] предложили использовать для характеристики государств с политизированной культурной гетерогенностью не термин «нация-государство», появившийся с зарождением Версальско-Вашингтонской системы международных отношений, а термин «государство-нация». По мнению исследователей, культурное разнообразие, имеющее территориальное, культурное, этническое и политическое измерения, несет в себе высокую вероятность развития конфликтов между лидерами различных сегментов, которые стремятся к независимости в условиях ограниченности ресурсов, как это произошло во многих бывших советских республиках[102]. А.И. Миллер использует логику Степана при анализе случая Украины[103], где для преодоления конфликтного характера государственного и национального строительства требовалось, по его мнению, использовать модель государства-нации, включающую следующие элементы:

– асимметричная федерация;

– институт коллективных прав меньшинств;

– парламентская система;

– общенациональные и регионоцентричные партии;

– культурная гетерогенность при политической интеграции;

---

[101] Stepan A., Linz J. & Yadav Y. Crafting State-Nations: India and Other Multinational Democracies. - John Hopkins University Press, 2011.

[102] Миллер А. Нация-государство или государство-нация? // Россия в глобальной политике. - 2008. - № 5. – URL: http://www.globalaffairs.ru/number/n_11632 (дата обращения: 25.12.2022)

[103] См. Stepan A. Ukraine: Improbable Democratic “Nation-State” but Possible Democratic “State-nation”? // Post-Soviet Affairs. – Columbia, 2005. – Vol. 21, N 4. - P. 279–308.

– культурный (но не политический) национализм;

– взаимодополняющие множественные идентичности[104].

Представляется целесообразным руководствоваться моделью «государство-нация» и при анализе государственного и национального строительства в Киргизии.

Для изучения закономерностей образования этнокультурно гетерогенных наций и государств в данной работе предполагается опереться на теорию центр-периферийной полярности, разработанную С. Рокканом и его последователями для анализа формирования государств в Европе. В центре внимания Роккана был вопрос о том, почему между государствами существуют различия по степени централизации, почему они неоднородны в лингвистическом и культурно-конфессиональных отношениях[105] и почему практически все этнокультурно гетерогенные общества с трудом поддерживают политическую стабильность.

Используя понятия «многосоставное общество» и «разделенное общество», автор следует концепциям А. Лейпхарта и Д. Горовица. Первое А. Лейпхарт определял как общество, разделенное на сегменты по религиозным, культурным и этническим, языковым и прочим разломам, которые со временем закрепляются и в политическом формате[106]. Д. Горовиц[107] считал разделенным то общество, где серьезные внутренние расколы, обусловленные аскриптивными связями, явно влияют на политику (в большей мере, чем альтернативные формы расколов) и где несколько групп борются за центральную власть и существует история межэтнической вражды[108].

Существует несколько подходов к анализу рисков, возникающих в результате подобных процессов. Первый подход – когнитивный – рассматривает риск как «объективный и познаваемый факт (потенциальная опасность или уже причиненный вред), который может быть измерен независимо от социальных процессов и культурной среды»[109]. Второй – это социокультурный

---

[104] Stepan A. Comparative Theory and Political Practice: Do We need a 'State-Nation' Model as Well as 'Nation-State' Model? – Government and Opposition. – 2008. – Vol. 43, N 1. – P. 6-7.

[105] Роккан С. Города, государства и нации: Пространственная модель изучения различий в развитии: (перевод) // Политическая наука. - 2006. - № 4. С. 46-72; Роккан С. Центр-периферийная полярность // Политическая наука. - 2006. - № 4. С.73-101.

[106] Лейпхарт А. Демократия в многосоставных обществах: сравнительное исследование. – М.: Аспект Пресс, 1997. – С. 38-50.

[107] Horowitz D.L. Ethnic Power Sharing: Three Big Problems // Journal of Democracy. – Baltimore, MD, 2014. – Vol. 25 (2). – P. 5–20.

[108] Блохина А.О. Институциональные изменения и политическая стабильность в Киргизской Республике // Вестник МГИМО-Университета. – 2017. – № 6 (57). – С. 103.

[109] Яницкий О.Н. Социология риска: ключевые идеи…

подход к анализу риска, где социальные и культурные контексты определяют, как риск воспринимается и анализируется[110]. Социокультурный подход в свою очередь имеет три направления: первое, разработанное М. Дугласом, – культурно-символическое, которое делает акцент на взаимоотношениях личности и Другого; второе сформировано У. Беком и Э. Гидденсом и сфокусировано на макросоциальные изменения, порождаемые производством рисков при переходе к высокой модернизации; третье – калькулятивной рациональности – появилось благодаря М. Фуко, в работах которого риск является не объективной реальностью, а конструктом человеческого дискурса и практик.

Учитывая трансформационный характер киргизской политической системы (который выражается прежде всего в ее низкой институционализированности), Киргизия в целом подпадает под определение «общества риска» в трактовке Р. Капелюшникова[111]. Поэтому – и с учетом темы диссертации – риски в широком смысле понимаются автором как следствие макросоциальных изменений в рамках социокультурного подхода. В узком смысле они трактуются как рискогенность этнополитической подсистемы, обусловленная спецификой формирования странового этнополитического баланса.

Тема управления подобными этнополитическими рисками продолжает активно развиваться и считается до сих пор относительно новым полем исследования. Это связано не только с актуализацией этой проблемы после распада таких крупных образований, как СССР или СФРЮ, но и с тем, что общего подхода к урегулированию проблем, связанных с политизацией этнокультурных расколов и формированием в государстве этнополитической рискогенности, не существует. Наиболее разработанным и известным является институциональный подход (который будет рассмотрен ниже), но Е.А. Сенюшкин[112], например, предлагает использовать для анализа этой проблематики сетевой подход, так как он позволяет изучать взаимодействия государства и групп интересов (как внутренних, так и внешних), т.е. учитывать влияние партикулярных интересов различных этнокультурных групп на процесс распределения власти. Подобные

---

[110] Там же.

[111] Капелюшников Р. «Где начало того конца?..» (к вопросу об окончании переходного периода в. России) // Вопросы экономики. – 2001. – №1. – С. 138-156.

[112] Сенюшкин Е.А. Методологические основания управления этнополитическими рисками // ПОЛИТЭКС. – 2015 – С. 138-151.

политические сети являются, таким образом, горизонтальными связями, где акторы либо обмениваются ресурсами (в самом широком понимании этого термина), либо борются за них.

В данной работе «управление этнополитическими рисками» приравнивается к термину «снижение неопределенности, порождаемой этнополитическими рисками», так как полностью исключить из политического процесса эффекты этнополитических расколов не представляется возможным. Можно, однако, найти механизмы, с помощью которых их можно «смягчить» (снизить политический дискомфорт) и «удерживать под контролем», т. е. в значительной степени затормозить или даже блокировать дестабилизирующее воздействие факторов этнополитической динамики на более или менее длительный срок. Проблематика управления этнополитическими рисками потребовала уточнения также и самого понятия этноса/этнической группы, так как то или иное восприятие этничности влияет на выбор политических решений. Между тем подходы к определению этноса значительно разнятся: так, известны примордиалистский подход и его разновидности, инструментальный, конструктивистский[113]. Согласно первому, этнос – это природное или историко-культурное образование; для членов такой группы характерна общность происхождения, культуры, языка и уклада жизни. Основатель культурного примордиализма Э. Смит определяет этнос как «тип культурной общности, которая подчеркивает значение мифа об общем происхождении и исторической памяти и которую можно выделить по одному или нескольким культурным основаниям – религии, обычаям, языку или институтам» [114]. В случае, если для рождения и укрепления этнической или этнокультурной идентичности используется понятие «другого»[115], который при этом находится внутри этого же общества, раскол, по мнению О.И. Малиновой, будет неизбежен. Этнический миф в этом случае нельзя создать сверху, он должен быть легитимирован исторической реальностью.

Конструктивистский подход делает акцент на изучении путей формирования и поддержания социальных (этнических) границ. Автор допускает, что этничность можно конструировать, управляя этим процессом с помощью внешних политических, социальных, культурных инструментов, как это предполагает концепция «воображаемых сообществ» Б.

---

[113]См. Осколков, П. В. Очерки по этнополитологии. – М.: ООО Издательство "Аспект Пресс", 2021. – С. 19-25.

[114] Smith A. National Identity. - L.: Penguin, 1991. – P. 20.

[115] Малинова О.Ю. Концепт «другого» в исследованиях идентичности: анализ современных дискуссий // Политическая наука. - 2015. - № 4. - С. 161.

Андерсона[116]. Поддержание категориальных признаков этнических групп, т.е. устойчивость этносов, имеет место не из-за отсутствия мобильности, контактов и информации, но благодаря социальным факторам, обусловливающим процессы исключения и включения членов. В то же время в сознании граждан Киргизии, охваченной после распада СССР процессом демодернизации, характерно восприятие этнокультурного фактора в примордиалистском ключе.

В рамках инструментального подхода этничность рассматривается как эффективный источник солидарности в борьбе за приобретение «дефицитных ресурсов»[117]: рабочих мест, властных ресурсов и т.п. П.В. Осколков отмечает, что этничность как аспект эмоциональной самоидентификации является одной из наиболее уязвимых характеристик для манипулятивного психологического воздействия, а значит, и в политической сфере – политической манипуляции[118].

На основе отмеченных выше исследований в настоящей диссертации сформирован следующий понятийный аппарат.

По отношению к Киргизии в работе будет использоваться термин «этнокультурно разделенное общество». Так как единой трактовки термина «этнополитический риск» не существует, автор будет следовать определению этнополитических рисков, разработанному А.И. Тэвдой-Бурмули: «Этнополитические риски – этнополитическая активность, представляющая очевидную угрозу для политической и социальной стабильности национально-государственного / регионального социумов»[119]. Управление этнополитическими рисками понимается ученым как институализированные мероприятия по снижению их интенсивности. Главное отличие этнополитических рисков от политических заключается в возможном проявлении этнического фактора при последующей радикализации политической повестки в борьбе за власть[120].

Важно отметить, что применительно к Киргизии оба термина («этнокультурно разделенное общество» и «этнополитические риски») будут подразумевать как расколы чисто этнического

---

[116] Андерсон Б. Воображаемые сообщества. – М.: Кучково поле, 2016. – С. 31

[117] Кудряшова И.В. Как обустроить разделенные общества // Политическая наука. – 2016. - №1. – С. 24.

[118] Осколков П. В. Указ.соч. – С. 20.

[119] Тэвдой-Бурмули А.И. Этнополитическая динамика современной Западной Европы: учебное пособие. – М.: МГИМО-Университет, 2010. – С. 208.

[120] Сенюшкин Е.А. Методологические основания управления этнополитическими рисками // ПОЛИТЭКС. – 2015 – С.7.

характера (этническое большинство – этническое меньшинство/меньшинства), так и клановые размежевания.

Поскольку управление этнополитическими рисками сопряжено в условиях КР с государственным строительством, для выявления источников подобных рисков и каналов управления ими в диссертации будут использованы теории, объясняющие формирование государственных институтов. Среди них –теория А. Хиршмана[121], которая описывает стратегию индивидуального поведения по отношению к формальным правилам в неблагоприятных условиях. Если «лояльность» (верность правилам) нарушается, возможны два пути: «голос» (попытки опротестовать правила) или «выход» (игнорирование правил, физическая эмиграция или сецессия) (если такой вариант возможен).

С. Роккан применял концепцию А. Хиршмана для объяснения взаимодействия центра и периферий в условиях консолидированных и неконсолидированных границ. Границы определяют диспозицию акторов и ресурсов, находящихся на определенной территории[122]. Если границы консолидированы, возможности для политического контроля над «выходом» и «голосом» возрастают, что способствует созданию и укреплению институциональной иерархии и более эффективному способу выполнения функций, возложенных на государственную машину. При неконсолидированной государственности, если возможности для «голоса» не структурированы институционально, граждане будут прибегать к стратегии «выхода».

Развивая эту тему, С. Бартолини обращает внимание не только на возрастание контроля центра над периферияими и повышение его эффективности, но и на развитие демократических институтов, которое может иметь место в силу достижения баланса сил внутри государства, более четкой и легитимной иерархии и контроля над ресурсами. В случае же открытых границ возможности и привлекательность «выхода» будут расти, а каналы «голоса» не будут развиваться, что дестабилизирует ситуацию при неизбежном обострении борьбы за власть и ресурсы.

---

[121] Хиршман А.О. Выход, голос и верность: Реакция на упадок фирм, организаций и государств. – М.: Новое издательство, 2009. – 156 с.

[122] Ильин М.В., Мелешкина Е.Ю., Мельвиль А.Ю. Формирование новых государств: внешние и внутренние факторы консолидации // Полис. - 2010. - №3. - С. 28.

Наконец, концепции Х.-Й. Лаута[123], Г. Хелмке и С. Левицки[124] о паттернах взаимодействия формальных и неформальных институтов, складывающихся в переходных обществах при несогласии с официальными правилами и/или при их слабости, призваны конкретизировать логику Роккана в исследовании причин этнополитической конфликтности в Киргизии. В частности, опираясь на неоинституциональный подход, Лаут выделяет пять типов неформальных институтов и объясняет их соотношение с институтами официальными. В них входят: кумовство, непотизм, клиентелисткие партии, мафия и автократические клики, а также такие разновидности неформальных институтов, как фактически любые насильственные практики гражданского неповиновения, неофициальные правовые обычаи, использование угрозы путча или военной силы. В зависимости от того, способствуют ли неформальные институты эффективному развитию формальных правил или, напротив, подрывают их, эти институты будут считаться «плохими» или «хорошими»[125]. Теория Хелмке-Левицки помогает определить взаимоотношение формальных и неформальных институтов в Киргизии в рамках паттернов замещения, конкуренции, дополнения или приспособления и сделать выводы относительно потенциала их трансформации.

Б. Вайнгаст и Д. Уиттман предлагают три уровня анализа для изучения институтов в целом: «На первом, наиболее ясном и общепринятом уровне, институт принимается как должное – и изучению подлежат его эффекты. На втором, предполагается сравнительный институциональный анализ этих эффектов первого уровня, чтобы изучать значение различных форм институтов. На третьем, самом глубоком уровне институционального анализа, мы берём институты как таковые, как эндогенные образования; и пытается объяснить, как и почему институты структурированы таким, а не иным образом, и почему некоторые типы институтов “выживают”, а другие – нет»[126]. С учетом освоенности двух первых уровней анализа в киргизском случае, основное внимание в диссертации будет уделено третьему с целью более глубокого понимания институционального контекста управления этнополитическими рисками. Именно потому, что этнополитические риски Киргизии имеют глубокие исторические корни и не являются результатом развития страны лишь

---

[123] Lauth H.-J. Informal Institutions and Democracy // Democratization. - 2000. - № 7 (4). - P. 21-50.

[124] Helmke G., Levitsky S. Informal Institutions and Comparative Politics: A Research Agenda. - Kellogg Institute, 2003. - Working paper № 307. - – URL: https://www3.nd.edu/~kellogg/publications/workingpapers/WPS/307.pdf (accessed: 01.01.2023)

[125] Lauth H.-J. Op.cit. p. 27-43.

[126] Weingast B.R., Wittman D.A. The Reach of Poltical Economy // The Oxford Handbook of Political Economy /Ed. B.R. Weingast, D.A. Wittman. – Oxford University Press, 2006. – P. 6.

в течение нескольких десятилетий с момента независимости, необходимо рассмотреть их генезис. Такой же подход будет применен и для оценки формальных институтов и процесса их становления и развития.

Е.Ю. Мелешкина, суммируя многочисленные работы по теме разделенных обществ, обозначает несколько факторов, влияющих на интенсивность конфликтов в новых государствах[127], которые, как считает автор, могут быть экстраполированы на ситуацию с расколами в Киргизии.

Прежде всего, это степень разобщенности центров и характер отношений между ними и периферией. Чем больше центров – тем сложнее процесс консолидации, что подтверждает наличие разобщенных центров и неконсолидированных границ в случае Киргизии. Глубина разрыва между формальными и неформальными институтами является еще одной проблемой. Так, в Киргизии досоветские и советские практики формализации и стандартизации накладывались на существующие кланово-родовые образования, и распределение власти не совпадало с официальными правилами. Подобное разделение сохраняется и на сегодняшний день.

Национальное богатство, которое может обеспечить государство ресурсами при построении новой властной инфраструктуры, в случае Киргизии весьма ограниченно, хотя ресурс человеческого капитала является ее преимуществом. Страна не имеет богатых природных ресурсов, помимо золоторудного рудника Кумтор, однако представляет собой важный транспортный узел для сообщения с Афганистаном и реэкспорта товаров из Китая.

Одним из основных факторов для успешного построения национального государства является наличие традиции самостоятельной государственности. Сам факт существования политического сообщества, пусть даже в подвижных и размытых границах, легитимизирует политию после распада империи. В Киргизии, как показывает исторический анализ, подобных образований не было вплоть до присоединения к Российской империи, что осложняет формирование и укрепление официальных институтов, которые основываются только на опыте советского строительства.

Наконец, это включенность в международные структуры, стандартизация и контроль за установленными политическими механизмами как внутри страны, так и за ее пределами. Это положение крайне важно для диссертации, поскольку предполагается, что для самостоятельного управления этнокультурными рисками у Киргизии не хватает ресурсов.

---

[127] Мелешкина Е.Ю. Формирование государств и наций в условиях этнокультурной разнородности: теоретические подходы и историческая практика // Политическая наука. – М., 2010. – № 1. – С. 8-28.

Существующие работы по урегулированию конфликтов и снижению рисков в многосоставных разделенных обществах, в частности, исследования Д. Горовица, А. Лейпхарта, Я. Лустика, П. Панова и дрих авторов, предлагают несколько подходов к решению проблемы. Полученные научные результаты подтверждают, что институциональные соглашения способны быть действенным инструментом регулирования этнополитических рисков и контроля над ними, при этом государства могут сохранять и признавать свои размежевания, оставаясь фрагментированными (центробежные системы у А. Лейпхарта[128]), или использовать центростремительные механизмы для формирования умеренного центра (Д. Горовиц[129]).

Лейпхарт[130] предлагает консоциативное урегулирование и построение представительной демократии, где формальные правила, институты и конституциональные рамки могут сосуществовать с неформальными договоренностями, снижая риск дальнейших расколов и политической нестабильности с помощью институционального дизайна. Репрезентативное урегулирование подразумевает разделение власти и групповую автономность, списочное пропорциональное представительство, крупные избирательные округа и отказ от любых мажоритарных систем, которые приводят к высокой диспропорциональности при переводе голосов в депутатские мандаты и дают меньше шансов для меньшинств быть представленными во власти.

Горовиц в свою очередь предлагает обратить внимание на механизмы, которые помогут снизить концентрацию власти в центре и увеличат ее дисперсию для погашения конфликта. Он считает необходимым закреплять за этническими меньшинствами квоты и даже определенные государственные посты, чтобы усилить соревновательность внутри отдельных групп; повышать престиж межсегментных сделок, например, создание «пула голосов» (объединение голосов избирателей при межпартийных договоренностях или взаимообмен для поддержания законопроектов друг друга, что возможно при преференциальной системе альтернативного голоса, смешанных листах с общим списком избирателей и в одномандатных округах с этнически гетерогенным составом избирателей)[131].

---

[128] Lijphart A. Consociational Democracy // World Politics. – 1969. - № 21 (2). – P. 207-225; Лейпхарт А. Демократия в многосоставных обществах: сравнительное исследование. – М.: Аспект Пресс, 1997. - 287 с.

[129] Horowitz D. Ethnic Groups in Conflict. - Berkeley, CA: University of California Press, 1985. - 697 p.

[130] Lijphart A. Consociational Democracy…

[131] Цит.по: Кудряшова И.В. Как обустроить разделенные общества // Политическая наука. – 2016. - №1. – С. 23.

Обсуждая возможности снижения рисков в разделенном обществе, исследователь выделяет три большие проблемы, к которым необходимо подходить с особенным вниманием[132]. Прежде всего, это проблема применения консоциативных механизмов как таковых. Она обусловлена следующими обстоятельствами: а) существуют асимметричные преференции, где мажоритарные группы выступают за свое неограниченное правление, а миноритарные пытаются их ограничить; б) консоциация становится возможной только при ослаблении позиций большинства, например, после вооруженного конфликта, и как только они восстанавливаются, соглашения вновь оказываются под угрозой; в) нововведения в этнической политике тоже могут вызывать опасения всех групп, так как стороны будут пытаться избежать очередного витка конфликта и будут действовать с осторожностью; г) при заимствовании уже существующих институтов, которые успешно функционируют в стабильных демократиях, стороны не подозревают, что они могут быть неэффективными в их собственных условиях; д) альтернативный путь развития событий, будь это даже сецессия или вооруженное столкновение, остается привлекательным для определенной части населения.

Вторая проблема заключается в ослаблении электоральных соглашений, когда центростремительные коалиции будут терять голоса. Происходит это чаще всего потому, что этническое большинство не хочет ограничивать свои мажоритарные права, и если законодательная власть проявляет слабость в случае нарушения сделок, их эффективность и легитимность значительно снижаются.

Третья проблема заключается в ригидности консоциативных договоренностей. Межэтнические соглашения позволяют группам в консоциации блокировать решения друг друга, и система в результате стагнирует и перестает быть эффективной. Именно поэтому многие исследователи рекомендуют консоциацию на момент замирения сторон и погашения конфликта, но рекомендуют переходить к другому типу государственного устройства, когда ситуация стабилизировалась.

Решением этих проблем, как утверждает Горовиц, выступает социальная и экономическая революция, которая способна перекроить исторически существующие вертикальные перегородки в обществе и изменить уровень жизни населения, в результате чего может сформироваться средний класс, а религиозный или другой разделяющий общество фактор (например, этнический или

---

[132] Горовиц Д.Л. Распределение власти в полиэтничных обществах: три большие проблемы / пер. А.О. Блохина // Политическая наука. – 2016. – № 1. – С. 210–223.

фактор клановой принадлежности) снизит свое влияние. Связь между экономическим и ресурсным потенциалом Киргизии и ее возможностями по урегулированию рисков особенно отчетливо проявляется в анализе ранних попыток реформ, которые не увенчались успехом.

Так, представляется, что в случае Киргизии необходимо более внимательно отнестись к кажущемуся очевидным выбору формата распределения власти (*power-sharing*), для чего необходимо обратиться к работам, критически оценивающим консоциативные предложения по урегулированию этнополитических конфликтов и стабилизации системы.

Дж. Снайдер[133], например, полагает, что консолидированная демократия в глубоко разделенных обществах невозможна в принципе и что для сдерживания центростремительных сил требуются авторитарный режим и сильная президентская власть. Режимы в транзите рискуют больше всего, потому что милитаристский национализм и конфликты в таких обществах могут стать последствиями поспешного введения репрезентативных моделей. Более того, в странах с низким ВВП на душу населения, к которым относится Киргизия, наблюдается прямая зависимость между этим показателем и долей промежуточных режимов[134], в связи с чем быстрый переход от них к консолидированным режимам практически невозможен. Также, по мнению исследователя, в случае институционального урегулирования конфликтов необходим трезвый и стратегический расчет, который будет учитывать специфику существующих расколов и ценностные ориентации общества. Снайдер приводит пример Бурунди в 1993 г., где после трансплантации определенных электоральных институтов по рекомендации международных патронов началась кровопролитная гражданская война.

В связи с этим автор обращается к работам Дж. Селвеея и К. Темплемана[135], а также О.И. Зазнаева[136], анализирующим более широкую выборку культурно гетерогенных стран и выделяющим дополнительные факторы, влияющие на способность тех или иных институциональных дизайнов снижать конфликтный потенциал системы.

---

[133] Snyder J. From Voting to Violence: Democratization and Nationalist Conflict. - New York, NY: Norton, 2000.

[134] Коротаев А. В. и др. Дестабилизация: глобальные, национальные, природные факторы и механизмы. - М.: Учитель, 2017. – с. 344.

[135] Selway J., Templeman K. The Myth of Consociationalism? Conflict Reduction in Divided Societies // Comparative Political Studies. – Thousand Oaks, CA, 2012. – № 45 (12). - P. 1542–1571.

[136] Этнические аспекты политических институтов и процессов: монография / ред. О.И. Зазнаев, М.Х. Фарукшин. – Москва; Берлин: Директ-Медиа, 2021. – 392 с.

Прежде всего рассмотрения требует вопрос исполнительной власти и контроля над правительством, для чего автор обращается к модели соотношения полномочий президентов и легислатур М.С. Шугарта и Дж.М. Кэри[137], работам Х. Линца, указывающего на угрозы президентства и положительное влияние парламентаризма[138], и его оппонента Ж. Блонделя, полагающего, что парламентаризм может усилить социальные расколы[139], а также трудам Дж. Селвея, К. Темплемана[140] и С. Майнваринга[141], которые обосновывают необходимость сосредоточения власти в руках президента для преодоления стагнации и более эффективного управления расколотыми обществами. В анализе плюсов и минусов разных институциональных дизайнов диссертант опирается также на работы С.М. Липсета, Д. Горовица, О.И. Зазнаева, И.В. Кудряшовой и О.Г. Харитоновой.

При анализе реформ, затрагивающих электоральные системы, автор руководствуется работами Д. Горовица[142], А. Рейнолдса, Б. Рейлли и А. Эллиса, Дж. Кокса и других авторов, которые позволяют оценить не только плюсы и минусы отдельных типов электоральных систем, но и их элементы, как то: электоральная формула, структура бюллетеня, нарезка округов и заградительный порог.

Отдельно хотелось бы отметить вопрос консолидации режима и стратегии осуществления институциональных реформ. Т. Гарр[143] отмечает, что большей дестабилизации подвержены именно полудемократические режимы, в то время как консолидированные демократии или автократии оказываются более стабильными. По мнению ученого, консолидация режима любого

---

[137] Шугарт М.С., Кэри Д.М. Президентские системы // Современная сравнительная политология: хрестоматия. – М., 1997. – С. 198-246.

[138] Linz J. The Virtues of Parliamentarism // Journal of Democracy. – 1990. - №. 1 (4). - P. 84-91.

[139] Blondel J. Dual Leadership in the Contemporary World // Parliamentary versus Presidential Government / Ed. by A. Lijphart. – N.Y.: Oxford University Press, 1992. – P. 172.

[140] Selway J., Templeman K. The Myth of Consociationalism? Conflict Reduction in Divided Societies // Comparative Political Studies. – Thousand Oaks, CA, 2012. – № 45 (12). - P. 1542–1571.

[141] Mainwaring S. Presidentialism, Multipartism, and Democracy: The Difficult Combination // Comparative Political Studies. – 1993. -№ 26 (2). - P. 198-228.

[142] Horowitz D. Electoral Systems: A Primer for Decision Makers // Journal of Democracy. 2003. - № 14 (4). - P. 115-127; Horowtiz D. Encouraging Electoral Accomodation in Divided Societies. // Electoral Systems in Divided Societies: The Fiji Constitution Review (State society and governance in Melanesia) / Ed. B.V. Lal and P. Larmour. Canberra: Griffin Press, 1997. – P. 2-37; Cox G. Making Votes Count: Strategic Coordination in the World's Electoral Systems. - Cambridge: Cambridge University Press, 1997. – URL: https://doi.org/10.1017/CBO9781139174954 (accessed: 08.01.2023)

[143] Gurr T. R. Persistence and Change in Political Systems, 1800-1971 // American Political Science. - 1974. - № 68. - P. 1482-1504.

типа означает, что акторы стремятся к долгосрочному выживанию и стараются избегать рискованных решений. А.Ю. Мельвиль и М.Г. Миронюк уточняют это замечание: с одной стороны, у «самодержца» в автократии нет стимулов к улучшению институтов, с другой, именно это делает его монополию уязвимой, так как качество официальных институтов будет низким, а управляемость плохой. В связи с этим наиболее выгодным решением для правителя будет, как ни парадоксально, постепенное реформирование институтов и улучшение их качества[144].

В целом в неконсолидированных режимах акторы обычно не могут договориться по поводу распределения власти и установления единых для всех правил. Уровень неопределенности остается высоким, поэтому они стремятся к снижению транзакционных издержек, чтобы повысить собственную выживаемость, пренебрегая установившемся балансом в распределении властей и ранее достигнутыми институциональными сделками[145]. Общественное развитие и блага, таким образом, становятся вторичными по отношению к моментальной политической и материальной выгоде[146]. При этом в случае Киргизии очевидно, что возможности ренты у президента крайне низки, так как в условиях нехватки ресурсов он фактически не может купить лояльность для удержания власти. Все государственные ресурсы будут использоваться в личных интересах, чтобы удержаться у власти как можно дольше и устранить оппонентов. Приватизация государства ведет к субъективизации политических правил, отсутствию общих задач и зависимости государства от отдельных групп интересов.

Таким образом, при наличии подобных глубоких конфликтогенных этнокультурных размежеваний, как это наблюдается в Киргизии, урегулирование и контроль над этнополитическими рисками обоснованно связать с процессом укрепления государственных, официальных институтов для преодоления общей хрупкости государства и государственного выживания как такового.

В этом контексте институциональный дизайн как политический механизм снижения этнополитических рисков представляется наиболее эффективным решением проблемы слабых

---

[144] M Melville A., Mironyuk M. “Bad Enough Governance”: State Capacity and Quality of Institutions in Post-Soviet Autocracies // Post-Soviet Affairs. – 2016. - № 32 (2). - P. 132-151. DOI: 10.1080/1060586X.2015.1052215 (accessed: 25.12.2022)

[145] Wolff S. Consociationalism, Power Sharing, and Politics at the Center // Oxford Research Encyclopedia of International Studies. – Oxford University Press, 2010. – URL: https://doi.org/10.1093/acrefore/9780190846626.013.65 (accessed: 08.01.2023)

[146] Мелешкина Е.Ю. Формирование государств и наций…

официальных институтов и их смыслового наполнения. Институциональные переменные, как свидетельствуют политологические исследования, напрямую влияют и на политический процесс, и на формирование национальной идентичности, и на экономические показатели, и на социальные протесты и беспорядки[147], поэтому можно также сделать вывод, что единственный способ избежать насилия в разделенных обществах – это укреплять государственные институты, гражданское общество, правовую систему, инклюзивную гражданскую идентичность и другие параметры политического процесса, не сводя процесс управления этнополитическими рисками к демократичности выборов или автоматическому выбору «готовой» комплексной модели. Стабильное развитие и состоятельная государственность становятся целью более высокого порядка, чем соответствие условным демократическим индексам.

Учитывая все вышеперечисленное, управление этнополитическими рисками в исследовании будет проанализировано во внутреннем и внешнем аспектах. Первый подразумевает исследование государственной состоятельности и внутренних ресурсов Киргизии, второй – определение путей смягчения рисков посредством эффективного взаимодействия с соседними государствами, решения вопросов границ и участия в интеграционных процессах. Таким образом, будут рассмотрены две группы факторов. Во-первых, это **структурные факторы**, прежде всего состояние границ и состав населения, от которых зависят скоординированность коллективных действий и эффективность управленческой системы внутри государства, и экономический потенциал – наличие природных ресурсов и производственных мощностей, необходимых для производства общественных благ и вложений в институциональное развитие. Во-вторых, это **институциональные факторы**, позволяющие оценить устойчивость властного порядка, формат институциональных реформ, внутренние и внешние механизмы стабилизации и, соответственно, потенциал управления этнокультурной разнородностью и порождаемыми ею рисками.

1.2. Исторический контекст формирования этнокультурной разделенности Киргизии

Исторические корни киргизского этноса уходят в V-III века до нашей эры, когда появились первые упоминания об Ошском городище, возникшем там, где были найдены залежи меди. В то время юг и север будущей Киргизии значительно отличались друг от друга: на юге страны существовала оседлая земледельческая культура, а в центре и на севере - только кочевое

[147] Харитонова О.Г. Президентство и демократия: Состояние дискуссии // Политическая наука. – 2012. – №3. – С. 199-213.

скотоводство. Период VII-VIII веков в учебниках по истории Кыргызстана описан как «эпоха Кыргызского великодержавия»[148], а улус (ханство) назван «киргизским каганатом»[149], хотя по сути в него входили не только киргизы, но и другие этнические группы. Традиционно государственные деятели ссылаются на это время как на момент зарождения государственности страны[150].

В IX-X веках возникает Киргизский каганат, объединяющий енисейских киргизов, появляется письменность и легендарный эпос Манас, на который до сих пор ссылаются политические лидеры в своих обращениях. Каганат охватывал территорию Южной Сибири, Монголии, Байкала, верховья Иртыша и просуществовал вплоть до XIII века, когда был захвачен монголами в главе с Чингизханом. После завоевания южные территории каганата вошли в состав татаро-монгольского государства[151], и их жители перешли на оседлость, а на севере сохранился кочевой образ жизни. Тогда было заложено разделение на север и юг, которое определяет всю дальнейшую историю развития Киргизии, включая современный этап[152].

Главным регулятором социально-политической жизни кочевников на территории Средней Азии была клановая система, которая вписывала в рамки иерархического порядка отношения между родами и племенами[153]. Клан объединял ряд племен, связанных кровнородственными узами. Те же историки описывают процесс формирования племенных союзов как «военную демократию», где племена, присоединявшиеся к клану, получали протекторат за счет частичного отказа от своей самостоятельности и готовности предоставить военную поддержку лидеру[154]. Для характеристики этого периода используется и другой термин – «кочевая, или степная, демократия», подразумевавшая свободу выбора – кочевники, в отличие от оседлого населения, идут туда, где лучше стадам[155]. Элементы демократии ученые находят и в институте курултая,

---

[148] Асанканов А.А., Осмонов О.Дж. История Кыргызстана (с древнейших времен до наших дней) (учебник для вузов). – Бишкек: 2002. – С. 89

[149] Уникальный героический эпос «Манас» / Сайт президента Кыргызской Республики. – URL: http://www.president.kg/ru/kyrgyzstan/epos_manas (дата обращения: 25.12.2022)

[150] Асанканов А.А., Осмонов О.Дж. Указ.соч. С.89

[151] Блохина А.О. Киргизия: институты и эффективная политика // Вестник Пермского университета. Политология. – 2012. – № 3 (19). – С. 133.

[152] Чотонов У.Ч. Абдрахманов Д.А. История Кыргызстана. – Бишкек: ИИМОП КНУ им. Ж. Баласагына, 2009. - 176 с.

[153] Кудряшова И.В., Стюарт А. Институциональные реформы… С.133.

[154] Акеров Т. Кыргызы - этногенез и история: клановая система в кочевых обществах // История Кыргызстана и кыргызов. – 29.04.2016. – URL: https://kghistory.akipress.org/unews/un_post:7362 (дата обращения: 25.12.2022)

[155] История Кыргызского парламента / Жогорку Кенеш Кыргызской Республики. - 15.06.2016. – URL: http://kenesh.kg/ru/article/show/38/istoriya-kirgizskogo-parlamenta (дата обращения: 25.12.2022)

собрания представителей знатных родов, на котором принимались совместные решения. Также они указывают, что в клановой системе формировались элементы ранней государственности, о чем свидетельствует, например, наличие различных сакральных предметов, символизирующих власть и отличавших один клан от другого[156]. С усложнением отношений и расширением полномочий кланы укрупнялись и становились скорее политическими единицами, заключавшими союзы и договоренности, которые выступали у номадов нормами права[157]. В результате такой естественной самоорганизации возникли два крыла, изначально объединявшие племена по территориальному признаку[158]: правое крыло – «онг» (замыкается на одном южном клане – адыгине), левое крыло – «сол» (северные и западные кланы) и группировка «ичкилик» (также южная, основу которой составляют кланы кипчакского происхождения, включающие казахов и узбеков)[159] [160].

Каган, глава клана, имел обычно наследственную власть, но, когда к власти приходила новая династия, иерархия племен внутри клана перестраивалась, отражая новый внутренний порядок организации властных ресурсов и приближенности к ним, что постоянно поддерживало внутреннюю напряженность. Другими словами, борьба за власть и земельные ресурсы не прекращалась не только между кланами или их объединениями, но и между племенами внутри них[161]. В основном мобилизация вертикальных структур происходила в связи с экспансионистскими планами или при конфликтах между кочевым и оседлым населением. В результате этого любые надклановые структуры были достаточно ситуативными, аморфными и возникали *ad hoc*[162]. Родоплеменные союзы имели приоритет над любыми подобными надстройками, поддерживая условный прообраз конфедеративного устройства.

Вскоре в регионе сформировалось и стало расти Кокандское ханство, постепенно захватившее территории киргизского улуса (новое ханство охватывало территорию современной Киргизии, Узбекистана, Таджикистана, южного Казахстана и Синьцзян-Уйгурского автономного

---

[156] Там же.

[157] Там же.

[158] Годы, которые изменили Центральную Азию / ред. И.Д. Звягельская. – М.: Центр стратегических и политических исследований Института востоковедения РАН, 2009. – С.102

[159] Кипчаки – тюркский народ, обитавший в Ферганской долине и прилегающих территориях до 1930-х гг.

[160] Блохина А.О. «Ферганский фактор» и регулирование этнокультурных размежеваний в Киргизии // Политическая наука. – 2016. – № 1. - С. 161–175.

[161] Болпонова А. Политические кланы Кыргызстана: история и современность // Центральная Азия и Кавказ. – 2015.– Выпуск 3-4. – С. 57-72.

[162] Там же.

района[163] и просуществовало до XIX века). Региональное деление на север и юг также продолжало исторически закрепляться. Север современной Киргизии, управлявшийся представителями родовой знати собственных, северных племен, являлся частью Кокандского ханства и продолжал быть населенным в основном кочевыми племенами, слабо включенными в активную экономическую жизнь Ферганской долины, выделявшейся как отдельная геополитическая зона в силу экономической и политической развитости из-за выгодного положения на Великом шелковом пути[164]. Юг современной Киргизии входил в состав Бухарского эмирата, где успешно продолжалось оседлое развитие земель и торговли, развивались экономические, военные и гражданские институты[165].

В 1876 г. Кокандское ханство, раздираемое постоянными междоусобными распрями между кланами и племенами, настолько ослабло, что потеряло независимость, войдя в состав Российской империи как часть Туркестанского генерал-губернаторства. Бухарское ханство (эмират) и Хивинское ханство вошли в империю как протектораты, что позволило им сохранить внутреннее независимое управление, передав все внешние вопросы в ведение Российской империи[166].

Под российским управлением на территории бывшего Кокандского ханства была сформирована Ферганская область как административная единица. После нескольких антироссийских восстаний для укрепления влияния империи было принято решение переселять в регион группы этнических русских и казаков и наделять их землей. Переселение русских крестьян в регион на «земельные излишки» сначала проходило только в тех районах, где были кочевые группы коренного населения, однако позже затронуло и оседлых земледельцев[167]. Под руководством русских инженеров были осуществлены ирригационные проекты и развернуто производство хлопка. К 1910 г. Туркестан обеспечивал почти 50% текстильных потребностей Российской империи, выйдя на уровень рентабельного региона. Новое производство связало регион с имперским центром, а железнодорожная дорога открыла прямой путь к границам Афганистана, Персии, Китая и Индии[168].

---

[163] Известного позже как Восточный Туркестан (менее известный как Малая Бухария) - субрегион Центральной Азии охватывающий Таримский бассейн и территорию от Тянь-Шаня до Монгольского Алтая.

[164] Блохина А.О. «Ферганский фактор»… С. 163.

[165] См. Приложение 1. Среднеазиатские ханства в первой половине XIX века (карта).

[166] См. Приложение 2. Карта Среднеазиатских владений России в начале XX века.

[167] Блохина А.О. «Ферганский фактор»… С. 162.

[168] Rashid A. They’re only sleeping // The New Yorker. – 14.01.2002. - Vol.77. - P. 34-42.

Согласно официальной позиции киргизских историков миссия России по освоению Туркестана привела к «прекращению кровавых распрей кочевых племен», что помогло устранить проблемы на пути дальнейшего формирования государственности в Киргизии, о чем свидетельствовал рост оседлого населения, поселений и городов[169].

Однако присоединение этих территорий осуществлялось насильственным путем. Именно из-за постоянных вспышек насилия и сопротивления новым порядкам было принято решение передать управление Туркменистаном не Министерству внутренних дел, занимавшемся управлением регионами, а Военному министерству, что привело к установлению практически постоянного военного положения и исключению традиционных институтов управления на общерегиональном уровне. При этом в сельских районах и волостях сохранялось самоуправление, включая шариатские суды[170]. Передача Туркестана из юрисдикции Военного министерства в Министерство внутренних дел так и не состоялась, как и полный переход в единое политико-правовое поле Российской империи, что закрепило традицию слабых официальных институтов и отстраненность центральной власти от реальных нужд местного населения.

1.3. Модернизация Киргизии в советский период и ее влияние на строительство национального государства

Имперская традиция использования неавтохтонных этнических групп для снижения конфликтогенного потенциала центральноазиатских территорий сохранялась и в СССР[171], где к механизму переселения добавилась работа по нарезке границ, направленная на ослабление панисламских и пантюркских движений, существовавших в регионе в тот период и представлявших собой объективную угрозу идеям большевизма[172].

---

[169] Асанканов А.А., Осмонов О.Дж. Указ. соч. – С. 231

[170] Абашин С. Указ. соч.

[171] Маркедонов С.М. De facto государства постсоветского пространства // Научные тетради института Восточной Европы, вып. 1. Непризнанные государства. - М., 2006. - С.13-27.

[172] Fierman W. The Soviet 'Transformation' of Central Asia // Soviet Central Asia: the Failed Transformation / Ed. William Fierman. - Boulder, CO: Westview Press, 1991. – P.19.

Желание советского государства решить «национальный вопрос»[173], чтобы сохранить территории империи во враждебном окружении, привело к ряду реформ, часто противоречивых и поспешных[174]; сам процесс национального строительства в Средней Азии был основан на принципах, чуждых историческому развитию народов, проживающих в регионе[175]. В определенной степени насильственная консолидация различных этнокультурных групп в границах одного государства в дальнейшем обострила их борьбу за власть[176].

В 1921 г. был поднят вопрос о создании на основе Туркестанской Советской Республики Туркестанской АССР, а в 1923 г. Средняя Азия была реорганизована в соответствии с планом по национально-территориальному размежеванию, что означало преобразование Туркестанской АССР, Бухарской и Хивинской республик в Туркменскую ССР, Узбекскую ССР, Таджикскую АО и Кара-Кыргызскую АО. Помимо этого, были выделены еще две автономные республики – Каракалпакия и Горный Бадахшан[177]. Новое автономное образование – Кара-Кыргызская, с 1925 г. Киргизская автономная область – объединяла не только северные, но и южные регионы будущей Киргизии. Некоторые исследователи ссылаются на этот момент, как на зарождение современной киргизской государственности[178]. Большинство населения Киргизской АО составляли киргизы, второе место занимали узбеки, третье – русские. Доля остальных национальностей составляла 4,3%[179]. Административный центр находился в Пишпеке (будущий Бишкек). Нарезка на внутренние административные единицы отражала границы предшествовавших территориальных образований, существовавших еще до советской власти (Ошский и Джелал-Абадский, Пишпекский и Нарынский округа). В 1926 г. была провозглашен автономный статус республики,

---

[173] С одной стороны, СССР декларировал отрицание форм принуждения в отношении национальностей и признание равенства и суверенности народов, а с другой стороны, отмечал наличие уже существующего неравенства и необходимость помощи русского пролетариата «отсталым» народам, осуждая местный национализм и шовинизм (Сталин И.В. Сочинения. – М.: ОГИЗ; Государственное издательство политической литературы, 1947. - Т. 5. – С. 181–194)

[174] Ситнянский Г.Ю. Россия и Центральная Азия: вместе или врозь? Межэтнические отношения в Средней Азии и Казахстане и Россия. – М.: ИЭА РАН, 2011. – С.9

[175] Бартольд В.В. Архив РАН, ф. 68. оп.1, ед.хр. 85.

[176] Блохина А.О. «Ферганский фактор»… С. 163.

[177] Приложение 3. Карта национального размежевания в Средней Азии в 1924–1925 гг.

[178] Тайлакова С.Дж. Кара-Киргизская автономная область – основа конституционного формирования кыргызской государственности // Известия ВУЗов Кыргызстана. – 2014. – №10. – URL: http://www.science-journal.kg/media/Papers/ivk/2014/10/ivk-2014-N10-125-126.pdf.pdf (дата обращения 25.12.2022)

[179] Асанканов А.А., Осмонов О.Дж. Указ. соч. С. – 334

а позже, в 1936 г., появилась Киргизская ССР, которая как союзная республика приобрела согласно Конституции 1936 г. «суверенные права», охранявшиеся СССР[180] (ст. 15).

Новый политический статус – союзная республика – также активировал национальное (этническое) политическое представительство. На всех уровнях республиканской властной пирамиды оказались в основном представители местных элит, а сама республика получила возможность иметь своих представителей в федеральном центре, хотя часто такие назначения носили фасадный характер. Вплоть до принятия конституции Киргизской ССР пост первого секретаря ЦК КП(б) Киргизии – а до этого Киргизского областного комитета ВКП(б) – всегда занимал представитель Москвы (чаще всего этнический русский). При советской власти во всех республиках действовала единая система управления, замыкавшаяся на Москву, что в какой-то мере подавляло местную этнокультурную специфику. Тем не менее киргизские кланы как традиционный институт продолжали играть важную роль в политическом процессе: внутренняя борьба между представителями кланов и племен за доступ к власти и ресурсам продолжалась.

Например, в 1956-1959 гг. в Киргизии была проведена крупная археолого-этнографическая экспедиция, которая зафиксировала сохранение деления племен на северный и южный кланы, несмотря на оптимистичные заявления советских властей в 1925 г. о том, что «родового строя, собственно, больше не существует в Горной Киргизии»[181]. Исследователи ссылались на китайские источники, которые описывали двухклановую систему так: существуют «две киргизские орды – восточная и западная»[182]. Также отмечалось, что родоплеменная принадлежность была настолько сильна, что даже у самых отдаленных племен в труднодоступных районах сохранялось отчетливое сознание о собственных родоплеменных корнях[183].

В связи с этим для сохранения внутреннего баланса и стабильности было решено учитывать особенности республики и назначать на высокие посты представителей то одного, то другого клана. В 1950 г. пост Первого секретаря ЦК КП Киргизии впервые занял местный представитель –

---

[180] Конституция (Основной закон) Союза Советских Социалистических Республик. – 1936. – URL: http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/cnst1936.htm (дата обращения 20.12.2022)

[181] Кушнер П. (Кнышев) Горная Киргизия (Социалистическая разведка). – М.: Издание Комм. ун-та трудящихся Востока им.И.В. Сталина, 1929. – С. 35.

[182] Труды киргизской археолого-этнографической экспедиции / ред. Г.Ф. Дебец. - Т.2. – М.: Изд-во АН СССР, 1959.– С. 339. – URL: https://st-1.akipress.org/st_bilimlib/4/5dfd34510a488b9d74bc1834578d88a1cf066202.pdf (дата обращения: 25.12.2022)

[183] Там же.

И.Р. Раззаков, который стал девятым по счету Первым секретарем ЦК Компартии Киргизии. Далее можно наблюдать чередование представителей двух крыльев[184].

Таблица 1. Чередование представителей кланов севера и юга на посту Первого секретаря ЦК КП КССР

Годы	***ФИО***	***Место рождения***
1950-1961 гг.	Исхак Раззакович Раззаков	Баткенская область (юг)
1961-1985 гг.	Турдакун Усубалиевич Усубалиев	Нарынская область (север)
1985-1991 гг.	Абсамат Масалиевич Масалиев	Ошская область (юг)
25 апреля – до упразднения должности 23 августа 1991г.	Джумгалбек Бексултанович Аманбаев	Нарынская область (север)

Источник: составлено автором

Управление этнополитическими рисками осуществлялось или с помощью дробления, или, наоборот, укрупнения административно-территориальных округов. В результате одной из подобных реформ в 1956 г. были сформированы две крупные области, а остальные были упразднены и включены в состав первых двух. Интересно то, что их граница прошла, по сути, по тем территориальным границам, которые разделяют кланы на условно «южные» и «северные» (Джелал-Абадская, Ошская и Баткенская области относятся к югу, а Таласская, Чуйская (включает г. Бишкек), Нарынская и Иссык-Кульская области – к северу). Такое деление просуществовало с 1952 по 1970 гг.[185], а затем упраздненные области были постепенно восстановлены.

[184] См. Приложение 4. Карта областей современной Киргизии

[185] В сегодняшней Киргизии этот раздел также актуален. Регионы, входящие в южную часть, - это Джелал-Абадская область, Ошская и Баткенская области. Регионы, входящие в северную часть, - это Таласская область, Чуйская, Нарынская и Иссык-Кульская области.

Рисунок 1. Реформа 1956 г. по укрупнению административно-территориальных округов

Источник: Карта АТД Киргизской ССР на 1 января 1960 г.[186]

В то время как Бишкек активно развивался как новый политический и экономический центр, Ош продолжал служить крупным транспортным узлом для фактически всей Средней Азии: через него проходили дороги, ведущие в Бишкек и в Ферганскую долину, а также Памирский тракт (дорога М41, пересекающий Памир через Афганистан, Узбекистан, Таджикистан и Киргизию). В советский период Ош был разделен на старый город, где в основном проживали узбеки, и новый, где проживало киргизское и русскоговорящее население[187]. Именно в новом городе были построены две первые в Киргизии ГЭС. Так как все границы между республиками были административными (т.е. достаточно условными и проницаемыми), сохранялась связь города с Узбекистаном. Такие же связи с материнскими республиками сохраняли узбекские и таджикские эксклавы. Ош также удерживал за собой статус религиозного центра субрегиона Ферганской долины: на его территории насчитывалось «154 мечети, 7 мазаров, 8 кара ханы и 5 медресе для населения в 47149 чел.: на 35-40 жилых домов приходилось по одному культовому

[186] Карта Административно-территориальноого деления Киргизии // Википедия. – URL: http://wiki-org.ru/wiki/%D0%90%D0%B4%D0%BC%D0%B8%D0%BD%D0%B8%D1%81%D1%82%D1%80%D0%B0%D1%82%D0%B8%D0%B2%D0%BD%D0%BE-%D1%82%D0%B5%D1%80%D1%80%D0%B8%D1%82%D0%BE%D1%80%D0%B8%D0%B0%D0%BB%D1%8C%D0%BD%D0%BE%D0%B5_%D0%B4%D0%B5%D0%BB%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B5_%D0%9A%D0%B8%D1%80%D0%B3%D0%B8%D0%B7%D0%B8%D0%B8 (дата обращения 25.12.2022)

[187] Ош – уездный город // Дипкурьер. Информационный вестник Генерального консульства РФ в Оше. – URL: http://dipkurier.narod.ru/dip45/osh130.htm (проверено: 27.12.2022)

сооружению[188]», Подробнее последствия полицефальности в Киргизии будут рассмотрены в разделе 2.2.

Параллельно с территориальными реформами происходили масштабные социально-экономические изменения. Например, в сфере образования: по данным Всероссийской переписи населения в 1897 г. по Туркестанскому краю показатели грамотности составили среди таджиков – 0,5%, киргизов – 0,6%, узбеков – 1,6%, казахов – 2,1%, туркмен – 0,7%[189]. В результате строительства начальных и средних школ и высших учебных заведений в советское время грамотность (русский язык) выросла на 50% за десятилетие (с 3,5% в 1924 г. до 57,1% в 1935 г.), более 282,5 тысяч человек были охвачены программой ликбеза[190]. Открывались сельские школы, где принимали всех детей; их семьям выплачивались стипендии как компенсация за утраченную рабочую силу. Благодаря первым вузам, техникумам и рабфакам (созданы в 1927 г.) в республике появилась новая социальная группа - студенчество[191]. В 1925-1926 гг. студенты впервые были отправлены на учебу в вузы за пределами республики.

Одной из целей таких преобразований в Киргизии было формирование республиканской партийной интеллигенции для выдвижения «передовых политически выросших рабочих и трудящихся крестьян на руководящую и организаторскую работу»[192]. Например, в 1927 г. были открыты курсы по подготовке и повышению квалификации будущих политических кадров республики, на которые были отправлены 920 человек[193]. По данным переписи населения в 1926 г., количество учителей составило 1147 человек, в партийных органах работали 845 человек, врачей насчитывалось 130. Особенность советского развития политической интеллигенции заключалась в том, что центральноазиатские элиты, включая киргизскую, становились частью

---

[188] Курбанова Н.У., Мырзабаева Н.С. Из истории развития города Ош // Вестник Кыргызского государственного университета имени И. Арабаева. – 2020. – № 4. – С. 202-210.

[189] Ыдырысов Р.Ж. Начало формирования интеллигенции Кыргызстана в 20-е годы // Universum: общественные науки. – 2017. – №9 (39). – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/nachalo-formirovaniya-intelligentsii-kyrgyzstana-v-20-e-gody (дата обращения: 26.12.2022).

[190] Данияров С.С. Культурное строительство в Советском Киргизстане (1918-1930 гг.). – Фрунзе: Изд-во АН Кирг.ССР, 1963. – С.42-44.

[191] Ыдырысов Р.Ж. Указ.соч.

[192] Соктоев И.А. Партийное руководство формированием советской интеллигенции в Киргизии (1925-1940)/ ред. С.Т. Табышалиев. – Фрунзе: Кыргызстан, 1969. – С. 9

[193] Ыдырысов Р.Ж. Указ. соч.

большой советской номенклатуры и могли хотя бы в минимальной мере формулировать политику на местах, хотя основные цели задавались по-прежнему центром[194].

Тем не менее, даже при улучшении статистических показателей по количеству школ и учреждений по ликбезу Киргизия все равно отставала от других республик в силу отсутствия достаточных ресурсов. В 1927 г. в ней насчитывалось 190 школ ликбеза, а в Туркменской ССР, где проживало приблизительное такое же число человек, – 375; по количеству школ на миллион человек ситуация выглядела следующим образом: в Киргизской АССР – 496 школ, в Туркменской ССР – 405, а в Белорусской – 980[195].

Развивались и другие горизонтальные общественные процессы, напрямую влияющие на снижение этнополитических рисков. Как отмечают исследователи, даже на самых низших уровнях общественного взаимодействия строилась и росла система торговых, дружественных и родственных связей между представителями разных этнокультурных групп, которые в большей степени способствовали советизации и скрепляли советский проект частными узами[196].

В СССР межэтнические браки, показатель степени близости между этническими группами и качества ассимилятивных процессов, всячески поощрялись в рамках общего сценария «дружбы народов». Помимо этого, русский язык укоренялся как язык межэтнического общения в смешанных семьях, а культура становилась более русско-/ европейскоцентричной, что также способствовало формированию общей идентичности. Начиная со времен Российской империи и вплоть до Великой Отечественной войны, количество межэтнических браков было достаточно низким. Чувство общности, зародившееся во время войны, и победа над нацистской Германией совместили культурные сценарии народов, проживавших на всей советской территории. В Центральной Азии к 1950-м годам доля этнически смешанных семей превысила 10%[197]; как

---

[194] Abashin S. Soviet Central Asia on the Periphery // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History. - 2015. - № 16 (2). – URL: https://www.academia.edu/16951931/Abashin_S_Soviet_Central_Asia_on_the_Periphery_Kritika_Explorations_in_Russian_and_Eurasian_History_2015_vol_16_2 (accessed: 25.12.2022)

[195] Щурко Т. «Женщина Востока»: советский гендерный порядок в Центральной Азии между колонизацией и эмансипацией // Понятия о советском в Центральной Азии. Альманах №2 / сост. и ред. Г. Мамедов, О. Шаталова. – Бишкек, 2016. – 46 с.

[196] Edgar A. Marriage, Modernity, and the 'Friendship Of Nations': Interethnic Intimacy in Post-War Central Asia in Comparative Perspective // Central Asian Survey. – 2007 - № 26 (4). - P. 581–599.

[197] Лурье С. В. Межнациональные браки как часть советского государственного сценария: социокультурный подход // Общественные науки и современность – 2018. – N 3 - С. 108-121. – URL: https://ons-journal.ru/S086904990011386-6-1 (дата обращения: 25.07.2022).

правило, смешанные браки заключались между представителями коренного населения и славянских народов. Интересно, что по оценкам членов таких семей, эти браки не считались межэтническими и скорее воспринимались как моноэтнические, так как их заключали «советские люди»[198]. Тем не менее число таких браков прямо пропорционально зависело от доли русского населения в республиках.

Положение женщины в традиционном обществе представлялось в официальном советском дискурсе не только как черта домодерна, но и как результат колониализма Российской империи[199]. «Раскрепощение женщин Востока», то есть решение женского вопроса, активно проходило в 1930-е годы и было приравнено по значимости к решению вопроса национального[200]. Политическая и экономическая эмансипация женщин означала не только изменение их положения в обществе, но и расширение сферы трудовой мобилизации в странах Центральной Азии, что позволяло восполнить нехватку рабочей силы и было выгодно центру. В 1922 г. женщины составляли всего 11% от занятых на производстве. Для расширения их числа необходимо было строить и развивать детские учреждения – сады и школы-интернаты, но ресурсов на это не всегда хватало, что создавало разрыв между официальным нарративом и реальным положением дел.

В сфере экономики по замыслу советских властей, нацеленных на индустриализацию и коллективизацию периферийных и этнически гетерогенных обществ, каждый регион должен был специализироваться на определенных отраслях народного хозяйства, что закрепляло отношения Москвы и республик в экономическом плане[201]. Для всего региона Средней Азии и Казахстана это было в основном сельскохозяйственное производство, что определяло аграрный характер общества (Киргизии, как и другим среднеазиатским республикам, была отведена роль поставщика агро- и сельскохозяйственной продукции для других республик Союза[202]). По оценкам некоторых ученых, недостаточное развитие обществ Центральной Азии – результат не только их исторического развития и культурных особенностей, но и такой экономической стратегии, когда весь регион должен был сохранять свою экономическую и политическую периферийность[203].

---

[198] Там же.

[199] Щурко Т. Указ. соч.

[200] Там же.

[201] Abashin S. Op. cit. – P. 369.

[202] Экономика кыргызов в составе СССР (1917-1991) / Open.KG. – URL: https://www.open.kg/about-kyrgyzstan/kyrgyz-economy/197-ekonomika-kyrgyzov-v-sostave-sssr-1917-1991.html (дата обращения: 25.12.2022)

[203] Abashin S. Op.cit.

За первые пять лет существования Киргизии как союзной республики в ней произошел качественный скачок в экономике: было механизировано производство угледобычи, проведены геолого-поисковые работы, введена система колхозов и совхозов[204]. Для обслуживания и развития всех областей в Киргизии до войны были построены более 36 крупных предприятий, а во время Великой Отечественной войны многие предприятия были эвакуированы из европейской части СССР в северную Киргизию – в основном в Чуйскую область и г. Фрунзе (Бишкек)[205], что способствовало их большему экономическому развитию, росту этнокультурной гетерогенности и размыванию клановых структур.

В результате советской экономической политики в Киргизии не существовало полного самостоятельного технологического цикла от получения сырья до создания продукции: ее экономика, как и экономики других республиках, была вписана в макрорегиональный и общесоюзный народнохозяйственный комплекс[206].

В сфере кадров наблюдалась тоже неоднозначная ситуация. Большие производственные полиэтничные коллективы обычно способствуют размыванию этнокультурных различий и формированию общей современной идентичности (так же, как и урбанизация)[207], однако данные по промышленности на 1977 год показывают, что в Киргизии этого не произошло: квалифицированная рабочая сила и инженеры чаще всего были не местными, а приезжими из других республик, в результате чего доля местных рабочих могла составлять на машиностроительных заводах всего 5-8%. Доля киргизов среди рабочих составляла 15%, а в городском населении – 14% при доле в населении республики в 43,8%[208].

Такие низкие показатели объясняются не только политикой центра, но и типом политической культуры населения республики – патриархально-подданическим[209], ориентированным на родоплеменную организацию и ценности в сочетании с харизматичным

---

[204] Джуманалиев А.Д. Образования Киргизской ССР // Вестник КРСУ. - 2016. - Т. 16. № 12. - С. 28-31.

[205] Галиев А. Природа социально-экономических противоречий по линии "север — юг" в хозяйственном комплексе Кыргызстана // Центральная Азия и Кавказ. – 2011. - №2. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/priroda-sotsialno-ekonomicheskih-protivorechiy-po-linii-sever-yug-v-hozyaystvennom-komplekse-kyrgyzstana (дата обращения: 26.12.2022).

[206] Там же.

[207] Инглхарт Р., Вельцель К. Модернизация, культурные изменения и демократия. Последовательность человеческого развития / пер. М. Коробочкин. - М., Новое издательство, 2011. – URL: https://www.hse.ru/data/2012/02/24/1266136909/inglehart_welzel.pdf (дата обращения 25.12.2022)

[208] Галиев А. Указ.соч.

[209] Almond G., Verba S. The Civic Culture. Political Attitudes and Democracy in Five Countries. - Princeton, 1963. – P. 514.

типом власти лидера, на которого возлагалась ответственность за принятие решений в условиях кочевого образа жизни. Властный центр в кочевой культуре представляет собой своеобразный стык между этносом (родоплеменной идентичностью) и государственностью[210].

Важным фактором формирования политической культуры выступает также характерная для номадов мобильность, которую в советское время пытались «советизацией кочевого аила/айыла»: более 34,5 тысяч кочевых и полукочевых хозяйств были переведены на оседлость, появились новые поселки с инфраструктурой, созданной с нуля. Региональный раскол проявился и тут – на юге с традиционно большим числом оседлых поселений этот процесс проходил быстрее, чем на севере из-за традиционной для земледельческих народов связью с махаллей (общиной), основанной на территориальном признаке[211]

В целом по мнению Е.К. Канатбекова, формирование киргизской политической культуры определили следующие пять «субстратов» (основ) центральноазиатской цивилизации:

- тюркский и таджикский элементы этноязыкового субстрата;

- земледельческое и кочевое хозяйствование как часть технологического субстрата;

- исламская традиция с вкраплениями других религий как основа духовно-мировоззренческого субстрата;

- толерантность и адаптационность как свойства ментально-психологического субстрата;

- совместимость догматов исламской религии с патриархально-общинными принципами жизнеустройства как основная черта культурного субстрата[212].

Подобная дуальность разных аспектов жизнедеятельности определяла политическое поведение местного населения и его готовность, с одной стороны, толерантно относится к новым элементам, включая советские институты, чтобы извлекать из них выгоду для своего ближайшего окружения, а с другой, адаптировать советские элементы к местным условиям и традициям, что говорит о сильном влиянии и устойчивости традиционных институтов[213].

---

[210] Торогельдиева Б.М. Особенности политической культуры современного кыргызского народа // Вестник КРСУ. – 2008. - Т. 8. № 7. - С. 157-160.

[211] Там же.

[212] Канатбеков Э. К. Особенность политической культуры Кыргызстана // Вестник КРСУ. – 2021. – Т. 21. – № 3. – С. 175. Надо один журнал именовать одинаково. В т.ч. в Списке.

[213] Торогельдиева Б.М. Факторы формирования и характер политической культуры в современном Кыргызстане // Центральная Азия и Кавказ. – 2009. – №1 (61). – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/faktory-formirovaniya-i-harakter-politicheskoy-kultury-v-sovremennom-kyrgyzstane (дата обращения: 26.12.2022).

Политические и экономические эффекты советских преобразований в регионе не всегда оцениваются положительно. До сих пор ведутся споры о том, считать ли российский имперский и советский периоды колонизацией, и, если да, то в каком качестве и в какой степени. В целом исследователи сходятся на том, что для оценки опыта СССР недостаточно узкого формата «метрополия – колонии»: скорее, центр в значительно большей мере заботился об экстенсивном и интенсивном развитии республик и областей[214], чем подразумевали стандартные отношения с колониями, хотя и «навязывая этнически разнородному населению иерархическую структуру управления» (зацентрованную на Москву)[215]. Колониальные мотивы прослеживаются, тем не менее, в публичных документах, представляющих Восток как неразвитый, отсталый регион, а советскую власть – как миссионера, модернизатора, «преодолевающего отсталость традиционного общества» и ведущего борьбу с «религиозными предрассудками».

По мнению автора, курс на модернизацию и политическую мобилизацию периферии[216] действительно являлся одной из основных составляющих советского проекта. Так, институт «Гидропроект», занимавшийся проектированием гидроэлектростанций и тепловых станций, имел отдельное среднеазиатское отделение, под началом которого были разработаны чертежи и построены более полутора десятка станций только в Киргизской ССР[217]. Они до сих пор являются единственными подобными объектами в стране.

Помимо этого, нельзя отрицать постоянные дотации и общесоюзную финансовую и торговую политику по предоставлению льгот из центра на развитие Киргизии. Еще в рамках общесоюзного бюджета в 1923 г. был создан Союзно-республиканский дотационный фонд СССР, средства из которого выделялись на развитие многих республик, включая среднеазиатские. К 1966 г. дотации в государственный бюджет Киргизской союзной республики составляли 579 761 руб.[218]. К 1998 г. сальдо межреспубликанского и внешнеэкономического товарообмена было в Киргизии

---

[214] Abashin S. Op. cit.

[215] Adams L. Can We Apply Postcolonial Theory to Central Eurasia? // Central Eurasian Studies Review. - 2008. – . P. 3. – URL: https://www.academia.edu/474944/Can_we_apply_postcolonial_theory_to_Central_Eurasia (accessed 09.01.2023)

[216] Ibid.

[217] См. Приложение 5. Карта размещения гидроэлектростанций и тепловых станций Киргизской ССР.

[218] Совет министров СССР постановление от 20 ноября 1965 г. № 976 «О Государственном бюджете СССР на 1966 г.» – URL: https://webcache.googleusercontent.com/search?q=cache:nxWHyCoI4mQJ:https://docs.cntd.ru/document/765711907&cd=1&hl=en&ct=clnk&gl=us&client=firefox-b-1-d (дата обращения: 26.12.2022).

отрицательным: -1,06 млрд руб. и -0,52 млрд руб. соответственно[219] (этот показатель был отрицательным для всех республик, за исключением Туркменистана и России). Условные выплаты на человека, если разделить данные о дотациях на численность населения в 1989 г. (4,3 млн чел.), в Киргизии составили 246 руб. (советских), а в УССР, например, – 56 руб.[220], что свидетельствует о диспропорциях в развитии республик, которые покрывал и спонсировал центр.

Слабая экономика, отсутствие консолидированных границ, а также отсутствие консолидированного политического центра стали факторами роста этнополитической рискогенности после распада СССР.

Выводы главы 1

1. Имеющаяся научная литература позволяет разработать концептуально-теоретическую рамку исследования, уточнить понятийный аппарат, выявить природу современных этнополитических рисков в Киргизии и обосновать выбор институционального подхода к управлению ими. Институциональные механизмы, способные снижать этнополитическую конфликтность, предлагаются многими исследователями, что предполагает критический анализ их применимости к киргизскому случаю.

2. Управление этнополитическими рисками в Киргизии требует учета как структурных, так и институциональных факторов. В числе первых – состояние центров и границ, этнический состав населения, экономический потенциал, вторых – динамика государственных институтов, неформальные правила и практики, опыт институционального регулирования. Важное значение для управления этнополитическими рисками имеют исторический контекст их развития и ценностные ориентации общества.

3. Еще до вхождения Кокандского ханства в состав Российской империи жизнь кочевников на территории современной Киргизии определяла феодально-клановая система, которая была основана на иерархичном порядке соподчинения родов и племен, имевшем подвижный характер из-за борьбы кланов за доступ к ресурсам и повышение статусных позиций. В ходе естественного развития этого общества возникли два основных крыла, объединяющих

---

[219] Зельма Г. Как Кыргызстан и другие республики жили в СССР: инфографика // Sputnik Кыргызстан. - 28.12.2021. – URL: https://ru.sputnik.kg/20211228/kyrgyzstan-sssr-30-let-raspad-1060780756.html (дата обращения: 26.12.2022).

[220] Там же.

племена по территориальному признаку. Такая дуальная система союзов кочевых племен позволяла успешно регулировать размеры территории и населения[221].

4. Помимо дуализма клановых объединений, разделение Киргизии на север и юг было результатом исторического развития государственности на ее территории: юг входил в состав Бухарского эмирата, где развивались оседлое земледелие и торговля, а север был слабо включен в экономическую жизнь Ферганской долины и был заселен кочевниками.

5. С началом имперской политики присоединения Туркестана для снижения антироссийских настроений и экономического освоения региона на его территорию стали переселять группы этнических русских и казаков. Из-за постоянных восстаний местного населения регион был передан под управление Военного министерства, что значительно снизило его возможности развивать собственные институты управления. У местного населения оставалась лишь одна возможность для решения собственных проблем – полагаться на существующие связи и традиционные институты.

6. С установлением советской власти политика переселения русскоязычных групп для ослабления панисламских и пантюркских движений стала сопровождаться работой по нарезке границ между будущими республиками. В исторических документах подчеркивается чуждость подобных реформ историческому развитию народов Средней Азии и рост борьбы кланов за власть.

7. Региональный раскол в Киргизии был обусловлен не только историческими траекториями развития государственности и спецификой клановой системы, но и этническим фактором: на юге республики компактно проживали узбеки, север имел более смешанный состав населения в силу того, что именно там формировались основные промышленные центры и было больше приезжих специалистов из РСФСР и других республик, что способствовало урбанизации. Помимо этого, процесс коллективизации и перевода кочевых хозяйств на оседлость на севере проходил значительно медленнее, чем на юге.

8. Анализ процесса советской модернизации Киргизии с точки зрения проницаемости границы, степени гетерогенности населения, доступа к благам и услугам, развития экономики и системы управления позволяет констатировать, что Киргизия, как и весь регион Средней Азии, активно развивалась в социально-экономической сфере, получая крупные инвестиции, доступ к передовым технологиям, специалистов и инфраструктуру. Минусом стало то, что развитие

---

[221] Болпонова А. Указ. соч.

Киргизской ССР, как и других республик, велось в рамках создания макрорегиональных и общесоюзных народнохозяйственных комплексов, и после распада СССР цепочки оказались разорванными, а новые независимые государства остались без обслуживающих энергетических или производственных объектов.

9. Помимо этого, сохранялись и укреплялись формы созависимости с центром, основанные на фундаменте имперского наследия[222], появились институт титульности и политика чередования представителей северных и южных кланов на руководящих постах, что способствовало дальнейшему отчуждению других этнических групп, в частности узбеков, составлявших около половины населения на юге страны. Тем не менее с ростом урбанизации росло и число межэтнических браков, особенно в более экономически развитых северных районах республики.

10. Формирование новых политико-культурных ориентаций и политического поведения населения через участие в советских и партийных политических институтах обеспечило каркас для строительства формальных государственных институтов, без которого в настоящий период было бы невозможно поддерживать киргизскую государственность. Тем не менее имперская и советская культурная и социально-политическая модернизация лишь ослабила, но не смогла упразднить вековые традиции клановой иерархии и других неформальных правил и практик.

[222] Ильин М.В., Мелешкина Е.Ю., Мельвиль А.Ю. Указ. соч.

ГЛАВА 2. ПРОДУЦИРОВАНИЕ ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИХ РИСКОВ В КИРГИЗСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ И ЭФФЕКТЫ ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕФОРМ

2.1. Социально-экономическая карта КР

После распада СССР, сопровождавшегося прекращением помощи союзного центра и оттоком некиргизского населения, выполнявшего функцию агента модернизации, в Киргизии стартовал процесс экономической и социальной демодернизации, который привел к экономическому упадку и политической нестабильности. Республика стала одной из беднейших стран Центральной Азии: в условиях внезапно открывшихся рынков, отсутствия государственного контроля, а также резко прекратившихся донорских субвенций и дотаций в стране началось неконтролируемое перераспределение ресурсов и изменение самой структуры экономики на фоне возрождения клановых структур, исторического регионального раскола и межэтнических конфликтов.

Автор понимает процесс демодернизации как процесс, обратный модернизации. Если модернизация подразумевает самоидентификацию населения не только с такими примордиальными характеристиками, как племя, клан или конфессия, но и с государством и его институтами[223], то демодернизация означает возрождение или укрепление социально-политических связей на основе примордиальных ценностей и традиций и влечет за собой упадок экономического развития, образования и науки, а с ними – и критического мышления. В социально-экономической сфере она выражается в сворачивании современного производства, технической деградации, увеличении разрыва между богатыми и бедными, ограничении прав и свобод граждан, росте популизма. Отталкиваясь от позиции Д. Норта, который связывал современность с открытостью элиты, можно сказать, что процесс демодернизации также будет означать фактическое закрытие доступа в элитные круги для обычных граждан[224].

Экономический рост в Киргизии с 1990-х годов принял волатильный и неравномерный характер, так как зависел от неустойчивой конфигурации четырех составляющих: высоких цен на сырье (Киргизия экспортирует золото), высокого экспорта трудовых ресурсов, а также денежных

---

[223] Rabkin Y., Minakov M. Demodernization: a Future in the Past / Ed. Y. Rabkin, M. Minakov. - Stuttgart: Ibidem-Verlag, 2018. – URL: https://commons.com.ua/uk/otsutstvie-obshestvennoj-solidarnosti-odin-iz-priznakov-demodernizacii/ (accessed: 26.12.2022)

[224] North D.C., Wallis J.J., Weingast B.R. Violence and Social Orders: A Conceptual Framework for Interpreting Recorded Human History. - Cambridge: Cambridge University Press, 2009. – 328 p.

переводов мигрантов и расходов на потребление домашних хозяйств[225] (данные представлены ниже).

Интегрированность экономики Киргизии в общесоюзную и отсутствие собственных экономических центров с полноценными производственными циклами привели к радикальным изменениям в структуре ВВП. В 1971 г. эта структура выглядела следующим образом: 55,7% – промышленность, 22,5% – сельское хозяйство, 12,8% – транспорт и связь – 2,2%, торговля и общественное питание – 2,9% и пр.[226] А в 2001 г. расклад уже был другим[227]: сектор услуг – 45,6% (из них 17,5% оптовая и розничная торговля), промышленность – 19,2% (около 2,5% составлял доход от золотодобывающего рудника Кумтор), сельское хозяйство – 14,7%, строительство – 8,3%, чистые налоги на продукты – 13%.

В 2000-2019 гг. рост ВВП удерживался на отметке 4,4% и был обусловлен накоплением за советский период основных факторов производства. Постепенно он стал замедляться в силу хронически нестабильного политического процесса, дальнейшей экономической стагнации и архаизации. В 2021 г., по данным Нацстаткома, за период с января по декабрь рост ВВП составил около 3,6%, однако около 8% от него составлял вклад от предприятий по разработке Кумтора; ВВП без показателей Кумтора увеличился по сравнению с 2020 г. на 3,9%[228]. Даже такого небольшого «восстановления» роста ВВП после пандемии удалось добиться только путем отсрочки по ряду тарифных и налоговых выплат (в частности, по задолженностям перед РФ), которые правительство утвердило для компенсации дисбаланса по торговому сальдо.

Экономические проблемы обостряются и в связи с социальной ситуацией в Киргизии. По данным на 1 января 2021 г. в Киргизии проживают 6,636 млн чел. (в 2011 г. – 5,477 млн). Прирост населения достаточно высокий, в 2020 г. он составил 111 898 чел. (по сравнению, например, с другой страной ЕАЭС – Арменией, где при населении в 2,791 млн чел. этот показатель составил

---

[225] Диагностика частного сектора страны: создание рынков в Кыргызской Республике. Раскрытие потенциала частного сектора для возвращения на траекторию успешного развития / Группа Всемирного Банка. - 05. 2021. – URL: https://www.ifc.org/wps/wcm/connect/e34c9e75-8977-49b8-a9ac-ea09f060f706/CPSD-Kyrgyz-Republic-RU.pdf?MOD=AJPERES&CVID=nCEApJp (дата обращения: 26.12.2022)

[226] Киргизская Советская Социалистическая Республика / Вологодская областная универсальная научная библиотека. – URL: https://www.booksite.ru/fulltext/1/001/008/061/338.htm (дата обращения: 26.12.2022)

[227] Структура ВВП по видам экономической деятельности в текущих ценах / Национальный статистический комитет Кыргызской Республики. – URL: http://www.stat.kg/ru/opendata/category/2314/ (дата обращения: 26.12.2022)

[228] По итогам 2021 г. отмечен рост валового внутреннего продукта / Национальный статистический комитет Кыргызской Республики. - 14.01.2022. – URL: http://www.stat.kg/ru/news/po-itogam-2021-goda-otmechen-rost-valovogo-vnutrennego-produkta/ (дата обращения: 26.12.2022)

меньше тысячи человек[229]), средняя плотность населения составляет 32 человека на 1км^2, средний возраст – 27,6 лет[230]. В Киргизии более 2,5 млн чел. являются экономически активными, около четверти населения страны считается «бедным по потреблению», если следовать депривационному подходу (отсутствует доступ к определенному набору благ и услуг)[231]. Уровень бедности среди молодежи еще выше – 40% (данные за 2021 г.)[232]. Создание рабочих мест тоже отстает от быстро растущей численности населения – каждый год на рынок труда выходит более 50 тыс. молодых людей[233]. Само наличие подобного «молодежного бугра»[234] имеет дестабилизирующее воздействие на политический процесс, а в сочетании с высокой безработицей и бедностью масштаб этого воздействия приобретает катастрофический характер. Официальный показатель безработицы по всей Киргизии на 2020 г. составил 5,8% (при этом самый высокий показатель был в Джелал-Абадской области – 11%)[235].

Если раньше Киргизия играла значимую роль в сельскохозяйственном обеспечении населения СССР, то с получением независимости финансовые ресурсы перетекли в сферу услуг в городских центрах, что привело к формированию трудовой миграционной силы, избыток которой городская среда не может поглотить[236]. В результате очень высокой трудовой миграции (от 800 тыс. до 1 млн граждан КР, т.е. около 40% ее трудоспособного населения, регулярно работают за

---

[229] Социально-экономическая статистика / Евразийская экономическая комиссия. – URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/econstat/Pages/population.aspx (дата обращения: 26.12.2022)

[230] Перепись населения и жилищного фонда Кыргызской Республики 2009 года, кн. III. Город Ош / Национальный статистический комитет Кыргызской Республики. Бишкек. - 2010. – URL: http://www.stat.kg/media/files/9728fbd6-8d05-4867-82e4-19c9bbf5e61c.pdf (дата обращения: 26.12.2022)

[231] Джайлобаева Г.Ж. Индикаторы достойного труда в Кыргызской Республике. Практика их применения / Национальный статистический комитет Кыргызской Республики. – 19.11.2018. – URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/events/labour/Documents/Slides%20on%20Labour/%D0%9A%D1%8B%D1%80%D0%B3%D1%8B%D0%B7%D1%81%D1%82%D0%B0%D0%BD_%D0%A1%D0%B5%D1%81%D1%81%D0%B8%D1%8F%202_%D0%94%D0%BE%D1%81%D1%82%D0%BE%D0%B9%D0%BD%D1%8B%D0%B9%20%D1%82%D1%80%D1%83%D0%B4%20-%D0%94%D0%B6%D0%B0%D0%B9%D0%BB%D0%BE%D0%B1%D0%B0%D0%B5%D0%B2%D0%B0.pdf (дата обращения: 26.12.2022)

[232] Диагностика частного сектора страны…

[233] Аджвад М.И., Гонсалес С.Б. Рабочие места в Кыргызской Республике / Группа Всемирного Банка. - 2018. – URL: https://openknowledge.worldbank.org/bitstream/handle/10986/30105/127799ovRU.pdf?sequence=5 (дата обращения: 26.12.2022)

[234] Goldstone J. Population and Security: How Demographic Change Can Lead to Violent Conflict // Journal of International Affairs. - 2022. – URL: http://www.mafhoum.com/press6/179S21.pdf (accessed: 28.11.2017)

[235] Уровень безработицы 2016-2020 гг. / Национальный статистический комитет Кыргызской Республики. – URL: http://www.stat.kg/ru/opendata/category/113/ (дата обращения: 26.12.2022)

[236] Диагностика частного сектора страны…

рубежом[237]) Киргизия занимает второе место в мире по доле денежных переводов в ВВП – это около 30%[238].

Еще одной проблемой является то, что индивидуальная выработка (производительность труда на одного работника) достаточно низка (в КР на 2016 г. – 7600 долл. США, а в РФ, например, 45000 долл. США), а также то, что сезонная и неформальная работа превышает привлекательность формального сектора, что свидетельствует об ограниченном спросе на официально созданные места и отсутствии высококвалифицированной рабочей силы. При этом создание рабочих мест ограничивается сельским хозяйством, горнодобывающей промышленностью и сферой образования, которые не являются наиболее производительными[239]. Сочетание всех этих факторов создает почву для быстрой мобилизации протестных сил при любом обострении ситуации.

За последние десять лет численность постоянного населения превысила численность наличного, что тоже свидетельствует о преобладании временно отсутствующих граждан, а значит, и о высоких показателях рабочей миграции[240]. С момента вступления Киргизии в ЕАЭС в 2015 г. число граждан, ставших трудовыми мигрантами (в основном в России и Казахстане, втором реципиенте мигрантов после РФ), значительно выросло: с 526 тыс. в 2014 г. до более 700 тыс. к 2017 г. В 2021 г. в России находились более 700 тысяч граждан Киргизии[241]. Только половина из них говорит по-русски, 40% составляют женщины[242].

В целом для Киргизии характерны процессы деурбанизации: по официальным данным[243], КР сегодня – это аграрная страна, находящаяся в состоянии перехода к индустриальному

---

[237] Migration, Food Security and Nutrition in the Kyrgyz Republic / World Food Programme and the International Organization for Migration. - 2021. – URL: https://docs.wfp.org/api/documents/WFP-0000135311/download/ (accessed: 26.12.2022)

[238] Кыргызская Республика: Устойчивое восстановление на фоне существующих недостатков: в зоне особого внимания (трудовая миграция) / Группа Всемирного банка. - Обзор экономики КР №6. - Бишкек, Осень/Зима 2017г. – URL: https://documents1.worldbank.org/curated/ru/987271517230056742/pdf/Economic-update-with-a-special-focus-on-labor-migration.pdf (дата обращения: 26.12.2022)

[239] Аджвад М.И., Гонсалес С.Б. Указ.соч.

[240] Приведена по: Демографический ежегодник Кыргызской Республики 2016-2020. – Бишкек: Нацстатком Кырг. Респ., 2021. – URL: http://www.stat.kg/ru/publications/demograficheskij-ezhegodnik-kyrgyzskoj-respubliki/ (дата обращения: 26.12.2022)

[241] О российско-киргизских отношениях / Посольство Российской Федерации в Киргизской Республике. – URL: https://kyrgyz.mid.ru/o-rossijsko-kirgizskih-otnoseniah (дата обращения: 26.12.2022)

[242] Там же.

[243] Население Кыргызстана / Законодательство Кыргызской Республики. – URL: http://kg.spinform.ru/people.html (дата обращения: 26.12.2022)

обществу[244], где сельское население преобладает над городским: городское население – 34,1%, сельское – 65,9%. Единственным крупным городом является Бишкек с населением более 950 тыс. чел. (во втором по численности населения городе – Оше – 230 тыс. чел.). 52% населения Киргизии проживают в неформальных поселениях[245] (в таких поселениях отсутствует доступ к современным благам, нет инфраструктуры, не соблюдаются нормы планирования, строительства и пр.; также такие поселения существуют вне правовых и нормативных систем), каждый десятый житель страны не имеет доступа к безопасной питьевой воде, так как водораспределительные системы не соответствуют санитарным нормам[246].

На фоне процессов деурбанизации происходит и обратный, хотя и не такой масштабный, процесс – миграция из сельских районов в городские центры, который затрагивает в основном только Бишкек, Ош и Джелал-Абад как наиболее привлекательные для жизни, а также относительно крупные города Чуйской области, где сосредоточены многие промышленные объекты. Самые низкие показатели по внутренней миграции в Нарынской и Баткенской областях[247]. Статистика по экономическим показателям по промышленности в КР, например, за январь-июнь 2022 г. демонстрирует наименьшие показатели как раз в Нарынской и Баткенской областях, а также в г. Оше и Ошской области (то есть, в основном, на юге страны)[248] из-за различий в экономическом развитии регионов.

К 2021 г. уровень бедности в стране под влиянием связанного с пандемией COVID-19 углубления экономического кризиса и очередного всплеска политической нестабильности составил 33,3%, превысив на 8 процентных пунктов показатель 2020 г. Городское население

---

[244] Kyrgyzstan / The World Factbook. - 13.12.2022. – URL: https://www.cia.gov/the-world-factbook/countries/kyrgyzstan/#economy (accessed: 26.12.2022)

[245] Addressing the most Vulnerable First - Pro-Poor Climate Action in Informal Settlements. Nairobi, Kenya / United Nations Human Settlements Programme. - UN-Habitat, 2018. – URL: https://unhabitat.org/pro-poor-climate-action-in-informal-settlement (accessed: 26.12.2022)

[246] Хрестоматия практико-ориентированного комплекса учебно-методических материалов по курсу «Социальная статистика. Международные статистические стандарты в области Целей развития тысячелетия» / Межгосударственный статистический комитет СНГ. – URL: http://www.cisstat.com/Trainig_courses/CIS_training_course_Social_Statistics/CIS_training_course_Social_Statistics_07%20-%20reader.pdf (дата обращения: 26.12.2022)

[247] Внутренняя миграция в Кыргызстане: барьеры и пути социальной мобильности // Международная организация по миграции ООН. - 30.11.2020. – URL: https://kyrgyzstan.iom.int/ru/resources/vnutrennyaya-migraciya (дата обращения: 26.12.2022)

[248] Промышленность Кыргызской Республике / Национальный статистический комитет Кыргызской Республики. – URL: http://www.stat.kg/ru/statistics/promyshlennost/ (дата обращения: 26.12.2022)

пострадало больше – уровень бедности вырос на 15 процентных пунктов, а в сельской местности – на 4. Такая же картина и по уровню крайней бедности – в городах этот показатель вырос на 7,3 процентных пункта, а в сельской местности – на 5,3[249]. Преимущественно аграрный профиль южных регионов и более высокий уровень низовой солидарности обеспечили им подушку безопасности в кризисные времена. Тем не менее, коэффициент Джини составил почти 0,35[250], показывая, что почти вся страна живет одинаково небогато и что доходы распределены относительно равномерно.

Также экономическая стагнация отчетливо прослеживается на примерах ранее упомянутых ГЭС, демонстрируя общую изношенность промышленного комплекса. Так, одна из ГЭС, спроектированных в советское время, Камбаратинская ГЭС-1 и ГЭС-2, строительство которой было начато в 1986 г., оказалась недостроенной к моменту распада СССР и до сих находится в незавершенном состоянии из-за нехватки финансирования.

Демодернизация также затронула социальную сферу и сферу этнокультурных отношений. Например, в 2019/2020 учебном году более 3 тыс. школьников в возрасте 11-15 лет не приступили к занятиям, так как более 70% из них проживают в сельской местности и должны помогать семье в уходе за скотом или со сбором урожая. Официальными причинами пропуска школы были названы ограниченные возможности здоровья (54%), материальные трудности (32%) и другие причины[251]. Помимо того, что сокращается численность учащихся в школах, численность преподавательского состава также падает[252].

Эмансипация женщин, о которой говорилось выше, оказалась обратимой: с ростом религиозных настроений в обществе гендерное равенство стало представляться как нечто прозападное, а значит, чуждое традиционным ценностям Киргизии. Вполне возможно, что

---

[249] Уровень бедности населения в Кыргызской Республике в 2016 г. / Национальный статистический комитет Кыргызской Республики. – URL: http://www.stat.kg/media/files/41aa1138-53c4-4dd7-afce-d6c854e1c065.pdf (дата обращения: 21.10.2022)

[250] Население, занятость и условия жизни в странах СНГ 2020 г. (стат. сборник) / Межгосударственный статистический комитет СНГ. База данных «статистика СНГ». - М.: 2021. – URL: http://www.cisstat.com/0base/frame-rus.htm (дата обращения: 26.12.2022)

[251] Общеобразовательные организации: причины непосещения школ учащимися / Национальный статистический комитет Кыргызской Республики. - 05.10.2020. – URL: http://stat.kg/ru/news/obsheobrazovatelnye-organizacii-prichiny-neposesheniya-shkol-uchashimisya/ (дата обращения: 26.12.2022)

[252] За последние пять лет сократилась численность преподавательского персонала общеобразовательных школ / Национальный статистический комитет Кыргызской Республики. - 02.10.2015. – URL: http://stat.kg/ru/news/za-poslednie-pyat-let-sokratilas-chislennost-prepodavatelskogo-personala-obsheobrazovatelnyh-shkol-na-56-procenta/ (дата обращения: 26.12.2022)

причина недолговечности достигнутых результатов заключалась в том, что советские реформы по отмене патриархальных традиционных институтов не предусматривали формирования «женской субъектности и агентности», а рассматривали женщин лишь как объект проводимых реформ[253]. Откат к традиционным патриархальным ценностям в киргизском обществе показывает, например, растущая тенденция к прекращению обучения девочек после 9 класса[254] и возлагаемые на них ожидания по раннему замужеству. Гендерная сегрегация сохраняется и в выборе карьеры (для женщин это гуманитарные и педагогические науки, здравоохранение и социальные науки, а для мужчин – инженерные и технологические сферы) [255]. Статистика по бытовому насилию достаточно высока, сохраняется и традиция «ала качуу» - похищение невест, несмотря на то, что с 1994 г. это стало уголовно наказуемым[256] (по статистике более 30% похищенных невест не давали предварительного согласия на это).

Еще одним примером укрепления примордиальной идентичности может считаться снижение числа межэтнических браков, что указывает на существование дистанции между разными этнокультурными группами: те, кто вступают в смешанные браки (а их около 10%), имеют конкретные предпочтения, основанные на близости культур соответствующих групп. Характерно и то, что всего лишь 5% киргизов готовы были заключить межэтнический брак в 2000 г. Большинство же смешанных семей отмечается у азербайджанцев, таджиков, русских и казахов, проживающих в КР[257].

---

[253] Щуко Т. Указ.соч.

[254] Обзор Пекин+25: Гендерное равенство и расширение прав и возможностей женщин в странах СПЕКА / Экономическая и социальная комиссия для Азии и Тихого океана (ЭСКАТО). - Сентабрь 2020 г. – URL: https://www.unescap.org/sites/default/files/ESCAP_B25_Central_Asia_Report_20200911_RUS.pdf (дата обращения: 26.12.2022)

[255] Там же.

[256] Сбежавшая невеста: женщины уезжают из Кыргызстана, чтобы их не украли «женихи» // Sputnik Таджикистан. - 19.08.2021. – URL: https://tj.sputniknews.ru/20210613/kyrgyzstan-kraja-nevest-1040196430.html (дата обращения: 26.12.2022)

[257] Хауг В. Демографические тенденции, формирование наций и межэтнические отношения в Киргизии // Население Кыргызстана / под ред. З. Кудабаева, М. Гийо, М. Денисенко. – Бишкек: Национальный статистический комитет Кыргызской Республики, 2004. - С. 109-157.

Различия между регионами заметны и при дальнейшем анализе демографического состава страны. В целом этнические группы, проживающие сегодня в Киргизии, можно разделить на три вида[258] в зависимости от их «исторических корней»[259]:

1. Этнические группы, традиционно проживающие в Киргизии или на соседних с ней территориях: киргизы, казахи, узбеки и таджики, а также уйгуры, дунгане и калмыки из пограничных с Китаем регионов.

2. Этнические группы, которые появились в Киргизии в результате ее колонизации Российской империей, советской переселенческой политики и эвакуаций периода Второй мировой войны: русские, украинцы, белорусы, немцы, евреи, тюркские и финно-угорские народы (татары, башкиры, чуваши, мордва).

3. Этнические группы, образовавшиеся в результате депортаций населения с Дальнего Востока, Южного Поволжья, Кавказа в страны бывшего Западного Туркестана до и во время Второй мировой войны: корейцы, немцы, чеченцы, ингуши, балкарцы, карачаевцы, крымские татары, турки-месхетинцы, курды, азербайджанцы, а также другие группы, депортированные в Среднюю Азию из Закавказья в 1940-е годы.

В самых общих чертах этническая карта Киргизии по расселению этих групп выглядит следующим образом: центральные и восточные регионы в основном заселены киргизами и имеют низкий уровень гетерогенности (например, в Нарынской области киргизы составляют до 98,5%). Бишкек и Чуйская область является этнически неоднородным, так как там проживает основная часть некоренных народов (18-20% от общего числа жителей). Большинство узбекского населения сосредоточено в Оше, Ошской, Джелал-Абадской и Баткенской областях (около 45, 30, 25 и 15% соответственно (2020 г.)[260], а представительство славянских народов сведено к минимуму[261]. При этом самыми густонаселенными областями являются Джелал-Абадская (1 169 тыс. чел.), Ошская (1 288 тыс. чел.), Чуйская области и г. Бишкек (их население насчитывает чуть меньше миллиона человек).

---

[258] Там же.

[259] Блохина А.О. Киргизия: институты… С. 134.

[260] Подсчитано по: Демографический ежегодник Кыргызской Республики, 2016-2020 гг. // Национальный статистический комитет Кыргызской Республики. – URL: http://www.stat.kg/ru/publications/demograficheskij-ezhegodnik-kyrgyzskoj-respubliki/ (дата обращения 26.12.2022)

[261] Мкртчян Н., Сарыгулов Б. Изменение этнического состава населения // Население Кыргызстана в начале XXI в. / ред. М.Б. Денисенко. Бишкек: UNFPA, 2011. С. 82-92. Цит. по: Демоскоп Weekly. 12-25 ноября 2012 г. № 531-532. URL: http://demoscope.ru/weekly/2012/0531/analit06.php#_FNR_1 (дата обращения: 21.10.2022).

В Киргизии в 2022 г. была проведена очередная перепись населения, однако ее результаты и предварительные итоги обещают опубликовать не ранее 2023-2024 гг., в связи с чем в диссертации будут рассмотрены демографические тренды, выявленные в 2009 г.

Прежде всего, это тенденция к гомогенизации населения. Еще в период 1941-1985 гг. киргизы не были большинством в собственной стране: русскоговорящее население доминировало на севере, а узбеки на юге. К 1959 г. киргизы составляли лишь 40,4% от общего населения[262]. Сразу после распада Союза многие депортированные народы, в частности немцы, стали массово выезжать из страны (с 1989 до 1999 г. миграционный отток немцев составил 86 195 человек)[263].

В 1999 г. впервые было зафиксировано резкое сокращение русского населения (на 35%) по всем областям КР. Если раньше в Бишкеке, например, доля киргизов в составе населения равнялась 22%, а русских – 55%, то на момент переписи 1999 г. их доли составили соответственно 53% и 33%. В Чуйской области с 1989 по 1999 г. доля киргизов возросла с 29,3% до 43,7%, а русских – уменьшилась с 41,6% до 32%[264]. В период с 1999 по 2009 г. продолжилось сокращение удельного веса русских в Бишкеке (с 55% до 33%) и Чуйской области (с 32% до 20%)[265].

Отток некиргизского населения часто связывают с дальнейшей демодернизацией общества, и он не компенсируется иммигрантами: например, число прибывших в КР значительно снизилось в период с 2016 по 2020 г. – с 3 160 до 961 человека (в частности, в 2016 г. в КР иммигрировали 1814 россиянина, а в 2020 г. только 242). Покинули страну в 2020 г. 5 822 человека (в 2016 г. – 7125).

---

[262] Там же.

[263] Джунушалиев Д.Д. Демографические изменения немецкого населения в суверенном Кыргызстане // Вестник КРСУ. — 2013. — Т. 13. — № 6. — С. 18

[264] Источник: архивы Национального статистического комитета Киргизской Республики, Национальный статистический комитет Киргизской Республики, 2001, данные подсчитаны Хауг В. Демографические тенденции, формирование наций и межэтнические отношения в Киргизии // Население Кыргызстана / под ред. З. Кудабаева, М. Гийо, М. Денисенко. – Бишкек: Национальный статистический комитет Кыргызской Республики, 2004. - С. 109-157.

[265] Джунушалиев Д.Д. Указ.соч.

Таблица 2. Национальный состав Киргизии по переписям населения 1999 г. и 2009 г.

	Перепись 1999 года	Перепись 2009 года
Киргизы	64,9%	70,9%
Узбеки	13,8%	14,3%
Русские	12,5%	7,8%

Источник: Статистические переписи (НПА и публикации)[266].

Тенденция к гомогенизации общества с выделением двух наиболее крупных этнических групп – киргизов и узбеков – скорее всего, будет только укрепляться в будущем, судя по темпам прироста населения у этих групп. Наибольший прирост отмечается у киргизов (118 845 родившихся в 2020 г. и у узбеков – 27 819, у русских этот показатель составляет лишь 2 924, у дунган 2 020). В результате на 2020 г. киргизы составляли большинство населения страны (74%), узбеки – 14,8%, русские – 5,3%, дунгане – 1,1%[267]. Узбеки, несмотря на относительную многочисленность, не имеют коллективного представительства во власти, их доступ к властным ресурсам затруднен.

Еще один важный тренд – это развитие языковой ситуации в стране, которая имеет достаточно много нюансов и полностью отражает этническую картину. Ранее связь между этнической группой и родным языком была очень сильной практически у всех этнических групп, что подтверждает перепись населения, где официальный язык группы указывался в качестве родного. Около 65% населения считают киргизский язык своим родным. Большая часть депортированных и ассимилированных народов (таких, как немцы или корейцы) назвали русский язык родным языком наряду с представителями славянских групп и татарами, что составило следующую по численности группу (14,7%). Существенно отличается положение касательно владения другими языками. 49 % киргизов и 36% узбеков назвали русский язык своим вторым

[266] Национальный состав населения / Национальный статистический комитет Кыргызской Республики. – URL: http://www.stat.kg/ru/statisticheskie-perepisi/ (дата обращения 26.12.2022)

[267] Статистические переписи (НПА и публикации) / Национальный статистический комитет Кыргызской Республики. – URL: http://www.stat.kg/ru/opendata/category/312/ (дата обращения 26.12.2022)

языком, а в целом 75% населения говорят на русском как на втором языке. Киргизский как второй знают лишь 11,5%[268].

Многоязычие характерно для экономических центров и приграничных районов. Очевидно, что зона его распространения не совпадает (и даже контрастирует) с достаточно четко очерченными и компактно проживающими этническими группами.

Русский язык остается официальным языком[269], киргизский язык признан государственным. Нюансы в статусе кажутся незначительными, но важными: официальный язык приравнивается технически к государственному и может употребляться наряду с ним, но может и не употребляться. Сохраняется вертикаль образования на русском языке (до 20%). По оценкам на 2009 г., для 9% населения русский язык оставался родным, при этом основное число таких граждан проживало на севере страны, главным образом, в Бишкеке[270].

Русский язык как средство коммуникации широко распространен на юге страны, где ранее, до включения Киргизии в Российскую империю, жители говорили на фарси, например, в Бухаре и Самарканде. Сейчас на юге функцию общения между киргизами и узбеками выполняет русский язык. Узбеки предпочитают русский язык киргизскому, как и сами киргизы предпочитают русский язык узбекскому. Также русский язык использовался не только на юге, но и в Бишкеке как средство общения между украинцами и корейцами, в Чуйской области – между киргизами и дунганами.

В 2021 г. Национальная комиссия подготовила проект закона «О государственном языке»[271], в соответствии с которым позиции киргизского языка как государственного значительно укрепляются. Так, например, появилась статья о необходимости обслуживания потребителей на государственном языке (при этом не запрещено дублировать информацию на другие языки или выбирать язык, приемлемый для сторон), вся наружная реклама должна быть также на киргизском языке с возможным дублированием на других языках, обозначен круг лиц, которые обязаны владеть государственным языком. В их числе не только должностные лица, но и служащие Национального банка, лица офицерского и начальствующего состава органов правопорядка,

---

[268] Там же.

[269] Статья 10, пункт 2 Конституции Кыргызской Республики в редакции от 2010 г. / Министерство Юстиции Кыргызской Республики. – URL: http://www.kyrgyz-el.kg/index.php?option=com_content&task=view&id=120&Itemid=43 (дата обращения 26.12.2022)

[270] Статистические переписи (НПА и публикации)…

[271] О государственном языке Кыргызской Республики / Единый портал общественного обсуждения проектов нормативных правовых актов Кыргызской Республики. – URL: http://koomtalkuu.gov.kg/ru/view-npa/1162 (дата обращения: 26.12.2022)

медицинские работники государственных и муниципальных учреждений и пр.; обязательно использование государственного языка в делопроизводстве и документообороте. СМИ также обязаны выполнять обязательный объем вещания на киргизском языке (65%); если язык оригинала не является государственным, необходимо его дублирование на государственный язык. Киргизский язык официально объявляется «языком межнационального общения в Кыргызской Республике, объединяющим все этносы страны» (ранее функцию языка межнационального общения выполнял русский язык). Из проекта закона исчезла статья, гарантирующая право всем этническим группам сохранять родной язык, а также исчезла формулировка «не допускается ущемление прав и свобод граждан по признаку незнания государственного или официального языка» (ст.1, п.5 действующего закона). Конституция 1993 г., например, гарантировала «сохранение, равноправное и свободное развитие и функционирование русского и всех других языков, которыми пользуется население республики» (ст.5, п.2).

Этот проект подвергся критике в силу фактической невыполнимости и ущемления прав и свобод граждан Киргизии, говорящих на других языках. При этом население требует открывать русскоязычные школы для того, чтобы обеспечить возможности образования или трудоустройства своим детям за рубежом. Учитывая отсутствие профессиональной литературной базы или возможностей для производства даже культурно-развлекательных программ, подобные проекты по языку считают «мертвыми»[272]. На настоящий момент культурный раскол прослеживается и в языковых предпочтениях: на севере доминируют русскоязычные или казахские каналы, а на юге – узбекские, в то время как государственные телеканалы сами не в состоянии обеспечить сетку передач полностью на киргизском языке[273].

В 2022 г. спикер Жогорку Кенеша Нурлан Шакиев вновь потребовал изменить названия всех районов Бишкека с русских на киргизские во время заседания Народного курултая[274], до этого подобные призывы звучали и в 2011 г., но ни к чему не привели. Этот случай, во-первых, подтверждает нерешенность вопроса о распространении и укреплении государственного языка как одного из официальных институтов, необходимых для создания «воображаемого сообщества» –

---

[272] Мамараимов А. Пора кардинально менять отношение к государственному языку // Радио Азаттык. - 25.01.2022. – URL: https://rus.azattyk.org/a/31668587.html (дата обращения: 26.12.2022)

[273] Там же.

[274] Спикер парламента Киргизии призвал срочно поменять все названия на русском языке // RuPosters. - 25.11.2022. – URL: https://ruposters.ru/news/25-11-2022/kirgizii-prizvali-ekstrennom-poryadke-pereimenovat-nazvaniya-russkom-yazike (дата обращения: 26.12.2022)

киргизской нации[275], а во-вторых, указывает на недостаток ресурсов для выполнения решений об укреплении позиций киргизского языка. Это также отражает попытки Киргизии лавировать между соседом-гигантом и западными странами, что находит отражение во введении изучения английского языка в школах и ставке на русский язык для дальнейшего решения вопросов с трудоустройством[276].

Таким образом, с момента получения независимости социально-экономическое развитие КР определяют внутренние и внешние миграционные процессы и другие демографические показатели, а также экономическая зависимость страны от дотаций внешних акторов и слабая диверсификация экономики. Высокие показатели внутренней и внешней трудовой миграцией способствуют росту отчуждения и генерируют нестабильность[277]. С другой стороны, переводы мигрантов остаются важной частью ВВП, а внешняя миграция действует как инструмент снижения напряженности не только на рынке труда, но и на внутренней политической арене в условиях перенаселенности ряда областей, молодого трудоспособного населения и недостатка рабочих мест.

2.2. Центры и границы в государственном строительстве КР

При распаде такого крупного территориального образования, как СССР, в Центральной Азии, как и по всему периметру Союза, произошла деконсолидация политических, экономических и культурных границ, которая привела к обострению конкуренции между существующими центрами за ресурсы[278]. Соответственно, неконсолидированность центров и границ являются одной из многочисленных проблем Киргизии. Опираясь на концепцию А. Насемуллы, которая актуальна и для стран бывшего советского блока, Киргизию можно назвать «лоскутным государством»: исторически в таких постколониальных государствах центральная власть имела

---

[275] Anderson B. Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism. Revised Ed. London: Verso, 1991. – 160 p.

[276] Пришло время очиститься от «священных» «овка» и «евка» // Vesti.KG. - 10.02.2011. – URL: http://www.gezitter.org/society/1499 (дата обращения: 26.12.2022)

[277] Гринин Л.Е., Коротаев А.В. Глобальный кризис в ретроспективе. Краткая история подъемов и кризисов: от Ликурга до Алана Гринспена. – М.: Либроком, 2010. – 336 с.

[278] Мелешкина Е.Ю. Указ.соч.

разную степень влияния над разными регионами, что в результате отражается на способности действующего правительства контролировать территорию всего государства целиком и являться признанным и единственным источником авторитета[279].

В советский период в Киргизии шло активное формирование нового политического и экономического центра – Бишкека; вся северная часть Киргизии становилась промышленным регионом республики. В то же время Ферганская долина, окруженная почти со всех сторон горными хребтами (Кураминским, Чаткальским, Ферганским, Туркестанским и Алайским) выделялась как отдельная геополитическая зона и локус исторической государственности всего региона Средней Азии. В этом качестве она до сих пор остается в исторической памяти киргизского, таджикского и узбекского обществ[280]. Многие исследователи считают ее взрывоопасным регионом, где любой социально-политический конфликт угрожает стабильности всей постсоветской Центральной Азии[281]. Полиэтничность Ферганской долины, наличие этнических эксклавов, исламский радикализм, историческая память населяющих ее народов и межгосударственные споры негативно влияют на консолидацию границ всех трех включающих в себя ее части государств, а значит, замедляют и осложняют процесс консолидации границ в современной Киргизии.

2.2.1. Проблема неконсолидированных границ

Первые попытки Российской империи добиться более упорядоченного управления Туркестаном по мере освоения региона не увенчались успехом: он оставался децентрализированным в силу кочевого образа жизни племен, отсутствия устойчивых экономических и социальных отношений между группами населения и разомкнутости границ. Надплеменные формальные институты и образования, которые выстраивала Российская империя, не приживались в этом социуме, что вело к многочисленным внутренним конфликтам как с метрополией, так и между кланами на местах. При слабом влиянии имперского центра и в условиях

---

[279] Naseemullah A. Patchwork States. In Patchwork States: The Historical Roots of Subnational Conflict and Competition in South Asia. - Cambridge: Cambridge University Press, 2022. – 300 p.

[280] Артыкбаев А.М. Геополитические процессы в Центральной Азии в эпоху глобализации. – LAP Lambert Academic Publishing, 2014. – 136 с.

[281] См. например: Артыкбаев А.М. Указ.соч.; Crosston M. Fostering Fundamentalism: Terrorism, Democracy and American engagement in Central Asia. - Aldershot: Ashgate Publishing, 2013. - 194 p.; Малышева Д.Б. Центральноазиатский узел мировой политики. – М.: ИМЭМО РАН, 2010. – 100 с.

кочевого образа жизни характер взаимодействия между племенами определяли многочисленные междоусобные распри. Генерал-губернатор Туркестана характеризовал ситуацию так: «Их многолюдные роды разобщены и враждуют, да и каждый род еще дробится на отделения, часто враждебные»[282].

Советская социально-политическая инженерия (перекройка республиканских границ, перемещение этнических групп, репрессии) стала причиной роста напряженности, в том числе и в Ферганской долине[283].

Концентрация на производстве хлопка, закрепленная центром, означала зависимость региона от поставок зерна. В результате сокращения собственных посевов в 1916-1919 гг. население Туркестана испытало суровые лишения и голод, приведшие к высокому уровню смертности. В 1919-1920 гг. почти вся Средняя Азия была охвачена восстаниями басмачей (с 1918 г. главным центром басмачества считалась Фергана), которые были направлены сначала против царской России, а потом и против советской власти. После подавления восстания Сталиным в 1924 г. административно-территориальные границы Узбекистана, Киргизии и Таджикистана были проложены по долине таким образом, что образовались множественные этнические эксклавы[284].

Сведения о подготовительной работе советских органов по определению территориальных границ, численного состава, расположению этнокультурных групп, подлежавших объединению в автономные республики и области, отсутствуют[285]. Неясными остаются и критерии включения отдельных населенных пунктов в новые республики. В целом эта «непроясненность» понятна: основной посыл советской власти заключался в том, что в любом обществе, вне зависимости от стадии социально-экономического развития, можно построить социализм.

В.В. Бартольд приводит примеры географических «противоречий» традиционному развитию политических центров: после размежевания административным центром Восточной Бухары стал Душамбе (до 1929 г. Дюшамбе), на протяжении же веков центром этого региона был

---

[282] Борубашов Б.И. История Государства и права Кыргызской Республики (учебник). – Бишкек, 2015. – Т. 1. – 180 с. – URL: http://lib.krsu.edu.kg/uploads/files/public/6113.pdf (дата обращения: 26.12.2022)

[283] Маркедонов С.М. Указ. соч.

[284] Блохина А.О. «Ферганский фактор»… С. 164.

[285] Масов Р.М. История исторической науки и историография социалистического строительства в Таджикистане. - Душанбе: Дониш, 1988. - 318 с.

Гиссар[286]. Кроме того, древнейший регион Хорезм был окончательно уничтожен как политическая единица (его история уходит корнями в IV—III тысячелетия до н.э.; в 1097-1231 гг. он представлял центр государства Хорезмшахов, которое впоследствии захватил Чингисхан). Несмотря на то, что хорезмийский язык и этничность со временем размылись и исчезли, политическое влияние и независимость региона сохранялись вплоть до действий советских властей по его разделению[287].

В результате такой трансформации Узбекистан получил большую часть территории с такими крупными историческими центрами, как Андижан, Коканд, Ассаке, Кувасай, Намаган и Фергана. Джелалабад, Ош и Узген отошли к Киргизии. Западная часть Ферганской долины с Исфаром и Канибадамом вошла в Таджикистан (ранее в Ленинабадскую область, в настоящее время – в Согдийскую). По данным на 1999 г. около 6.8 млн из 11 млн человек, проживающих в Ферганской долине, находились в Узбекистане, более 700 тыс. узбеков проживали в южной Киргизии, 300 тыс. киргизов в Узбекистане, 1,4 млн узбеков – в Таджикистане[288]. В результате подобного административного деления одни и те же группы получили либо статус титульной нации на своей территории, либо статус меньшинства на территории другого государства.

2.2.2. Проблема этнической гетерогенности

Формирование новых независимых государств привело к физическому разделению народов, которые раньше были тесно связаны между собой. Возникла и проблема этнических эксклавов, которых в Ферганской долине насчитывается семь (шесть, если считать процесс передачи деревни Барак Узбекистану завершенным по официальным документам)[289].

---

[286] Там же.

[287] Там же.

[288] Tabyshalieva A. The Challenge of Regional Cooperation in Central Asia. - United States Institute of Peace. - 1999. - 23 p.

[289] Baker N. The Ferghana Valley: A Soviet Legacy Faced with Climate Change // ICE Case Studies. - 2011. - №. 252. – URL: http://mandalaprojects.com/ice/ice-cases/ferghana.htm (accessed: 21.10.2022).

Таблица 3. Эксклавы Киргизии, Узбекистана и Таджикистана

Эксклавы Киргизии	Киргизская деревня Барак[290] окружена узбекской территорией, расположена по пути из Оша (Киргизия) в Ходжаабад (Узбекистан), в 5 км от Киргизо-Узбекской границы по направлению к Андижану – в настоящий момент передана Узбекистану в соответствии с достигнутой договоренностью о разрешении спорных участков между государствами.
Эксклавы Узбекистана	Четыре узбекских эксклава находятся на территории Киргизии. Два из них – города – Сох, в котором несколько лет назад произошли столкновения между узбеками и киргизами, и Шахимардан (население 5 100 человек, 91% узбеки, остальные киргизы). Два других – крохотные поселения Чон-Кара-Буура и Джаны-Айыл.
Эксклавы Таджикистана	Два эксклава расположены на территории Киргизии: Ворух (23-29 тысяч человек, 95% таджики, 5% киргизы, около 17 деревень) и небольшое поселение около киргизской железной дороги Кайрагач.

Составлено по: Блохина А.О. "Ферганский фактор" и регулирование этнокультурных размежеваний в Киргизии // Политическая наука. – 2016. – № 1. С. 161-175.

Помимо новых границ и эксклавов, этнополитические конфликты в Ферганской долине провоцировало наличие многочисленных меньшинств – казахов, турок-месхетинцев, татар, каракалпаков, уйгуров, украинцев, русских и других. Факторами конфликтности стали перенаселенность Ферганской долины (плотность населения в ней достигает 360 чел. на кв.м.[291], а в некоторых районах колеблется от 1000 до 5000 чел. на кв. км[292]), высокий уровень безработицы (достигает 80%[293]), отсутствие промышленных центров и нерешенные вопросы, связанные с земельными и водными ресурсами.

---

[290] В настоящий момент находится в процессе передачи Узбекистану в соответствии с достигнутой договоренностью о разрешении части спорных участков между государствами.

[291] Grassroots Peacebuilding: Cross-Border Cooperation in the Ferghana Valley. (CAP Fellows Paper 202) // CAP Central Asia Program. – 2018. – URL: https://centralasiaprogram.org/wp-content/uploads/2018/02/Mamatova-CAP-Fellows-Paper-February-2018.pdf (accessed: 21.10.2022).

[292] Arynova A., Schmeier S. et al. Conflicts Over Water and Water Infrastructure at the Tajik-Kyrgyz border: A Looming Threat for Central Asia? // Water, Peace and Security. – 2021. – URL: https://waterpeacesecurity.org/files/68 (accessed: 21.10.2022).

[293] Рашид А. ИДУ постепенно развивается в движение, охватывающее всю Среднюю Азию. - 06.01.2005. – URL: https://russian.eurasianet.org/node/56970 (дата обращения 26.12.2022)

В 1989 г. произошел крупный конфликт между узбеками и турками-месхетинцами[294], непосредственные причины которого до сих пор не определены. В 2010 г. конфликт случился уже между киргизами и узбеками, однако это далеко не первый и не единственный случай: открытые конфликты между этими группами имели место в 1967 и 1990 гг. Наибольшая доля узбеков проживает компактно в следующих районах Киргизии: Ошская область и г. Ош, Джелал-Абадская область, Баткенская область (в процентном соотношении они составляют около 28%, 24% и 45% соответственно)[295].

Последователи примордиалистского подхода в этнополитических исследованиях объясняют эти конфликты культурными различиями и разными путями исторического развития. Узбеки, таджики и турки на юге страны изначально были оседлой группой и относились к наиболее немобильным этническим группам, а киргизы придерживались кочевого образа жизни[296]. Для кочевых народов характерны клановые отношения, а для оседлых племен важна принадлежность к определенной статичной общине, которая формируется по географическому принципу, поэтому киргизы до сих пор сохраняют удивительно прочные отношения внутри своего клана, а узбеки – с махаллей[297].

Разница в общественном устройстве привела и к различным представлениям о владении землей и собственностью в целом. Узбеки имеют более сильное чувство привязанности к земле, они были первыми, кто стал возвращаться на юг Киргизии еще до завершения внутриполитического кризиса 2010 г. Помимо этого, разнятся причины, по которым киргизы и узбеки считают себя ущемленными в правах. Для узбеков это болезненный вопрос исключения из властных структур и военного сектора, в том числе правоохранительных органов. Киргизы же, стремящиеся работать на государственной службе, в правоохранительных органах и на других

---

[294] Субэтническая тюркоязычная группа, исповедующая ислам суннитского толка и исторически проживавшая на территории Месхетии, присоединенный к Грузии по заключению мирного договора между Российской империей и Турцией в 1829 г.; в 1944 г. они были депортированы в Казахстан, Киргизию и Узбекистан из-за «неблагонадежности».

[295] Статистические переписи (НПА и публикации)…

[296] Roberts S.R. What's ethnicity got to do with it? Healing the wounds of Uzbek-Kyrgyz violence in the Ferghana Valley. - PONARS Policy Memo № 106. – URL: https://www.ponarseurasia.org/wp-content/uploads/attachments/pepm_106.pdf (accessed: 26.12.2022)

[297] Этничность и религия в современных конфликтах / отв. ред. В.А. Тишков, В. А. Шнирельман; Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН. – М.: Наука, 2012. – 650 с.

административных должностях, чувствуют, что они проигрывают узбекам в экономической сфере, в сфере бизнеса и местной торговли, где в основном доминируют узбеки[298].

Подобные генерализации кажутся чрезмерными, однако представляются релевантными, когда в момент конфликта просыпаются все межэтнические обиды, подлинные или мнимые. Связанные с этими конфликтами центробежные тенденции также нашли свое отражение в призывах южан перенести столицу из Бишкека в Ош, а также в волне сепаратизма после 1990 г., когда узбекское население, проживающее на территориях Ошской, Джалал-Абадской и Баткенской областей, стало требовать национальной автономии (часто такие призывы среди меньшинств поддерживаются со стороны материнского государства, или, по Р. Брубейкеру, «внешней родины»). Предшествующее конфликту недовольство также было спровоцировано вышедшим накануне этих событий законом, в соответствии с которым киргизский язык был признан государственным, языком международного общения стал русский, а узбекский язык никакого специального статуса не получил[299].

Проблемы с демаркацией границ и решение вопросов, связанных с приграничными территориями, до сих пор остаются для Киргизии актуальными. Попытка разрешить пограничные споры и трансграничное водопользование между Киргизией и Узбекистаном (общая протяженность границы составляет 1 472 км) имела место в 2001 г., однако проект соглашения не был ратифицирован[300]. В 2017 г. при президенте А. Атамбаеве был подписан и ратифицирован договор о делимитации 1170 км границы, оставшиеся участки границы остаются спорными. В 2021 г. стороны объявили о разрешении всех спорных вопросов по государственной границе[301] по «обоюдному согласию», но после протестов местных жителей объявили, что никаких документов не было подписано. В 2022 г. стороны смогли достичь договоренности и ратифицировать договор о демаркации еще одного участка границы в 302,29 км, в соответствии с которым Узбекистану отошла часть территории Андижанского водохранилища, известного как Кемпир-Абадское в Киргизии, а КР переданы пастбищные земли в 19 тыс. га рядом с ним в качестве компенсации. Помимо этого, была достигнута договоренность о совместном управлении водными ресурсами

---

[298] Там же.

[299] Ситнянский Г.Ю. Указ.соч.

[300] Central Asia: Border Disputes and Conflict Potential // International Crisis Group. - Asia Report № 33. - Osh/Brussels, 04.04.2022. – URL: https://www.files.ethz.ch/isn/28346/033_central_asia_border_disputes.pdf (accessed: 26.12.2022)

[301] Кыргызстан и Узбекистан согласовали все спорные участки границы // Фергана. - 26.03.2021. – URL: https://fergana.agency/news/121846/ (дата обращения: 26.12.2022)

водохранилища. Один из важных пунктов договора – передача киргизского эксклава (деревни Барак) Узбекистану.

Несмотря на то, что соглашение эксперты оценили как более выгодное для Киргизии (Узбекистан уступил по всем спорным участкам), в Киргизии оно вызвало волну протестов, а в Узбекистане не нашло сильного эмоционального отклика. Это объясняют киргизским этнотерриториальным национализмом, который проявился и в 2005 г. при демаркации спорных участков границы с Китаем и считается одной из причин свержения А. Акаева. Сейчас киргизская оппозиция называет соглашение с Узбекистаном «незаконным», что позволяет предположить его оспаривание в случае прихода к власти нового правительства[302].

В 2021 г. конфликт вспыхнул между населением приграничных сел Киргизии и Таджикистана (до этого ему предшествовали еще семь зарегистрированных вооруженных столкновений); он перерос в военное противостояние[303]. По границе между двумя странами насчитывается около 70 спорных участков (это около 250 км общей границы из 971 км). Один из наиболее острых конфликтов развился вокруг эксклава Ворух, связанного с Таджикистаном единственной дорогой, которую таджикская сторона считает своей территорией. Хотя сторонам удалось договориться о прекращении огня и отвести военную технику от границ, все прежние спорные вопросы остались открытыми. Фактически границы до сих пор до конца «не поделены» и остаются объектом межгосударственных споров. Единственным возможным вариантом решения проблемы эксперты считают полную демилитаризацию границы и установление контроля миротворческих сил ОДКБ[304].

2.2.3. Несовпадение исторических и современных центров

Как было отмечено выше, территориальные и социально-этнические проблемы КР после распада СССР были осложнены разорванными промышленными цепочками в регионе и экономическими сложностями.

---

[302] Как странам Средней Азии удалось поделить спорные территории // Взгляд (деловая газета). - 23.11.2022. – URL: https://vz.ru/world/2022/11/23/1187274.html (дата обращения: 26.12.2022)

[303] Умаров Т. Конфликт без посредников. Кто выиграл от войны на границе Киргизии и Таджикистана // Фонд Карнеги за международный мир (США). - 04.05.2021. – URL: https://carnegie.ru/commentary/84454 (дата обращения: 26.12.2022)

[304] Как странам Средней Азии удалось поделить спорные территории…

После получения независимости новые потенциальные центры не были обеспечены в достаточной мере ресурсами из-за прежней концентрации на отдельных направлениях производства в общесоюзном промышленном комплексе, что привело к череде экономических кризисов и распаду существовавшей инфраструктуры. Восстановление новых связей требовало все больше инвестиций, которых постоянно не хватало[305]. Между центральноазиатскими республиками также обострились вопросы водопользования и поставок электроэнергии. При получении независимости Узбекистану досталась большая часть равнины и ее населения, к Киргизской Республике отошли водные ресурсы, Таджикистану – единственная железная дорога[306].

В настоящее время на долю Киргизии приходится 45% всех водных ресурсов региона. Река Нарын обеспечивает сельскохозяйственные нужды региона, сливаясь с Карадарьей, она впадает в бассейн, которым пользуются Киргизия, Узбекистан, Таджикистан и Казахстан. На момент существования СССР в бассейне действовали 26 водохранилищ (самое крупное из них – Токтогульское). При этом в СССР между республиками существовала договоренность о взаимном обеспечении электроэнергией и ресурсами. На осенне-зимний период гидроэнергетические узлы прекращали работу, чтобы пополнить хранилище, весной вода снова подавалась из Киргизии в другие республики. Взамен за воду в она получала уголь, газ и другие энергоносители, чтобы обеспечить зимние нужды. После распада СССР бартер перестал быть безвозмездным, вода продолжала поступать в Узбекистан и Казахстан, однако энергоресурсы Киргизии начали продавать[307]; помимо этого, она единолично стала нести издержки по обеспечению эксплуатации водохранилищ. На фоне планов по строительству газовой трубы из Туркменистана в Китай вес Киргизии как заказчика ощутимо снижается.

В общесоюзном промышленном комплексе Киргизия не имела самостоятельных производственных цепочек и специализировалась в основном на производстве сырья и полуфабрикатов[308]. В официальной Национальной стратегии устойчивого развития Кыргызской

---

[305] Pierson P. Increasing Returns, Path Dependence, and the Study of Politics // The American Political Science Review. - 2000. - № 94 (2). - P. 251-267.

[306] Данков А. Ферганская долина: Проблемы обеспечения экономической стабильности // Центральная Азия и Кавказ. - Лулео, 2007. - № 2 (50). – С. 130-142.

[307] В 2009 году цена за газ составила для Киргизии 64% от средней цены на газ в странах Евросоюза.

[308] Асанканов А.А., Осмонов О.Дж. Указ.соч. С.474.

Республики на период 2013-2017 гг. первые двадцать лет независимости названы «режимом выживания», а Киргизия – страной без приоритетов[309].

В силу особенностей советской модернизации Бишкек сформировался как центр экономической и политической жизни (см. п. 1.3), а Ош традиционно сохраняется в исторической памяти как «южная столица»: на протяжении нескольких тысячелетий он имел статус важного политического, экономического и культурно-религиозного перекрестка, являясь главной остановкой на ферганской ветке Шелкового пути. Эта дуальность нашла свое отражение и в Конституции 2010 г. (в редакции 2016 г.), где и Бишкек, и Ош объявлены городами республиканского значения (ст. 8.3[310]). Однако, сохраняя политическое влияние и будучи расположенным в одной из наиболее густонаселенных областей, Ош потерял часть своих промышленных объектов советского периода: киргизско-узбекская граница отрезала часть его районов вместе с экономической и торговой инфраструктурой: промышленные доли ВВП в Бишкеке и Чуйской области (север) – 22,5 и 36,2%, а в Ошской области и г. Оше (юг) – всего лишь 3,8 и 1,6%[311]. Разобщенность центров закрепляет региональный раскол Киргизии по линии север-юг и продолжает быть источником политического противостояния клановых элит.

Учитывая, что Ош традиционно является религиозным центром для мусульман Центральной Азии, целесообразно рассмотреть этот аспект отдельно.

2.2.4. Угроза радикализации ислама и исламские движения в регионе

Являясь одним из государств Ферганской долины, Киргизия исторически имеет сильную связь с исламом; как свидетельствуют исследователи, «вплоть до 1921 г. местное население Туркестанской республики на вопрос о национальности отвечало: "мусульманин"»[312]. После завоевания Российской империей местное население сохраняло свои традиции и не спешило учить

---

[309] Национальная стратегия устойчивого развития Кыргызской Республики на период 2012-2017 гг. от 2013 г. / Министерство Юстиции Кыргызской Республики. – URL: http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/61542 (дата обращения: 26.12.2022)

[310] Конституция Кыргызской Республики в редакции от 2016 г. / Министерство Юстиции Кыргызской Республики. – URL: http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/202913?cl=ru-ru (дата обращения: 26.12.2022)

[311] Промышленность Кыргызстана в разбивке по регионам // Промышленность Кыргызстана. - 2012. – URL: https://rus.gateway.kg/industry/promyshlennost-kyrgyzstana/regions/ (дата обращения: 26.12.2022)

[312] Олимов М. В.В. Бартольд о национальном размежевании в Средней Азии // Восток. - 1991. - №5. - С. 97–110.

русский язык и перенимать новые порядки[313], популярностью русские школы не пользовались, так как там не давали знаний о шариате. В свою очередь, власти Российской империи также не стремились детально изучать особенности края и совершали промахи, которые вызывали протесты местных жителей. Например, в 1874 г. царская администрация отменила сбор налога в пользу нуждающихся единоверцев (закят) и ввела вместо него промысловый сбор, что вызвало волну протестов и привело к Андижанскому восстанию 1898 г.[314]. Важность религиозной традиции для киргизского общества подтверждает и современная статистика: 77% граждан КР сегодня делают ежегодные отчисления закята[315].

Советская политика официального атеизма привела к гонениям на религию по всей стране. В 1937-1938 гг. были репрессированы тысячи улемов и имамов, система исламского образования была практически упразднена, хотя по данным переписи 1937 г. абсолютное большинство граждан в регионах с мусульманским населением оставались верующими. Только с началом Великой Отечественной войны отношение власти к религии и религиозным организациям стало меняться. В частности, в 1943 г. было учреждено Духовное управление мусульман Средней Азии и Казахстана (САДУМ), и в республиках появился «официальный ислам». В каждой из них было создано представительство САДУМ во главе с казием (мусульманским судьей-чиновником)[316]. Однако в Ферганской долине, где до прихода советской власти было множество религиозных школ (по существующим данным в VII-VIII веках в медресе на юге современной Киргизии обучали не только религиозным дисциплинам – поощрялось образование (для женщин тоже) в сферах передачи и знания хадисов, заучивания Корана наизусть, основ права и врачевания и пр.[317]),

---

[313] Социальная жизнь народов Центральной Азии в первой четверти XX века: традиции и инновации. Материалы международной конференции 12-13 сентября 2008 г. – Ташкент: 2009. – URL: https://www.academia.edu/9663145/%D0%A0%D0%A3%D0%A1%D0%A1%D0%9A%D0%90%D0%AF_%D0%9A%D0%9E%D0%9B%D0%9E%D0%9D%D0%98%D0%97%D0%90%D0%A6%D0%98%D0%AF_%D0%A2%D0%A3%D0%A0%D0%9A%D0%95%D0%A1%D0%A2%D0%90%D0%9D%D0%90_%D0%98%D0%97%D0%9C%D0%95%D0%9D%D0%95%D0%9D%D0%98%D0%AF_%D0%92_%D0%91%D0%AB%D0%A2%D0%A3_%D0%98_%D0%9D%D0%A0%D0%90%D0%92%D0%90%D0%A5_%D0%9A%D0%9E%D0%A0%D0%95%D0%9D%D0%9D%D0%9E%D0%93%D0%9E_%D0%9D%D0%90%D0%A1%D0%95%D0%9B%D0%95%D0%9D%D0%98%D0%AF (дата обращения: 26.12.2022)

[314] Там же.

[315] Lugo L. The world's Muslims: Unity and Diversity // Pew Research Center Report. - 2012. – URL: http://www.pewforum.org/Muslim/the-worlds-muslims-unity-and-diversity.aspx (accessed: 26.12.2022)

[316] Образование ДУМ Средней Азии (САДУМ). - ИД «Медина», 30.03.2009. – URL: http://www.idmedina.ru/ussr/?1113 (дата обращения: 21.10.2022).

[317] Курбанова Н.У., Мырзабаева Н.С. Указ.соч.

обучение «истинному» (неофициальному) исламу осуществлялось нелегально, что формировало базу для появления религиозной и политической оппозиции.

Следует отметить, что советские ученые не имели доступа к неофициальным источникам и не могли в полной мере отследить динамику религиозной жизни в регионе, полагаясь преимущественно на документы САДУМ или советскую прессу, за что сегодня, например, критикуют А. Беннингсена[318]. В частности, критике подвергаются термины, введенные ученым, - «официальный ислам» и «параллельный ислам» (находящийся в оппозиции к режиму). Подобное деление в значительной степени упрощает реальную картину: так, на народном уровне свои позиции удерживал суфизм, и мусульманские общины региона, ориентировавшиеся по традиции на своих шейхов, были децентрализованы и слабо связаны между собой. Попытки советских властей построить наднациональное и «надрелигиозное» общество привели к тому, что в среде улама (мусульманских ученых) изменился образ «врагов ислама и мусульман»[319]; в это же время были заложены основы для будущего возрождения ислама в регионе на более радикальных началах.

С приближением распада СССР, когда начался общесоюзный процесс религиозного возрождения, в регионе появились исламские политические (исламистские) организации. Особенности ислама как религиозной системы[320] способствовали взаимовлиянию религии и политики. Все основные формы политического присутствия ислама, на которые обращают внимание исследователи, проявились и в молодых центральноазиатских государствах (выступления мусульман, бросающих вызов «несправедливым правителям»; использование ислама государством в целях легитимации власти и консолидации общества; обращение к исламу в различных конфликтах для артикуляции интересов и идентичности групп)[321].

В то время как официальный ислам отличается консерватизмом, неофициальные религиозные течения предлагают своим последователям более привлекательную альтернативу,

---

[318]Болпонова А. Политические кланы Кыргызстана: история и современность // Центральная Азия и Кавказ. – 2015.– Выпуск 3-4. – С.10

[319] Там же, С.9.

[320] Кудряшова И.В. Политические изменения и трансформация идентичности в странах мусульманского Востока // Политическая идентичность и политика идентичности: в 2 тт. Т.2. Идентичность и социально-политические изменения в XXI веке / отв. ред. И.С. Семененко. – М.: РОССПЭН, 2012. - С.155-184.

[321] Кудряшова И.В. Исламская цивилизационная доминанта и современное развитие мусульманских политий // Политическая наука. – М.: ИНИОН РАН, 2003. - №2. – С.87-117.

обещая решение экономических проблем и социальную поддержку[322]. Среди основных факторов роста радикальных настроений исследователи называют сложную экономическую и социально-политическую ситуацию и соседство нестабильных стран[323]; радикализацию ислама они также связывают с религиозными репрессиями и запретами, разрушением системы религиозного просвещения населения[324]. Недоступность информации и богословской литературы стала одной из причин маргинализации религиозной культуры, ее примитивизации и роста безграмотности (так называемый переход на обрядовую форму религии)[325]; различные силы при этом пользовались этой ситуацией в своих целях. Разобщенность исламской общины стала провоцировать внутренние конфликты и борьбу за власть между сторонниками различных течений и группировок. Приведем несколько примеров:

- В 1990 г. представители мусульманских активистов Средней Азии участвовали в создании всесоюзной Исламской партии возрождения, которая после 1991 г. трансформировалась в Таджикистане в Партию исламского возрождения Таджикистана (ПИВТ)*[326] (позднее она стала единственной легальной исламской политической партией на постсоветском пространстве и существовала в этом качестве до 2015 г.).
- В 1991 г. в самом центре Ферганской долины, в Намангане, зародилось движение за мусульманское самоуправление под руководством Т. Юлдашева, которое привело к формированию ряда исламистских организаций и параллельных властных структур. В 1996 г. Юлдашев и Дж. Намангани организовали Исламское движение Узбекистана (ИДУ)*, выступавшее за создание исламского государства на территории Ферганской долины. В 1999 г. Юлдашев руководил вторжением боевиков с территории Афганистана через Таджикистан в Баткенскую область Киргизии, намереваясь пройти в Узбекистан[327].

---

[322] Блохина А.О. «Ферганский фактор»… С. 166.

[323] Абишева М., Шаймергенов Т. Религиозно-политический экстремизм в странах Центральной Азии: анализ причин распространения // Центральная Азия и Кавказ. – Лулео, 2006. - № 6. – С.53.

[324] Хаким А. Особенности религиозного мышления в Центральной Азии: необходимость комплексной модернизации // Центральная Азия и Кавказ. – Лулео, 2005. - №1. – С.33.

[325] Там же.

[326] Знаком * обозначены организации, признанные террористическими и запрещенные на территории РФ.

[327] Фальков М. Исламское движение Узбекистана (ИДУ) // Независимая газета. - 24.08.2000. – URL: https://www.ng.ru/net/2000-08-24/0_idu.html (дата обращения: 26.12.2022)

- Радикальная исламская партия «Хизб-ут-Тахрир»* (Партия освобождения) сосредотачивает свою деятельность в основном на Узбекистане, но также действует на территории Киргизии и Таджикистана. Она была создана в 1952 г. судьей шариатского апелляционного суда ан-Набхани ал-Фаластини, который являлся членом движения «Братья-мусульмане»*. После гонений на политический ислам в Узбекистане часть последователей партии вынуждены были бежать в Афганистан, а часть осела в южных регионах Киргизии. Организация имеет транснациональный характер и нацелена на осуществление всемирной исламской революции и создание халифата при опоре на ненасильственные методы. Существуют и другие организации радикального ислама со схожей целью, например, «Нурджулар»*, которая стремится к созданию «Великого Турана» на основе шариата.
- В 2005 г. в Андижане произошло восстание радикального движения «акромистов», которое было подавлено силовыми методами. Религиозно-политическим лидером движения «Акромия»* являлся Акром Юлдашев (г. Андижан), ранее состоявший в рядах «Хизб-ут-Тахрир»*.

Общей чертой мусульманских движений является весьма высокая политизированность, стремление к созданию единого исламского государства – халифата и/или возрождение единого исламского Туркестана. Проект создания «нового халифата» в Фергане подпитывают исторический опыт мусульманской государственности и объективные трудности национального строительства. Существование социальной базы для подобных движений (в конце 1990-х гг., по мнению З. Тодуа, молитвы в отдельных мечетях Ферганской долины скорее напоминали политические собрания с обсуждением острым социальных проблем - клановости, коррупции, бедности[328]) предполагает их долговременность, а конфликты на Ближнем Востоке и в Афганистане усиливают радикальные настроения у части мусульман.

[328] Тодуа З.Б. Исламская оппозиция в Узбекистане до и после начала антитеррористической операции в Афганистане // Институт социальных систем МГУ им. М.В. Ломоносова. – URL: https://centrasia.org/newsA.php?st=1114956660 (дата обращения: 26.12.2022)

Несмотря на то, что обычно подобную угрозу эксперты считали мифической, а исламистские группы слишком разобщенными, чтобы добиться единой цели[329], текущий подъем исламского терроризма, когда группировки, подобные «Исламскому государству»*, ведут войну с государствами, ее нельзя недооценивать (особенно при слабых, как в Киргизии, государственных институтах). Например, Исламское движение Узбекистана* в свое время объявило о присоединении к ИГ[330].

Однако в то же время часто сам термин «исламский фактор» используется официальной властью в борьбе против оппозиции (чаще это происходит в Узбекистане и Таджикистане). Подобная политика может привести к обратному эффекту – росту симпатий населения к исламским политическим движениям и укреплению панисламских идей.

После обретения независимости в стране имел место резкий рост религиозных организаций: если в 1990 г. функционировало 39 мечетей и несколько христианских религиозных заведений, то на 2016 г. официально зарегистрировано 2989 религиозных организаций, из которых 2595 исламского (доля мусульман составляет около 80%) и 380 христианского толка, а также 1 буддистская и 1 еврейская община и 12 общин бахаи[331]. К 2020 г. согласно официальной статистике в Киргизии было зарегистрировано 2968 религиозных исламских учреждений (из них 2960 суннитского толка и 1 шиитского); к этому надо добавить 402 зарегистрированные христианские организации, что вместе составляет 3370 религиозных организаций[332].

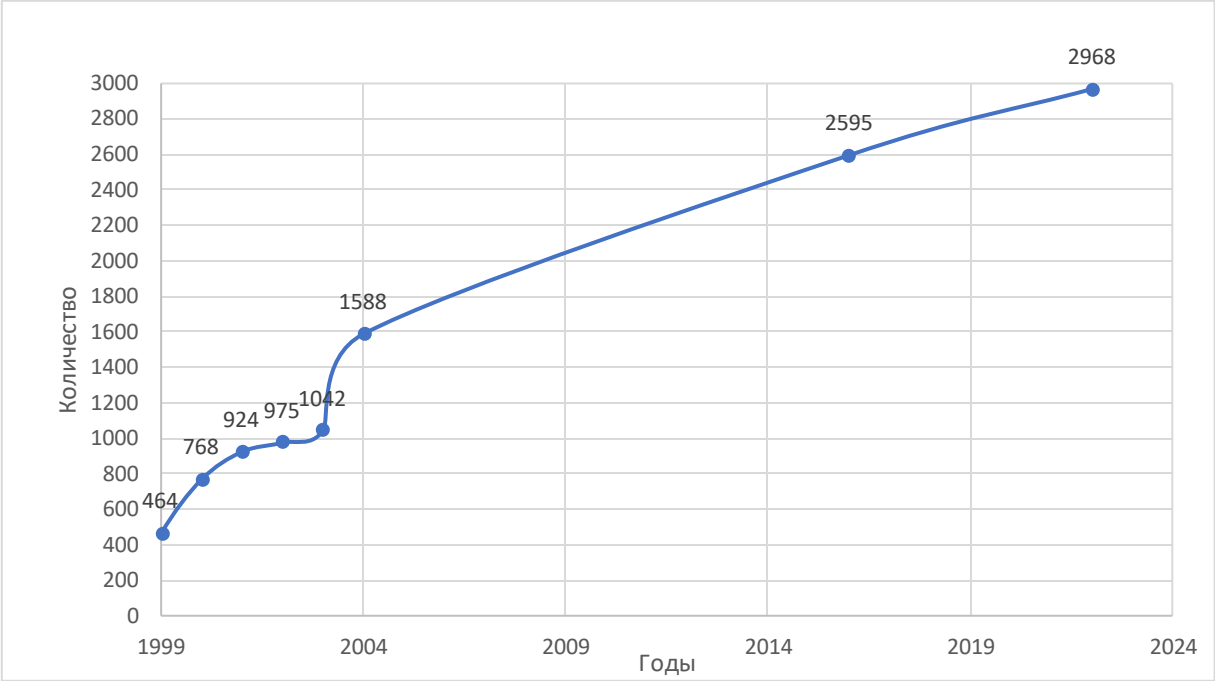
[329] Щукин И. Распространение экстремистских организаций в Средней Азии угрожает стабильности и без того проблемного региона // ИА Фергана. - 16.04.2004. – URL: https://fergananews.com/article.php?id=2942 (дата обращения: 26.12.2022)

[330] СНБ Узбекистана: Присоединиться к ИГИЛ «Исламское движение Узбекистана» вынудили финансовые проблемы // ИА Regnum. - 19.02.2015. – URL: http://www.regnum.ru/news/polit/1897424.html (дата обращения: 26.12.2022)

[331] Элебаева А.Б., Эсенаманова Н.С., Чотаев З.Д. Влияние религиозного фактора на социально-политическую ситуацию в Кыргызской Республике (социологическое исследование) - Бишкек: Триада Принт, 2016. - С.5.

[332] База данных «Религиозные организации» / Государственная комиссия по делам религии Кыргызской Республики. – URL: http://www.religion.gov.kg/ru/religion_organization/registered/muslim (проверено 25.11.2022)

Рисунок 2. Количество официально зарегистрированных в Киргизии мечетей и медресе с 1999 по 2022 гг.

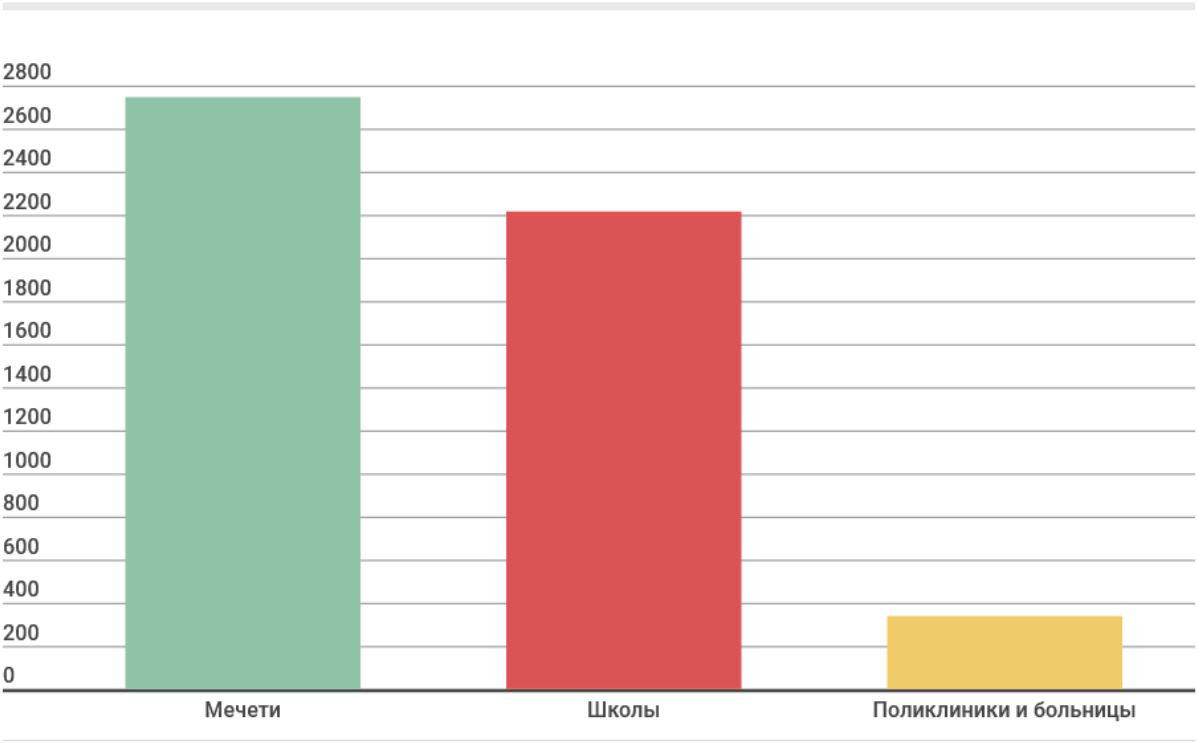
Источник: Составлено автором на основе документов официальной статистики[333].

К 2015 г. число мечетей и намазканов (молельных комнат) почти сравнялось с количеством средних школ. Соотношение между мечетями, школами и поликлиниками в 2022 г. по всей стране выглядело следующим образом[334]:

[333] Элебаева А.Б., Эсенаманова Н.С., Чотаев З.Д. Указ соч.

[334] Шабалин А. Число мечетей в Бишкеке сравнялось с количеством школ: инфографика // KaktusMedia. - 10.01.2017. – URL: https://kaktus.media/doc/350616_infografika:_chislo_mechetey_v_bishkeke_sravnialos_s_kolichestvom_shkol.html (дата обращения: 26.12.2022)

Рисунок 3. Количество мечетей, школ и поликлиник/больниц в КР на 2022 год

Представлено по: *Шабалин А.* Число мечетей в Бишкеке сравнялось с количеством школ: инфографика // KaktusMedia
[335].

Влияние ислама разнится в зависимости от региона. На юге население более религиозно, учитывая крупную и более религиозную узбекскую общину, однако бедность тоже способствует обращению людей к метафизическим вопросам бытия в силу невозможности решить насущные проблемы более практическими способами; так, одна из самых частых причин политизации религии – это поиск справедливости[336]. Статистика тоже подтверждает региональное деление религиозного влияния и радикализации: в 2015 г. в Сирию для участия в боевых действиях на

[335] Там же.

[336] Усенов А. Процессы политизации ислама в Кыргызстане: влияние на парламентские выборы 2020 г. / Central Asian Bureau for Analytical Reporting. - 03.08.2020. – URL: https://cabar.asia/ru/protsessy-politizatsii-islama-v-kyrgyzstane-vliyanie-na-parlamentskie-vybory-2020-goda#_ftnref3 (дата обращения: 27.12.2022)

стороне ИГ(ИЛ)* выехало 352 гражданина Киргизии, 98% – с юга страны. Среди экстремистов 249 человек – граждане узбекской национальности[337].

По количеству мечетей в регионах также просматривается региональное деление по уровню религиозности. В Ошской области их 545 (по сравнению с 1943 г., например, когда всего было зарегистрировано 10 мечетей), в Джелал-Абадской – 440, Баткенской – 219, Чуйской – 161, Таласской – 73, Иссык-Кульской – 56 и Нарынской области – 52[338].

Рост религиозного сознания в Киргизии напрямую связан с укреплением этнокультурной идентичности (особенно после распада СССР), так как ислам рассматривался как часть традиционной идентичности киргизов, наряду с «языком, принадлежностью к роду, общей исторической реальностью и территорией»[339].

Особенности ислама как религиозной и социальной системы[340] позволяют предположить усиление его присутствия в публичной сфере и использование в политических целях: буквализация священного, когда символ «уже не передает священного опыта, но сам становится опытом», позволяет подчинить священный текст различным политическим целям[341]. По мнению киргизских экспертов, этому способствуют низкая религиозная грамотность населения, социально-экономические проблемы, особенно массовая бедность и безработица, проблемы в межэтнических отношениях, трудовая миграция[342]. Именно поэтому одним из признаков демодернизации общества выступает «узурпация ментального мира упрощенными и ограниченными версиями происходящего, как в прошлом, так и в настоящем»[343]: в 2012 г., например, 63% опрошенных

---

[337] Дятленко П. Исламский фактор во внешней политике Кыргызстана // Внешняя политика. - 26.06.2016. – URL: http://foreignpolicy.ru/analyses/islamskiy-faktor-vo-vneshney-politike-kyrgyzstana/ (дата обращения: 27.12.2022)

[338] Сухов А. Кыргызстан: Роль Хизб ут-Тахрир в радикализации ислама // Центральная Азия и Кавказ. – 2006. – №6 (48). – С. 120–129.

[339] Чотаева Ч. Этнорелигиозная ситуация в Кыргызстане // Центральная Азия и Кавказ. – 2005. – №3 (39). – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/etnoreligioznaya-situatsiya-v-kyrgyzstane (дата обращения: 28.12.2022).

[340] Кудряшова И.В. Политические изменения и трансформация идентичности в странах мусульманского Востока // Политическая идентичность и политика идентичности: в 2 тт. Т.2. Идентичность и социально-политические изменения в XXI веке / отв. ред. И.С. Семененко. – М.: РОССПЭН, 2012. - С.155-184.

[341] Международная безопасность и проблемы терроризма (учебное пособие) / отв.ред. А.Г. Володин, В.Н. Коновалов. – Ростов н/Д; М.: издательство СКНЦ ВШ, 2002. – С.59

[342] Восприятие населением Кыргызской Республики идеологии религиозного экстремизма и его оценка государственной политики в противодействии экстремизму. Аналитическое исследование / Центр исследования религиозной ситуации при ГКДР КР. – URL: http://religion.gov.kg/wp-content/uploads/2016/11/%D0%A1%D0%BE%D1%86_%D0%B8%D1%81%D1%81%D0%BB%D0%B5%D0%B4_%D1%86%D0%B8%D1%80%D1%81.pdf (дата обращения: 27.12.2022).

[343] Тишков В.А. Общество в вооруженном конфликте (этнография чеченской войны). – М.: Наука, 2001. – С.52

ответили, что исламские учения могут иметь только одно толкование и должны пониматься однозначно[344]. Традиционно-обрядовый уровень осознания религии[345] также позволяет манипулировать концептами и догмами в политических целях.

Это подтверждают социологические опросы. По данным социологического исследования «Влияние религиозного фактора на социально-политическую ситуацию в Кыргызской Республике»[346], проведенного Государственной комиссией по делам религий при Президенте КР, 98,4% респондентов считают себя верующими. Несмотря на практически 100% показатель, при более глубинном интервью выяснилось, что лишь 20% читали Коран, что свидетельствует о невысоком уровне религиозного просвещения. 40% ответили, что вообще не соблюдают никаких религиозных практик, но считают себя «мусульманами в душе»[347]. Интересно, что в 2012 г. на вопрос о следовании тому или иному исламскому течению 64% опрошенных ответили «просто мусульманин», без указания шиитской или суннитской принадлежности; только 23% определили себя как сунниты[348].

В Киргизии в силу ее большей открытости наблюдается весьма высокий уровень финансирования религиозных организаций извне – более 400 мечетей были построены при опоре на гранты и дотации из арабских стран[349], действуют совместные исламские вузы, такие как Кыргызско-Кувейтский университет[350], а в Ошском госуниверситете существует исламский факультет, который финансируется из Турции фондом «Дианет Вакфы». Помимо этого, многие молодые люди получают религиозное образование за рубежом, например, в Турции, Египте, Пакистане и других исламских государствах[351].

Правительство пытается институционализировать отношения с религиозными учреждениями и системой религиозного образования в целом. Создание политических партий на религиозной и этнической основе, преследование религиозными объединениями политических

---

[344] Lugo L. Op.cit.

[345] Малашенко А. Исламские ориентиры Северного Кавказа. – М., 2001. – С. 82-83.

[346] Восприятие населением Кыргызской Республики идеологии религиозного экстремизма…

[347] Там же, С.61

[348] Lugo L. Op.cit.

[349] Усенов А. Указ.соч.

[350] Международный кувейтский университет (официальный сайт). – URL: http://iku.kg/ (дата обращения: 27.12.2022)

[351] Рустемова А. Б. Указ.соч.

целей в КР конституционно запрещено, официальные власти также одобрили законопроект о лишении гражданства лиц, принимающих участие в вооруженных конфликтах на стороне ИГ(ИЛ)* и других запрещенных религиозных группировок.

На сегодняшний день в стране запрещены 19 организаций, считающихся экстремистскими и террористическими (при этом транснациональная исламская организация «Таблиги Джамаат»*[352], запрещенная в других странах-членах ОДКБ, продолжает свою деятельность). Несмотря на запреты, некоторые организации не только стабильно функционируют, но и даже расширяют ряды своих последователей. Таким примером может стать «Хизб ут-Тахрир», число сторонников которой увеличилось, по некоторым данным, с 10 тысяч до 536 тысяч[353].

Учитывая это, а также наличие внешних заинтересованных игроков, которые проводят активную работу и выделяют значительные средства не только на строительство мечетей и подготовку религиозных кадров, но и на продвижение собственной повестки дня, правительство Киргизии понимает необходимость повысить качество религиозного образования и связывает решение этой проблемы с укреплением позиций официального Исламского университета Кыргызстана[354]. Первым шагом к повышению уровня духовного образования стало введение дисциплины по истории религий в школах; ее преподавание разрешено только лицам, имеющим высшее теологическое образование или получившим соответствующую педагогическую квалификацию[355]. Одной из целей данной программы является формирование толерантного отношения ко всем религиям и нациям[356].

---

[352] Организация «Таблиги Джамаат» запрещена в РФ, Таджикистане и Казахстане как распространяющая ислам радикального толка, однако ее сторонники заявляют о том, что относятся к умеренному исламу, а правительства дискредитируют их за то, что центры организации находятся в Пакистане и Индии.

[353] Рустемова А. Б. Роль религии в развитии современной Киргизии // Вестник Московского государственного лингвистического университета. — 2013. — № 23 (683). – С .169-175.

[354] Asgarli A. Жапаров призвал улучшить качество религиозного образования в Кыргызстане // Andalu Agency. – 06.09.2021. – URL: https://www.aa.com.tr/ru/мир/жапаров-призвал-улучшить-качество-религиозного-образования-в-кыргызстане/2356877 (дата обращения: 27.12.2022)

[355] В школах Кыргызстана с 2022–2023 учебного года вводится предмет «История развития религий» / Президент Кыргызской Республики (официальный сайт). – URL: https://www.president.kg/ru/sobytiya/22693_v_shkolah_kirgizstana_s_20222023_uchebnogo_goda_vvoditsya_predmet_istoriya_razvitiya_religiy (дата обращения: 27.12.2022)

[356] Учебники по религии мы давали на экспертизу представителям ислама и церкви // Вечерний Бишкек. - 01.07.2022. – URL: https://www.vb.kg/doc/419990_ychebniki_po_religii_my_davali_na_ekspertizy_predstaviteliam_islama_i_cerkvi.html (дата обращения: 27.12.2022)

Еще одним нововведением стало то, что с 2018 г. в Ошской, Джелал-Абадской и Баткенской областях в медресе начали преподавать, помимо религиозных, дисциплины, относящиеся к области среднего профессионального образования. Это, например, курсы поваров, швей и др. Такие же курсы начали действовать в Чуйской области[357]. Подобный подход позволяет снизить риски радикализации молодых мусульман за счет расширения возможностей трудоустройства.

В 2014 г. была принята Концепция государственной политики Киргизской Республики в религиозной сфере на 2021-2026 гг.[358] и утвержден План действий по ее реализации. В Концепции отмечено наличие различных культур и вероисповеданий на территории КР, а также «рост интереса к религии, стремление граждан воспринимать и решать возникающие глобальные и повседневные вопросы общества и личности через призму религиозного мировоззрения», как и наличие внешних факторов, которые влияют на многообразие религиозных организаций[359]. В качестве пунктов, над которыми проводится работа, выделены: предупреждение конфликтов на религиозной почве; пресечение попыток вмешательства религиозных лидеров в деятельность официальных органов власти и использования своего влияния в качестве политического ресурса. Интересным является и замечание о том, что в стране отсутствует действенный механизм по формированию гражданской идентичности - он заменяется или подменяется религиозной идентичностью, что ведет к межконфессиональным конфликтам, ранним бракам и пропаганде многоженства; отсутствуют также квалифицированные кадры духовенства и преподавателей религии. Государственная комиссия по делам религии Кыргызской Республики ведет учет официально зарегистрированных религиозных организаций, собирает отчеты об их деятельности и следит за реализацией Концепции[360].

Помимо этого был создан Центр исследования религиозной ситуации при Государственной комиссии по делам религий. В 2015 г. открылся общественный фонд развития духовной культуры «Ыйман», взявший на себя образовательную работу с религиозными деятелями, для которых проводятся семинары и курсы повышения квалификации. Обучение заканчивается аттестацией,

---

[357] Масалиева Ж. Учеников медресе обучат светским профессиям // 24.kg. - 26.07.2017. – URL: https://24.kg/obschestvo/58542_uchenikov_medrese_obuchat_svetskim_professiyam/ (дата обращения: 27.12.2022)

[358] Концепция государственной политики Кыргызской Республики в религиозной сфере на 2021-2026 гг. от 30.01.2021 / Министерство юстиции Кыргызской Республики. URL: http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/430711 (дата обращения: 27.12.2022)

[359] Там же.

[360] База данных «Религиозные организации» / Государственная комиссия…

проводимой комиссией при Духовном управлении мусульман Киргизии, куда также входят специально назначенные государственные чиновники.

Ранее в законодательстве границы, разделяющие религию и политику, не были четко определены, четкое определение светскости также отсутствовало[361]. В новой Конституции 2021 г.[362] указывается, что религия и все религиозные культы должны быть отделены от государства (ст.9 п.2) и что вмешательство религиозных объединений, священнослужителей и служителей культов в деятельность органов государственной власти запрещено (ст.9 п.3). Определение семейного союза только как брака между мужчиной и женщиной отражает рост влияния традиционных ценностей[363]. В новой редакции Концепции государственной политики Киргизской Республики в религиозной сфере на 2021-2026 гг. от 2021 г.[364] отмечается необходимость укрепления светских и правовых основ государства, а также уточняются границы между государством и религией.

Прогнозы экспертов относительно политической роли ислама в Киргизии разнятся от создания в регионе радикального исламистского государства до образования полиэтнического государства с либеральным исламским режимом[365]. Тем не менее, представляется, что даже при значительном укреплении религиозного сознания исламский политический проект не сможет консолидировать мусульман региона. Это объясняется не только гетерогенностью этнокультурных групп, проживающих на территории Центральной Азии, но и углубляющимися расколами внутри суннитского ислама на умеренные и радикальные секты (ваххабитов и ахмадийцев, например)[366].

Таким образом, несмотря на рост интереса к исламу и стремительное увеличение числа мечетей и молельных домов, а также отдельные попытки продвижения радикального исламского проекта, ислам не оказывает прямого влияния на политизацию этнокультурных размежеваний в КР. Вместе с тем он затрудняет консолидацию внешних культурных границ страны и питает

---

[361] Восприятие населением Кыргызской Республики идеологии…

[362] Конституция Кыргызской Республики в редакции от 2021 г. / Министерство юстиции Кыргызской Республики. – URL: http://www.stat.kg/media/files/1bfbed49-805c-4460-8988-dad9b7341f70.pdf (дата обращения: 28.12.2022)

[363] Блохина А.О. «Ферганский фактор»… С. 175.

[364] Концепция государственной политики Кыргызской Республики в религиозной сфере…

[365] Мурадян И. Фактор Ферганской долины // Lragir. - 06.11.2009. – URL: http://www.lragir.am/index.php/rus/0/comments/view/11353 (дата обращения 28.12.2022)

[366] Сангинов Б. Ферганский фактор и безопасность центральной Евразии // Geополитика.ru. - 26.08.2013. – URL: https://www.geopolitica.ru/article/ferganskiy-faktor-i-bezopasnost-centralnoy-evrazii (дата обращения 28.12.2022)

противостояние двух внутренних центров – Бишкека и Оша, поддерживая статус последнего как исторического культурного центра. Одновременно это ведет к укреплению этноконфессиональной идентичности более религиозного узбекского меньшинства, основная часть которого проживает в южных областях.

2.3. Политический процесс в КР в этнокультурном измерении

В настоящий период киргизский народ по-прежнему идентифицирует себя как этнос, традиционно состоящий из племен и родов[367]; клановые идентичности и клановая политика пережили советскую эпоху[368], а траектория политической борьбы определяется не столько циркуляцией элит или идей, сколько принадлежностью к определенным этнокультурным группам.

В КР по-прежнему действует свод правил «киргизскости» - «кыргызчылык», представляющий собой кодекс поведенческой субкультуры, систему ценностей, синтезированную из исторических элементов и мифологизированных конструкций, опирающихся на кочевничество, ислам, политико-культурные и историко-хронологические особенности развития Киргизии. Он нередко совмещает в себе противоположные по сути вещи, такие как патриархат и отсутствие паранджи у женщин, гостеприимство и кровную месть, открытость миру и родоплеменную солидарность; часто значение того или иного правила изменяется в зависимости от контекста[369]. В.В. Бочаров определяет подобный тип традиционализма как «организующие общество структуры с неразвитым рынком, с предписанной социальностью по возрастному (сословному) и гендерному принципу, авторитарно-сакрализованной властью и неписанными законами»[370].

Обусловленные кыргызчылыком стереотипы поведения часто превалируют над лояльностью государству, его институтам и официальным практикам. Бывший министр

---

[367] Торогельдиева Б.М. Факторы формирования и характер политической культуры в современном Кыргызстане // Центральная Азия и Кавказ. – 2009. – №1 (61). – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/faktory-formirovaniya-i-harakter-politicheskoy-kultury-v-sovremennom-kyrgyzstane (дата обращения: 26.12.2022).

[368] Там же.

[369] Суранова А. Кыргызчылык. Часть I – паразитизм // Радио Азаттык. - 13.02.2013. – URL: https://rus.azattyk.org/a/kyrgyzstan_blogs_suranova/24900934.html (дата обращения: 27.12.2022)

[370] Бочаров В. В. «Традиционализм» Востока: этнография, социально-культурная антропология, востоковедение // Доклады международного конгресса по источниковедению и историографии стран Азии и Африки. – СПб, 2022. – 334.

иностранных дел Киргизии Муратбек Иманалиев определял кыргызчылык в политическом пространстве как «неформальный институт, который требует, чтобы в правительстве были представлены представители если не всех родов и племен, то, всяком случае, регионов. Отсутствие "своих" в правительстве вызывает возмущение»[371]. То, как написана неофициальная биографическая справка самого министра («Родился в г. Фрунзе. Кыргыз племени бугу ("олень") Правого крыла Кыргызской орды»[372]), подтверждает актуальность примордиальной идентичности.

Устойчивость клановых связей объясняется тем, что при слабых официальных институтах и при отсутствии стабильных ожиданий неформальные связи и договоренности на клановой основе представляются единственным доступным средством политической и социально-экономической коммуникации[373]. С другой стороны, политизация примордиальных идентичностей, которую закрепляет в том числе отток некиргизского населения из страны, затрудняет достижение компромиссов[374]. Сегодня клановые связи сильнее всего выражены именно во властных структурах, о чем свидетельствует появление термина «политический клан» («неоклан»), сопряженного с термином «региональная элита»[375].

В целом новейшую историю Киргизии можно подразделить на периоды правления тех или иных кланов. Например, клан бугу был у власти в первые годы советского периода, после сталинских чисток 1930 г. ведущую роль перехватил другой северный клан – сары багыш, из которого впоследствии вышла команда А. Акаева и он сам. Клановая поддержка также является решающей на выборах[376].

Иногда такая поддержка выливается в насильственные действия. Например, в 2002 г. Азимбек Бекназаров, уроженец Джелал-Абадская области, в то время являвшийся председателем парламентского Комитета по судебно-правовым вопросам и законности, был арестован после критических замечаний в сторону власти. Его арест вызвал волну протестов в Джелал-Абадской

---

[371] Иманалиев М.С. «Кыргызчылык». Неформальные институты и «правила политической игры» в Кыргызстане // ЦентрАзия. – URL: https://centrasia.org/newsA.php?st=1199880720 (дата обращения: 27.12.2022)

[372] Иманалиев Муратбек Сансызбаевич – биографическая справка // ЦентрАзия. – URL: https://centrasia.org/person2.php?st=1013869298 (дата обращения: 27.12.2022)

[373] Jonson L. Tajikistan in the new Central Asia: Geopolitics, Great Power Rivalry and Radical Islam. – London: I.B. Tauris, 2010. – P.131.

[374] Roy O. Kolkhoz and civil society in the independent states of Central Asia. // Civil Society in Central Asia / Ed. M.H. Ruffin, D. Waugh. - Seattle: University of Washington Press/Center for Civil Society International, 1999. – P. 110.

[375] Болпонова А. Указ. соч.

[376] Годы, которые изменили Центральную Азию… С. 103

области, произошли столкновения демонстрантов с полицией. Политическим результатом стала отставка правительства по решению президента Акаева.

Ниже будет проверена гипотеза о том, что в случае недопредставленности определенных этнокультурных групп в органах власти, ситуация, когда эти группы будут искать либо возможность «выхода», либо выражения «голоса»[377], фактически неизбежна (как это и произошло в 2005, 2010 и 2020 гг.), а политическое регулирование противоречий значительно осложняется наложением клановых и региональных расколов («север» - «юг»). Эти особенности важно учитывать в контексте управления этнополитическими рисками, так как любая дестабилизации ситуации и смена представителей кланов во власти моментально отражается на ситуации в регионах. В рамках проверки гипотезы будет проведен анализ киргизских революций, рассмотрены составы правительств, а также дана оценка попыток политической элиты снизить этнокультурные риски с помощью институциональных реформ.

2.3.1. Тюльпановая революция 2005 г.

Формальным поводом для смещения правительства стало недовольство оппозиции результатами парламентских выборов по нескольким одномандатным округам. Предпосылки кризиса стали проявляться уже в 2003-2004 гг. из-за постоянного противостояния А. Акаева и Жогорку Кенеша, где у него не было поддержки большинства. К 2005 г. президентская власть осталась единственной реальной силой: в стране установилась гипертрофированная президентская система[378], возможности для деятельности оппозиционных сил были значительно сужены в результате внесения многочисленных поправок и дополнений в Основной закон КР. На тот период существовало множество примеров устранения кандидатов как в парламент, так и на президентский пост в ходе предвыборной кампании с помощью судебных рычагов (например, снятие кандидата от оппозиции с регистрации за «подкуп избирателей»). Международные организации не раз осуждали подавление оппозиции, особенно когда по стране прокатывались

---

[377] Хиршман А.О. Выход, голос и верность: Реакция на упадок фирм, организаций и государств. – М.: Новое издательство, 2009. – 156 с.

[378] Блохина А.О. Институциональные изменения и политическая стабильность в Киргизской Республике // Вестник МГИМО Университета. – 2017. – № 6 (57). - С. 102–115.

волны протестов против сфальсифицированных результатов выборов[379]. В итоге оппозиционные силы объединились в движение «За свободные и справедливые выборы». В январе 2005 г. в Бишкеке прошел первый митинг протеста по поводу решения властей не устраивать выборы для киргизских граждан за границей. Запрет митингов усилил протестные настроения.

После объявления результатов второго тура выборов по всей стране начались беспорядки. На юге страны (в Ошской и Джелал-Абадской областях) стали возникать «народные советы» - курултаи, призывавшие к протесту. Важно отметить, что никакие радикальные исламские партии («Хизб ут-Тахрир» и др.) не принимали участия в протестах. Южанин Курманбек Бакиев, занимающий при Акаеве пост премьер-министра, был назначен исполняющим обязанности президента и премьера. После отставки Акаева он в июле 2005 г. был избран президентом Киргизии, набрав около 90% голосов.

В своей книге А. Князев[380] выделяет как эндогенные (низкая заработная плата, нерешенность важнейших социальных вопросов, коррупция), так и экзогенные (деятельность контролируемых западными странами НПО (около пяти тысяч) на территории Кыргызстана) факторы событий.

2.3.2. Пасхальная революция 2010 г.

Постоянное внесение К. Бакиевым поправок в Конституцию для расширения президентских полномочий и невыполнение обещаний, данных во время Тюльпановой революции, отрицательно сказались на стабильности в стране.

Противоречивая политика правящей элиты и последовавшее разочарование населения привели к очередному витку нестабильности после парламентских выборов 2007 г., однако уже в 2009 г. Бакиев легко получил на выборах 76% голосов, вновь заняв кресло президента. Назначение его ближайших родственников – сына Максима и брата Жаныша соответственно главой нового

---

[379] ОБСЕ критикует власти Киргизии за подавление оппозиции // Радио Свобода. - 26.12.2007. – URL: https://www.svoboda.org/a/427715.html (дата обращения: 27.12.2022)

[380] Князев А.А. Государственный переворот 24 марта 2005 г. в Киргизии. – Бишкек: Общественный Фонд Александра Князева, 2007. — 272 с.

Центрального агентства по развитию, инвестициям и инновациям и заместителем директора Национальной службы безопасности превратило Киргизию «в семейно управляемый бизнес»[381].

Наступивший вскоре мировой финансовый кризис вызвал почти двукратное повышение цен на коммунальные услуги. Из-за постоянно растущих цен на газ, задолженностей перед соседями и значительного дефицита собственных ресурсов киргизское правительство пыталось найти альтернативные способы для обеспечения промышленных и бытовых потребностей, из-за чего потребление природного газа резко снизилось, а запрос на другие энергоносители резко вырос. В результате нехватки электроресурсов, а также крайне холодных зим, которые следовали одна за другой с 2007 г. правительство Киргизии приняло решение о «веерных» отключениях подачи электроэнергии, что вызвало рост протестных настроений перед переворотом 2010 г.

Ряд арестов оппозиционных лидеров, в том числе бывшего министра обороны Исмаила Исакова, послужили поводом для массового выхода людей к Белому дому (Дому правительства) в Бишкеке, где собралась толпа в несколько тысяч человек. Бакиев отправился в свой родной город Джелал-Абад, ища поддержки на юге.

В то же время бывший член парламента и основатель киргизского Университета дружбы народов узбек Кадыржан Батыров призвал свой электорат, то есть узбекское меньшинство, к политической активности. Вне зависимости от того, какие цели он преследовал, его выступление также способствовало привнесению этнического компонента в противостояние сторон[382]. Многими киргизскими лидерами это обращение было истолковано как призыв узбеков к автономии, т. е. произошло очередное позиционирование узбекской общины в качестве «другого».

Беспорядки и вакуум власти спровоцировали новое обострение этнополитических противоречий, закончившееся кровавым конфликтом между узбеками и киргизами, прежде всего сторонниками Бакиева, в Джалал-Абадской области, и последующим государственным переворотом. В результате было создано Временное правительство «народного доверия» во главе с Розой Отунбаевой и принята очередная конституция.

Международная комиссия по расследованию, возглавляемая экспертом Европейского парламента и специальным представителем ПА ОБСЕ по Центральной Азии Киммо Кильюненом,

---

[381] Final Report on Kyrgyz Developments 2010 / International Investigation Commission of the OSCE PA. - 03.05.2011. – URL: https://reliefweb.int/report/kyrgyzstan/report-independent-international-commission-inquiry-events-southern-kyrgyzstan (accessed: 27.12.2022)

[382] Ibid.

после годичного расследования событий на юге Киргизии в июне 2010 г. выпустила доклад, в котором фактически возложила ответственность за межэтнические столкновения на управляющее страной Временное правительство во главе с Розой Отунбаевой. Комиссия установила, что после революции оно контролировало только северные регионы, в то время как юг страны оставался под сильным влиянием сторонников Курманбека Бакиева, которые и захватили власть в Ошской и Джелал-Абадской областях. В результате временное правительство в ходе противостояния со сторонниками бывшего президента решило сделать ставку на узбекскую часть населения[383], спровоцировав межэтнический конфликт. Вооруженные силы, которые должны были удержать стороны от прямого столкновения, не вмешались в конфликт, что привело к большим жертвам. Помимо Розы Отунбаевой, критика коснулась и Исмаила Исакова (занимавшего пост министра обороны во Временном правительстве), мэра Оша и других представителей власти. Исаков заявил, что расследование проводилось «однобоко и в интересах определенной группы – клана экс-президента Бакиева»[384].

Временное правительство при поддержке международных организаций, в частности ОБСЕ, провело ряд последовательных и комплексных реформ для стабилизации политических институтов (рассмотрены ниже).

2.3.3. Октябрьский переворот 2020 г.

Несмотря на проведенные политические реформы, в октябре 2020 г. в стране снова случилась революция. Если в 2005 г. А. Князев говорил не только об эндогенных социально-экономических причинах переворота, но и об экзогенных, то Ф. Лукьянов, обсуждая переворот 2020 г. в телеграмм-канале журнала «Россия в глобальной политике»[385], сделал акцент на том, что это событие стало продуктом стремительной внутренней динамики, в то время как внешние игроки могли лишь запоздало реагировать на события.

---

[383] OSCE PA Briefing Report for the Election Observation Mission. - June 2010 (for restricted audience).

[384] Исмаил Исаков: Итоги расследования ИИС выгодны тем, кто хочет, чтобы в Кыргызстане началась гражданская война // 24.kg. - 26.04.11. – URL: http://www.24kg.org/community/98817-ismail-isakov-itogi-rassledovaniya-iic-vygodny.html (дата обращения 27.12.2022)

[385] «Россия в глобальной политике» (официальный Telegram-канал). – URL: https://t.me/ru_global (дата обращения: 27.12.2022)

События развивались по следующей схеме: в октябре 2020 г. состоялись парламентские выборы, по результатам которых большинство голосов в Жогорку Кенеше получили пропрезидентские партии (президентом в этот период был Сооронбай Жээнбеков). Это привело к широкомасштабным протестам, вынудивших ЦИК аннулировать результаты голосования. Парламент старого созыва продлил свои полномочия, а экс-депутат Садыр Жапаров выступил с самовыдвижением на пост премьер-министра. Жээнбеков подал в отставку, не дожидаясь истечения срока своих полномочий в 2023 г., что позволило премьеру Жапарову стать и.о. президента и сформировать временное правительство. Руководители всех регионов страны были сняты со своих должностей, как и ключевые сотрудники государственной безопасности и другие высокопоставленные чиновники, многим были предъявлены обвинения в коррупции.

Непосредственные причины переворота были следующими.

В ходе опроса Международного республиканского института (IRI 2007[386]) основными проблемами, стоящими перед страной накануне переворота, были названы безработица[387], коронавирус и коррупция (61, 51 и 49% соответственно). Экономический кризис, спровоцированный пандемией COVID-19, и реакция правительства на него усугубили ситуацию. Киргизия вошла в список 50 стран, пострадавших от коронавируса наиболее сильно[388]. Исходя из отчета Национального статистического комитета КР[389], пандемия значительно повлияла на многие семьи. 54% респондентов заявили о снижении доходов и последовательном снижении расходов на продукты питания, задержках в оплате коммунальных услуг и об обращении за финансовой помощью. Доля домашних хозяйств, в которых хотя бы один из членов домохозяйства потерял работу в стране или был вынужден вернуться из-за границы в связи с потерей работы, составила почти четверть. Около 14% опрошенных домохозяйств заявили о том, что хотя бы один из их членов не смог вернуться в страну или выехать из нее из-за ограничений в передвижении. Внешняя

---

[386] Public Opinion Poll: Residents of Kyrgyzstan August 6 – August 15, 2020 // Center for insights in survey research: a project of the International Republican Institute. - 2020. – URL: https://www.iri.org/sites/default/files/kyrgyzstan_august_2020_slides_public_release.pdf (accessed: 27.12.2022)

[387] Уровень безработицы 2016–2020 гг…

[388] COVID-19 в странах Центральной Азии…

[389] Влияние пандемии COVID-19 на домашние хозяйства / Национальный статистический комитет Кыргызской Республики. – URL: http://stat.kg/ru/publications/vliyanie-pandemii-covid-19-na-domashnie-hozyajstva/ (дата обращения: 27.12.2022)

торговля упала на 22%, экспорт в Китай – на 33%, туристический рынок оказался практически уничтожен, сократившись на 90%[390].

Замедленная реакция правительства в условиях экономического кризиса и растущих общественных ожиданий, объяснявшаяся отсутствием налаженных вертикальных и горизонтальных связей и единой коммуникационной системы с обществом[391], подверглась серьезной критике. Недоверие к правительству в целом (в 2020 г. индекс доверия правительству колебался в районе 30%[392]), подогреваемое коррупционными скандалами и расследованиями, связанными с действиями представителями власти[393], наложилось на спорные результаты выборов в Жогорку Кенеш 4 октября 2020 г. (которые ЦИК Киргизии признала почти сразу недействительными на фоне растущих протестов), куда были допущены 16 партий из 220 зарегистрированных.

В результате досрочных выборов к власти пришел Жапаров, который получил поддержку и севера, и юга: с одной стороны, он был уроженцем Иссык-Кульской области, с другой –принимал участие в ошских столкновениях 2010 г. и имел тесные связи с Камчыбеком Ташиевым, выходцем из Джелал-Абадской области (сейчас возглавляет Госкомитет национальной безопасности).

Международные организации негативно оценили то, что Жапаров использовал административный ресурс для проведения своей кампании – другие кандидаты были менее заметны и не имели такой широкой поддержки. Основным полем политической борьбы стал Бишкек, многие даже не проводили кампаний за его пределами[394]. Публичных дебатов или открытых дискуссий по конкретным политическим программам и предложениям не наблюдалось. Среди всех зарегистрированных кандидатов (18 человек, среди них одна женщина) не было представителей этнических меньшинств, в программах кандидатов отсутствовали вопросы, связанные с межэтническими отношениями. Все публикации в СМИ и агитационные материалы выпускались только на государственном и официальном языках (киргизский и русский

---

[390] COVID-19 в странах Центральной Азии…

[391] Collier P. Op.cit.

[392] Индекс доверия населения / Национальный статистический комитет Кыргызской Республики. – URL: http://www.stat.kg/ru/indeks-doveriya-naseleniya/ (дата обращения: 27.12.2022)

[393] Doolotkeldieva A. The 2020 Violent Change in Government in Kyrgyzstan Amid the Covid-19 Pandemic: Three Distinct Stories in One // In Between Peace and Conflict in the East and the West. - 2021. – URL: https://doi.org/10.1007/978-3-030-77489-9_8 (accessed: 25.12.2022)

[394] Ibid.

соответственно). Однако положительным моментом стало то, что не наблюдалось негативных высказываний в адрес этнических меньшинств или замечаний, которые могли бы вызвать открытый этнополитический конфликт.

2.3.4. Количественный анализ составов правительств КР в 1991-2022 гг.

Несмотря на то, что в программах партий и кандидатов в президенты не упоминаются межклановые противостояния и региональные расколы, присутствие этнокультурного фактора в политике можно установить путем выявления региональной аффилиации президентов и действовавших в период того или иного президентства правительств. Это также позволит определить корреляцию региональной аффилиации с политической стабильностью в стране. Временной промежуток охватывает период с обретения Киргизией независимости и до настоящего момента (август 2023 г.).

Каждому региону был присвоен цифровой код[395]. для удобства представления данных в печатном формате и последующего анализа; группа «север» при этом представлена цифровыми кодами с 1 по 5, группа «юг» - с 6 по 9:

Место рождения не известно - 0
Бишкек – 1
Чуйская область – 2
Таласская область – 3
Иссык-Кульская область – 4
Нарынская область – 5
Ошская область – 6
Город Ош - 7
Джелал-Абадская область – 8
Баткенская область – 9
Другое - 0

Из таблицы (см. Приложение 6 и 7) видно, что в определенные периоды в органах исполнительной власти чаще всего какая-то одна область была представлена шире, чем другие. В

[395] См. Приложение 6. Таблица региональной репрезентативности в Правительствах Киргизской Республики (1991–2022 гг.)

правительстве А. Акаева (Чуйская область)[396] доминируют в основном представители севера, более того, 27% министров – уроженцы именно Чуйской области и Бишкека. После Тюльпановой революции президент К. Бакиев (Джелал-Абадская область) провел ряд назначений, в результате которых в правительстве стало расширяться присутствие южных регионов: 30% из Ошской области и г. Оша и 10% из Джелал-Абадской области. Те же два региона, что примечательно, весьма убедительно представлены и во Временном переходном правительстве (апрель-июль 2020 г.), и в техническом правительстве (июль-декабрь 2010 г.) во главе с Р. Отунбаевой (г. Ош) – 25% в совокупности из Ошской области и г. Оша, а из Джелал-Абадской области – 35% (31% в техническом правительстве); присутствие Чуйской области сократилась с 20% до 9% (как отмечалось выше, в Чуйской области и в Бишкеке проживает основная доля славянского населения).

Такие же тенденции просматриваются при президенте А. Атамбаеве (2011-2017, уроженец Чуйской области): представленность южных регионов в правительстве (26%) значительно уступает северным, при этом доля представителей Чуйской области и Бишкека составила 40%. Важно, однако, что в его правительстве впервые появился этнический узбек: директором Государственного агентства охраны окружающей среды и лесного хозяйства при Правительстве КР был назначен Сабир Атаджанов (Ошская область), что могло бы создать позитивный прецедент. В следующем составе правительства при президенстве С. Жээнбекова (2017-2020, уроженца Ошской области) впервые после отставки Н. Танаева (первый вице-премьер (2000-2002), премьер-министр (2002-2005) при президенстве А. Акаева (1991-2005) появился министр русского происхождения – Артем Новиков (Бишкек), который подвергся, однако, серьезной критике из-за незнания киргизского языка и вынужден был срочно его осваивать.

Назначение представителей различных этнических групп на государственные посты представляется целесообразным не только в интересах борьбы с непотизмом, который прочно укоренился в политической культуре и практике Киргизии, но и для повышения стабильности политической системы с помощью обеспечения механизмов сбалансированного представительства для этнических меньшинств и регионов.

Тем не менее, такой подход к формированию правительства не закрепился – в 2020 г. произошел очередной переворот, в результате которого пост премьера и впоследствии президента

---

[396] См. Приложение 7. Диаграмма состава правительств Киргизии (1991 –2022 гг.)

занял С. Жапаров, при котором представленность южных регионов в правительстве стало самым низким за всю историю КР – 19%. При этом Иссык-Кульская область, откуда родом сам президент Жапаров, представлена крайне широко – 33%. Периодически можно услышать выступления депутатов, обеспокоенных «региональным балансом» и недопредставленностью во власти собственных областей (например, обеспокоенность отсутствием министров родом из Таласской области[397]).

Несмотря на попытки обеспечить представительство интересов различных региональных сил и даже этнических групп институциональным путем, существующую до сих пор проблему можно сформулировать следующим образом: клановый раскол «север – юг» сохраняется и проявляется в политической жизни, являясь серьезным дестабилизирующим фактором. Учитывая постоянное политическое соперничество не только между «севером» и «югом», но и внутри региональных «крыльев», даже при кажущемся балансе сил или кратковременной договоренности любое из племен какого-либо клана может оспорить существующий порядок, что приведет к очередным волнениям, протестам или перевороту. Этнический компонент проявляется в том, что 98–100% постов в высших органах исполнительной власти занимают киргизы, что значительно превышает их долю в составе населения - 74%, а узбеки не имеют фактического доступа к власти, даже на юге страны, где их численность достаточно высока.

Вопрос касательно того, осознает ли правящая элита существующие проблемы и опасность кланового формата политики, остается без однозначного ответа, так как чаще всего любые шаги по изменению институционального дизайна связаны не с управлением этнополитическими рисками, а с ее партикулярными интересами. Ниже будет представлен анализ предыдущих попыток политических реформ в КР с точки зрения их влияния на этнополитическую конфликтность.

2.4. Политические реформы и динамика этнополитической ситуации

Попытки так называемого «либерального реформирования» в период правления А. Акаева создали Киргизии репутацию «острова демократии» и «Швейцарии Центральной Азии». Однако

---

[397] Абдуваитова А. "А как же наши джигиты?" Депутат возмущен, что премьер не назначает людей из Таласа // KaktusMedia. - 24.01.2019. – URL: https://kaktus.media/doc/385738_a_kak_je_nashi_djigity_depytat_vozmyshen_chto_premer_ne_naznachaet_ludey_iz_talasa.html (дата обращения: 27.12.2022)

масштабы и качество реформ не стоит переоценивать, так как по большей части они носили фасадный характер. Не обладая богатой ресурсной базой, политическая элита пыталась привлечь иностранные инвестиции, открывая возможности для формирования гражданских институтов, включая партии, и проводя либерализацию экономики[398]. В то же время неотрадиционалистская социальная структура продолжала оставаться каркасом политической и социально-экономической систем.

Постоянные реформы и редактирование текста Основного закона, отмены предыдущих реформ или возвращение отмененных ранее законов – стандартная практика для Киргизии. Так, Конституция КР после принятия в 1993 году подвергалась существенным изменениям в 1994, 1996, 1998, 2001, 2003, 2007, 2010, 2016 и 2021 годах. Подобную конституционную нестабильность можно считать индикатором нестабильности общей, социально-политической[399].

2.4.1. Конституция и избирательная система до 2010 г.

При правлении А. Акаева (1990–2005 гг.) первая Конституция КР пересматривалась пять раз в направлении расширения полномочий президента. Например, поправки в Конституцию 1996 г. позволяли президенту определять структуру правительства, назначать премьер-министра с согласия Собрания народных представителей (упраздненной в 2005 г. второй палаты парламента, избираемой на основе представительства территориальных интересов) и членов правительства - по консультации с премьер-министром, принимать решение об отставке премьер-министра или правительства, назначать главы местных государственных администраций. Правительство становилось подконтрольным президенту, хотя парламент мог вынести вотум недоверия премьер-министру. Он также мог поднять вопрос об отрешении президента от должности, но сам президент получил право на роспуск одной или обеих палат парламента по достаточно широко сформулированным основаниям. Чтобы усилить контроль над парламентом, правящая элита учреждала «партии власти» («Алга, Кыргызстан!» при Акаеве, «Ак Жол» при Бакиеве)[400]. В 2001 г. изменения коснулись статуса языков: киргизский был объявлен государственным, русский –

---

[398] Kyrgyzstan. Bertelsmann Transformation Index 2003. P. 1-13. – URL: http://www.bertelsmann-transformation-index.de/fileadmin/pdf/BERT_Brosch_re_ENG.pdf (accessed: 27.12.2022)

[399] Блохина А.О. Институциональные изменения и политическая стабильность в Киргизской Республике // Вестник МГИМО-Университета. – 2017. – № 6 (57). – С. 102–115.

[400] Там же.

официальным, а этнические меньшинства получили гарантию сохранения родного языка внутри общины. В 2003 г. президент получил право избираться более двух сроков подряд, а также определять структуру правительства, назначать премьер-министра, судей и главу Национального банка[401]. Невозможность сместить президента, недостаточная представленность этнокультурных групп при голосовании, слабые партии и постоянные изменения правовых норм стали одними из главных причин протестов оппозиции, переросших в Тюльпановую революцию 2005 г.

Последние выборы советского периода в парламент Киргизской ССР (тогда Верховный Совет) прошли в 1990 г. Этот двенадцатый созыв Верховного Совета известен как «легендарный парламент», поскольку он принимал первую Конституцию независимой КР в 1993 г. Он просуществовал до 1994 г[402]. С 1995 г. первый независимый Жогорку Кенеш (переименован в результате принятия этой конституции) состоял из двух палат – Законодательного собрания (35 депутатов) и Собрания народных представителей (70 депутатов). Депутаты избирались по мажоритарной системе в одномандатных округах. В 1998 г. численность парламентариев увеличилась: в Законодательном собрании депутатов стало 60, 15 из которых избирались по партийным спискам (пропорциональная система), а в Собрании народных представителей – 45, избираемых от одномандатных округов (то есть был осуществлен переход к смешанной системе). Парламент второго созыва просуществовал с 2000 г. по 2005 г.

При президенте К. Бакиеве (2005–2010 гг.) в условиях кампании гражданского неповиновения и жесткой критики власти парламентской оппозицией в 2006 г. изменения в Основной закон вносились дважды. Ноябрьская редакция закрепила «преимущественно парламентскую форму правления», а декабрьская – «преимущественно президентскую»[403]. В 2007 г. Конституционный суд принял решение об отмене двух последних редакций на основании нарушения процедуры принятия изменений и дополнений в Конституцию[404]. Вслед за этим по инициативе президента был проведен референдум по новым поправкам в Конституцию, которые поддержали 76,5% избирателей. В результате принятых поправок президент получил право

---

[401] Там же.

[402] История Кыргызского парламента / Жогорку Кенеш Кыргызской Республики. - 15.06.2016. – URL: http://kenesh.kg/ru/article/show/38/istoriya-kirgizskogo-parlamenta (дата обращения: 25.12.2022)

[403] Медушевский А. Киргизия в поисках модели конституционного устройства (о двух новых редакциях Конституции) // Сравнительное конституционное обозрение. - 2007. - №2 (59). - С. 19.

[404] Обе редакции 2006 г. были приняты парламентом (см. Решение Конституционного суда Кыргызской Республики от 14 сентября 2007 г. // Фергана. Информационное агентство. 16.09.2007. URL: http://www.fergananews.com/news.php?id=7089 (дата обращения: 27.12.2022)

избираться на пять лет, но не более двух раз подряд и назначать премьер-министра по предложению партии, получившей более половины мандатов депутатов (или другой партии в случае отсутствия таковой); одновременно процедура импичмента президента была усложнена. Эти изменения вернули Киргизию к так называемой суперпрезидентской системе: для таких систем характерны гипертрофированные президентские полномочия и несбалансированные отношения между ветвями власти [405].

С 2005 г. после вышеуказанных конституционных поправок парламент стал однопалатным, выборы проходили по одномандатным округам (мажоритарная система), количество депутатов составляло 75 человек; парламент получил возможность формировать правительство. На референдуме, инициированным К. Бакиевым, наряду с конституционной реформой был принят новый Кодекс о выборах, переводящий страну на пропорциональную избирательную систему при республиканском избирательном барьере в 5% и региональном - 0,5% (для областей и городов Бишкек и Ош), что отсекало более мелкие партии от возможности участвовать в выборах; количество депутатских мест повысилось до 90. Сразу после референдума парламент, который по закону должен был утверждать его итоги, был распущен, а выборы в новый парламент в 2007 г. прошли уже по новой, пропорциональной системе. На выборах были зафиксированы серьезные нарушения. Пропрезидентская партия «Ак Жол» получила полный контроль над законодательной властью, заняв 71 из 90 мест, возможности для оппозиции быть представленной во власти снова сократились. К выборам были допущены 12 партий, но 8 из них не смогли преодолеть республиканский барьер, а партия «Ата Мекен», представлявшая объединенную оппозицию, – региональный[406]. Оппозиционные партии оказались и вовсе не представлены. Результаты и парламентских выборов 2007 г., и президентских выборов 2009 г., которые вновь выиграл Бакиев, считаются сфальсифицированными и местными экспертами, и международным сообществом (позднее это подтвердили проверки Генеральной прокуратуры КР). Парламент был распущен в 2010 г. в результате очередного переворота.

---

[405] Ishiyama J. T., Kennedy R. Superpresidentialism and Political Party Development in Russia, Ukraine, Armenia and Kyrgyzstan // Europe-Asia Studies. - 2001. - № 53 (8). – URL: http://www.jstor.org/stable/826266 (accessed: 27.12.2022)

[406] OSCE ODIHR Final Report on the 2007 Parliamentary Elections in Kyrgyzstan. – URL: http://www.osce.org/documents/odihr/2008/04/30844_en.pdf (accessed: 27.12.2022)

2.4.2. Конституция и избирательная система с 2010 до 2016 г.

После отставки К. Бакиева и создания Временного правительства «народного доверия» во главе с Розой Отунбаевой восстановление и поддержание политической стабильности, а также установление легитимных механизмов передачи власти стали для Киргизии главной задачей. Этим было официально обосновано и вылилось в очередное предложение о внесении поправок в Конституцию 2010 г.

В соответствии с поправками система власти была реорганизована следующим образом: республика отказывалась от президентской системы правления в пользу премьер-президентской; Конституционный суд расформировывался, а его функции передавались Верховному суду; президент больше не обладал иммунитетом, а премьер-министр назначался парламентом, который состоял из 120 членов и избирался по пропорциональной системе (в соответствии с партийными списками) на 5 лет. При этом ни одна партия не могла получить в нем больше 65 мандатов (ст. 70 Конституции, редакция 2010 года).

Важными изменениями также стали принятые парламентом поправки в Кодекс о выборах: «О выборах в органы местного самоуправления» и «Об избирательных комиссиях по проведению выборов и референдумов». Нововведениями стали система составления списков избирателей, прошедших биометрическую регистрацию, на основе Единого государственного реестра населения, а также возможность голосовать на любом избирательном участке вне зависимости от места прописки. Была предусмотрена система предварительного ознакомления со списками и новая форма выпуска бюллетеней. Для управления этнополитическими рисками важна поправка о квотном представительстве этнических меньшинств: в партийном списке не менее 15% мест должно быть отведено этническим меньшинствам. Также список должен включать 15% кандидатов моложе 35 лет и не менее двух кандидатов с ограниченными возможностями; 30% должны составлять женщины[407].

[407] Конституционный закон Кыргызской Республики «О выборах Президента КР и депутатов Жогорку Кенеша КР» от 2011 г. / Центральная Комиссия по выборам и проведению референдумов КР (Shailoo). – URL: https://shailoo.gov.kg/ru/konstitucionnye-zakony-kr/konstitucionnye-zakony-kr/O_vyborah_Pr-1913/ (дата обращения: 27.12.2022)

Для прохода в парламент был установлен не только республиканский порог (7%), но и региональный (0,7%), запрещено создание политических партий на религиозной и этнической основе, а таже преследование религиозными объединениями политических целей[408].

Парламентские выборы в октябре 2015 г. также прошли по пропорциональной системе с голосованием по закрытым партийным спискам в едином избирательном округе с двойным порогом. ЦИК Киргизии зарегистрировал списки кандидатов от 14 партий, состав которых соответствовал требованиям о гендерной (не менее 30% женщин) и этнической (не менее 15% представителей этнических меньшинств) квотах.

Помимо электоральных нововведений, были сделаны попытки ослабить межклановую борьбу и сгладить межэтнические конфликты. Парламент одобрил документ по управлению этническим разнообразием КР, в аппарате президента был создан отдел этнической, религиозной политики и взаимодействия с гражданским обществом. Также был принят проект документа об укреплении национального единства – «Концепция укрепления единства народа и межэтнических отношений в Кыргызской Республике» (2013)[409]. Совету Ассамблеи народа Кыргызстана, в которую входят различные общественные объединения, был придан статус консультативно-совещательного органа по взаимодействию государственных органов и этнокультурных центров в вопросах укрепления народного единства. В 2013-2014 гг. были изданы президентские указы по развитию государственного языка (русский язык сохранил статус официального языка, узбекский язык такого статуса вновь не получил). ОБСЕ также содействовала разработке документа по созданию отдела этнической и религиозной политики и взаимодействия с гражданским обществом с целью повышения контроля над этнополитическими рисками, под которыми понимались регионализм, клановые форматы политики и напряженность в отношениях между титульным населением и узбекским меньшинством. Этот отдел, как предполагалось, должен был решить «множество межэтнических проблем, которые оставались нерешенными в Кыргызстане в течение долгих лет»[410] (в настоящее время эти вопросы возложены на Администрацию Президента,

---

[408] Статья 4, пункт 3 Конституции Республики Кыргызской Республики от 2010 г. URL: http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/202914?cl=ru-ru (дата обращения: 27.12.2022)

[409] Указ Президента КР «О концепции укрепления единства народа и межэтнических отношений в КР» от 10 апреля 2013 г. / Министерство юстиции Кыргызской Республики. – URL: http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/61588?cl=ru-ru (дата обращения: 27.12.2022)

[410] ОБСЕ оказывает содействие разработке национальной стратегии по межэтническим отношениям Кыргызстана // Пресс-релизы центра ОБСЕ в Бишкеке. - 28.03.2011. – URL: http://www.osce.org/ru/bishkek/76225 (дата обращения: 27.12.2022)

Кабинет министров и Народный Курултай). Отмечалось также «наличие политической воли <…> для решения первопричин межэтнических конфликтов» у новой власти[411].

Одной из рекомендаций международной комиссии Парламентской ассамблеи ОБСЕ было вернуть название «Республика Кыргызстан», так как оно «лучше соответствует гражданской основе национального строительства, чем «Кыргызская Республика»; предоставить узбекскому языку на юге Киргизии специальный статус; обеспечить проведение независимого расследования преступлений в ходе межэтнических столкновений в 2010 г. на юге страны; соблюдать права человека[412].

Казалось, что такие комплексные реформы будут способствовать большей институциональной и политической стабильности и смягчат существующие проблемы; вариант списочного пропорционального представительства должен был обеспечить больше возможностей для этнокультурных групп быть представленными во власти, однако политической стабилизации не произошло. Многие эксперты, а также сами представители нового правительства осознавали хрупкость положения и нерешенность многих вопросов, включая этнополитические проблемы[413].

2.4.3. Конституционные поправки 2016 г.

Несмотря на содержащийся в новом Основном законе в редакции 2010 г. запрет на внесение в него изменений до 2020 г. (ст. 114), в 2016 г. Жогорку Кенеш стал вновь обсуждать проект закона «О назначении референдума по Закону КР “О внесении изменений в Конституцию Кыргызской Республики”». Его инициировали торага (спикер) Чыныбай Турсунбеков, а также лидеры партий и фракций Социал-демократической партии Кыргызстана (СДПК), «Республика – Ата Журт», «Кыргызстан», «Онугуу-Прогресс», «Бир Бол». Президент Алмазбек Атамбаев также поддержал этот проект.

---

[411] Там же.

[412] International Investigation Commission Found Kyrgyz Government Guilty for Ethnic Violence Over Uzbeks // Kgexpert. - 25.04.2011. URL:http://kgexpert.wordpress.com/2011/04/25/international-investigation-commission-found-kyrgyz-government-guilty-for-ethnic-violence-over-uzbeks/ (accessed: 27.12.2022)

[413] Иванов А.В., Лукин А.В., Никитин А.И. Киргизия на пути от автократии к парламентской республике // Вестник МГИМО. – 2011. – №2. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/kirgiziya-na-puti-ot-avtokratii-k-parlamentskoy-respublike (дата обращения: 30.09.2023)

Целью изменений было названо «утверждение независимости страны» от внешнего влияния и продолжение движения «в сторону именно парламентской системы управления» (по словам президента, «в большинстве развитых стран выше стоит парламент»)[414].

Иная версия о появлении новой редакции Конституции озвучивалась оппозицией. Согласно ей, президент Атамбаев, который по закону не имел права баллотироваться на второй срок, готовился вновь занять кресло премьера, чтобы удержать власть в своих руках[415]. Опасения оппозиции оказались напрасны, так как Атамбаев ушел в отставку, а новым президентом стал Сооронбай Жээнбеков. Экс-министры Временного правительства (7 апреля – июль 2010 г.) под руководством Розы Отунбаевой[416] в открытом письме выразили свой протест по отношению к референдуму и конституционным изменениям, указав, что Конституция, принятая в 2010 г., получила одобрение международной экспертизы Венецианской комиссии и других организаций, в то время как новая редакция ограничивает права и свободы граждан и подрывает независимость судебной ветви[417]. Об изменениях также критично отозвались Венецианская комиссия Совета Европы и Бюро по демократическим институтам и правам человека (БДИПЧ) ОБСЕ.[418] Несмотря на низкую явку (42%), результаты референдума были засчитаны, большинство избирателей проголосовали за изменения (почти 80%).

В соответствии с поправками 2016 г. Киргизия становилась премьер-президентской системой, и полномочия премьер-министра значительно расширялись: он мог направлять президенту представление об освобождении от должности членов правительства за исключением руководителей, ведающих вопросами обороны и национальной безопасности (и в случае отсутствия соответствующего указа в течение 5 рабочих дней освобождать министра от должности своим решением), а также сохранять депутатский мандат и право голосования на пленарных

---

[414] Атамбаев об изменениях в Конституции: Это «защита независимости от дурака» // Vesti.Kg. - 12.12.2016. – URL: https://vesti.kg/politika/item/43720-atambaev-ob-izmeneniyah-v-konstitutsii-eto-zaschita-nezavisimosti-ot-duraka.html (дата обращения: 28.12.2022).

[415] Референдум раздора: Зачем Киргизии новая Конституция // РБК. - 10.12.2016. – URL: http://www.rbc.ru/politics/10/12/2016/584aa7bb9a7947d07788c0ca (дата обращения: 28.12.2022).

[416] Р. Отумбаева занимала пост председателя Временного правительства (2010) и президента Переходного периода (2010-2011).

[417] Венецианская комиссия СЕ критикует поправки в конституцию Киргизии // РИА Новости. - 25.06.2015. URL: https://ria.ru/world/20150625/1087622500.html (дата обращения: 12.05.2017).

[418] Kyrgyz Republic. Preliminary Joint Opinion on the Draft Law "On Introduction of Amendments and Changes to the Constitution" / Council of Europe: Venice Commission. - 29.11.2016. – URL: http://www.venice.coe.int/webforms/documents/?pdf=CDL-PI(2016)009-rus (accessed: 28.12.2022).

заседаниях. Отставка от должности влекла за собой восстановление его депутатских полномочий в полном объеме. Также, что важно для поддержания этнокультурного баланса, премьер мог лично назначать глав местных администраций. Кабинет министров зависел от коалиционного большинства в парламенте, в случае распада которого должен был уйти в отставку.

Парламент сохранял возможность отказать кабинету в доверии, однако постановление о выражении недоверия правительству принималось уже не простым большинством, а двумя третями голосов от общего числа депутатов. Более того, финансовая деятельность Жогорку Кенеша также контролировалась правительством: парламент мог принимать законы касательно увеличения расходов за счет государственного бюджета лишь с одобрения правительства.

Президент, согласно ст. 68 Конституции, не мог отправлять правительство в отставку и назначать досрочные выборы в парламент; также теперь он не мог выдвигать собственную кандидатуру на пост президента в случае досрочных выборов.

Решение о повышении республиканского избирательного порога до 9%, а также изменения, затрудняющие выход партии из коалиции (решение о выходе из коалиции большинства должно было приниматься не менее чем двумя третями от общего числа депутатов соответствующей фракции, оформляться постановлением и подписываться каждым членом фракции, проголосовавшим за выход; в случае распада коалиции большинства торага (спикер) Жогорку Кенеша должен был уйти в отставку, как и правительство; также он мог быть отозван по решению парламента). Все эти поправки соответствовали объективной необходимости повышения партийной ответственности и, возможно, могли бы повысить легитимность партийной системы и партий в целом.

В 2017 г. состоялся мирный транзит власти: А. Атамбаев ушел с поста президента после одного срока, С. Жээнбеков был избран новым президентом, а оппозиция, возглавляемая О. Бабановым, признала результаты выборов. Однако добиться стабильности снова не удалось.

2.4.4. Конституция и избирательная система с 2021 г. до н.вр. (август 2023 г.)

После Октябрьского переворота в 2020 г. С. Жапаров, являясь тогда еще и.о. президента, инициировал референдум о поправках к конституции[419], существенно изменяющих систему власти в стране по сравнению с Конституцией 2010 г. (и поправками к ней 2016 г.). Решение провести референдум в тот же день, что и президентские выборы, подверглось критике, так как референдум касался института, в отношении которого проводились выборы. Изначально это был референдум по проекту новой конституции, но затем избирателям был предложен вопрос о выборе формы правления: сохранить существующую парламентскую систему, перейти к президентской или выбрать вариант «против всех»[420]. Явка составила 39%; 84% проголосовали за президентскую республику, 21% за парламентскую, 4,61% высказались против всех вариантов.

В соответствии с новыми поправками 2021 г. президент, который избирается прямым всеобщим голосованием на пять лет, сможет переизбираться на второй срок (и оставаться у власти не более двух сроков), назначать кабинет министров и руководителей региональных администраций, а также получит больший контроль над судебной властью. Конституционный суд (объединенный с Верховным судом в 2010 г., а позже редуцированный до Конституционной палаты ВС), вновь выведен из состава Верховного суда, расширены полномочия прокуратуры. Президент сможет назначать дату парламентских выборов и вводить режим чрезвычайного положения. Создана платформа для созыва курултая по инициативе президента[421], а его участники наделены правом законодательной инициативы. Сократился список обязанностей государства, например, в отсутствуют такие положения, как создание условий для предпринимательства, достойных условий жизни и развития личности, сохранение исторических памятников и т.п.; декларировано право государства ограничивать права и свободы граждан в целях защиты национальной безопасности и правопорядка.

---

[419] Конституция Кыргызской Республики в редакции от 2021 г. / Министерство Юстиции Кыргызской Республики. – URL: http://www.stat.kg/media/files/1bfbed49-805c-4460-8988-dad9b7341f70.pdf (дата обращения: 28.12.2022)

[420] Кыргызская Республика: Досрочные президентские выборы и референдум 10 января 2021 г. Заключительный отчет / Ограниченная миссия БДИПЧ ОБСЕ по наблюдению за выборами. – Варшава, 04.05.2021. URL: https://www.osce.org/files/f/documents/4/d/490814.pdf (дата обращения: 28.12.2022)

[421] Конституционный закон Кыргызской Республики «О Народном Курултае» (проект) / Президент Кыргызской Республики (официальный сайт). – URL: https://www.president.kg/ru/apparat_prezidenta/zakonoproekty/konstitucionnyy_zakon_kyrgyzskoy_respubliki_o_narodnom_kurultae (проверено: 21.10.2022).

По мнению автора, очередной резкий переход к президентской форме правления может вновь привести к обострению этнополитической конфликтности в силу неразрешенности этнокультурных вопросов и недопредставленности во власти части этнокультурных групп киргизского общества, а также отсутствия должного стратегического планирования.

Формальные изменения в системе организации власти в КР в период с 2010 по 2021 гг. систематизированы в Таблице 5.

Таблица 5. Изменения в системе организации власти в КР в соответствии с Конституциями 2010, 2016 и 2021 гг.

Вопрос	Конституция 2010 г.	**Конституция 2016 г.**	**Конституция 2021 г.**
Характеристика президентской власти	Президент является главой государства	Президент является главой государства	Президент является главой государства и возглавляет исполнительную власть
Срок нахождения президента у власти	Шесть лет без возможности переизбрания	Шесть лет без возможности переизбрания	Пять лет с возможностью переизбрания, но не более двух сроков
Исполнительная власть/подотчетность правительства	Исполнительную власть осуществляет Правительство, которое возглавляется премьер-министром	Исполнительную власть осуществляет Правительство, которое возглавляется премьер-министром	Исполнительную власть осуществляет Президент и подотчетное ему Правительство
Формирование правительства	Парламент утверждает программу деятельности Правительства, определяет структуру и состав Правительства, за исключением членов Правительства - руководителей государственных органов, ведающих вопросами обороны и национальной безопасности	Парламент утверждает программу деятельности Правительства, определяет структуру и состав Правительства, за исключением членов Правительства - руководителей государственных органов, ведающих вопросами обороны и национальной безопасности	Президент руководит деятельностью исполнительной власти, дает поручения Правительству …, отменяет акты Правительства и подчиненных ему органов, временно отстраняет от должности министров и председателей государственных комитетов. Структура и состав Правительства определяются Президентом
Конфигурация парламента	Жогорку Кенеш состоит из 120 депутатов, избираемых сроком на 5 лет по пропорциональной системе. По результатам выборов политической партии может быть предоставлено не более	Жогорку Кенеш состоит из 120 депутатов, избираемых сроком на 5 лет по пропорциональной системе. По результатам выборов политической партии может быть предоставлено не более 65 депутатских мандатов в парламенте	Жогорку Кенеш состоит из 90 депутатов, избираемых сроком на 5 лет по смешанной системе (54 депутата избираются по пропорциональной, 36 депутатов избираются по одномандатным округам)

	65 депутатских мандатов в парламенте		
Выход из коалиции фракций парламентского большинства (партийная дисциплина)	Отсутствует	Решение о выходе из коалиции фракций парламентского большинства принимается фракцией не менее чем 2/3 от общего числа депутатов фракции. Решение фракции оформляется ее постановлением и подписывается каждым членом фракции, проголосовавшим за выход	Отсутствует
Основания для отставки членов правительства	Министров отправляет в отставку президент по представлению главы Правительства	Министров отправляет в отставку Премьер-министр	При вступлении в должность нового Президента весь состав Правительства складывает с себя полномочия. Президент отправляет в отставку Правительство по собственной инициативе или по предложению Народного Курултая
Законодательная инициатива	Право законодательной инициативы принадлежит: 10 тысячам избирателей (народная инициатива); депутатам Жогорку Кенеша; Правительству	Право законодательной инициативы принадлежит: 10 тысячам избирателей (народная инициатива); депутатам Жогорку Кенеша; Правительству	Право законодательной инициативы принадлежит: Президенту, 10 тысячам избирателей (народная инициатива); депутатам Жогорку Кенеша; главе Правительства, Конституционному суду, Верховному суду
Судебная власть: назначение председателя	Судьи Верховного суда из своего состава избирают председателя Верховного суда и его заместителей сроком на 3 года	Судьи Верховного суда из своего состава избирают председателя Верховного суда и его заместителей сроком на 3 года	Из числа судей Конституционного суда и Верховного суда Президент с согласия Жогорку Кенеша назначает председателя и заместителей председателя Конституционного суда и Верховного суда сроком на 5 лет

Источник: составлено автором на основе текстов Конституции КР 2010 г., Конституция КР 2010 г. в редакции от 28.12.2016 г. и Конституции 2021 г.

В электоральном процессе также произошли значительные изменения. Из-за аннулирования результатов очередных выборов в Жогорку Кенеш в октябре 2020 г. в силу спорных результатов было решено провести внеочередные выборы 28 ноября 2021 г. По сравнению с выборами 2020 г. в избирательном законодательстве в результате референдума[422] произошли существенные изменения. Состав Жогорку Кенеша сократился со 120 до 90 человек, избираемых сроком на 5 лет. Введена смешанная (параллельная) избирательная система: 54 депутата избираются по пропорциональной системе с открытыми списками в одном общенациональном округе (право выдвижения кандидатов принадлежит политическим партиям), 36 депутатов избираются по одномандатным округам по мажоритарной системе (право выдвижения кандидатов принадлежит политическим партиям и гражданам путем самовыдвижения)[423].

Конституционные поправки 2020 г. не способствуют устойчивости коалиционного большинства. Вопрос о коалиционной стабильности представляется актуальным: с 2010 г. в Жогорку Кенеше семь раз распадалась коалиция большинства, что негативно сказывалось на политическом управлении и законотворческой деятельности. Ужесточение правил выхода из коалиции должно было решить эту проблему, однако в новой конституции положение о процессе выхода из коалиции полностью удалено.

Национальный избирательный порог был снижен с 7% до 5%, также каждая партия должна получить не менее 0,5% голосов (региональный порог) в каждой из семи областей страны и в двух городах (Бишкеке и Оше) и не может занимать более 27 мест в пропорциональном компоненте выборов (суммарный максимум – 63 места). Такая система, с одной стороны, предотвращает парламентское доминирование одной партии, а с другой – ставит под угрозу принцип равенства голосов, так как избирательные округа не являются равномерно населенными из-за географических особенностей страны.

Избиратели, проживающие за рубежом, считаются приписанными к единому избирательному округу. Форма № 2, позволяющая изменить данные о приписке к избирательным участкам на основании заявления, теперь действительна только для голосования за рубежом

---

[422] Информация о выборах депутатов Жогорку Кенеша Кыргызской Республики, прошедших 28 ноября 2021 г. / Центральная комиссия по выборам и проведению референдумов КР (Shailoo). – 31.12.2021. – URL:https://shailoo.gov.kg/ru/news/6079/ (дата обращения: 28.12.2022)

[423] Информационный бюллетень: современные технологии достоверности и прозрачности результатов выборов / Центральная комиссия по выборам и проведению референдумов КР (Shailoo). – Бишкек, 2021. – URL: https://shailoo.gov.kg/media/nurgul/2021/10/07/vnelvq.pdf (дата обращения: 28.12.2022)

(чтобы иметь возможность учитывать голоса трудящихся-мигрантов). Проживающие за рубежом избиратели могут голосовать только по пропорциональному компоненту выборов. Те избиратели, которые не прошли биометрическую регистрацию, не могут голосовать (на последних выборах их число составило 290 тыс. чел., большая часть которых проживает за границей). В целом в списках зарегистрированных избирателей числилось 3,6 млн. чел., общая явка составила 34,6%.

Сохранились правила по квотам: в списках партий 30% должны составлять женщины, не менее 15% – представители этнических меньшинств, 15% – молодежь до 35 лет, а также должны быть представлены не менее двух кандидатов с ограниченными возможностями. Однако при введении мажоритарной части этот механизм стал недостаточно эффективен и не гарантирует соблюдения квот.

На основе этих требований к выборам в 2021 г. была допущена 21 партия, лишь пять из которых участвовали в предыдущих выборах; остальные партии либо появились совсем недавно, либо образовались в результате «ребрендинга»[424], так как поправки в Закон о выборах отменили требование о регистрации партии минимум за шесть месяцев до выборов.

Из 21 партии в парламент прошли шесть: «Ата-Журт Кыргызстан» (17,3%), «Ишеним» (13,63%), «Ынтымак» – (11%), «Альянс» – (8,34%), «Бутун Кыргызстан» (7,04%) и «Ыйман Нуру» (6,15%). Две наиболее известные оппозиционные партии («Ата-Мекен» и «Социал-Демократы») не смогли преодолеть электоральные барьеры. Международные наблюдатели в целом позитивно оценили прошедшие выборы, несмотря на недовольство оппозиции и наличие неполадок[425]. Минусами были названы малая видимость женщин-кандидатов в предвыборных мероприятиях, а также недостаточная прозрачность финансирования кампаний, несмотря на усилия законодательных органов. БДИПЧ ОБСЕ отметила в заключении о выборах усиление «фрагментации политической среды, для которой характерны личностное доминирование, утеря влияния традиционными политическими партиями и возникновение новых», а также то, что

---

[424] Кыргызская Республика, Парламентские выборы, 28 ноября 2021 г. Заявление о предварительных выводах и заключениях / Международная миссия БДИПЧ ОБСЕ по наблюдению за выборами. – URL: https://www.osce.org/files/f/documents/3/e/505942_0.pdf (дата обращения: 28.12.2022)

[425] Там же.

политическая борьба имела больше личностный характер, чем качественное обсуждение проблем[426].

Все партии выполнили квоты по этническим меньшинствам, когда регистрировали предвыборные списки, но закон не гарантирует сохранение квот и их пропорций после регистрации: 42 кандидата отозвали свои кандидатуры из списков после регистрации, 15 из них были женщины. Около 36% женщин были зарегистрированы как кандидаты для выборов по пропорциональной системе, для выборов в одномандатных округах их число составило 6,5%. В новый парламент прошли лишь 19 женщин-депутатов, что составляет 21%, и только одна из них была избрана от одномандатного округа. Как правило, женщины-парламентарии участвуют только в обсуждении вопросов образования, социального сектора и культуры, вопросами экономики и политики занимаются парламентарии-мужчины.

Аналогичная ситуация наблюдается и с представителями этнических меньшинств. Анализ этнической принадлежности депутатов показал, что что из 90 депутатов 83 – это киргизы, 3 – дунгане, один узбек и один таджик[427] (15% от числа депутатов должно составлять 13 человек).

Как и во многих других постсоветских республиках, партии в Киргизии возникли из первого оппозиционного КПСС движения – Демократического движения Кыргызстана. В 1995 г. были зарегистрированы 12 политических партий, к 2000 – 27 партий, в 2004 г. – уже 43, в 2008 г. – больше 100 партий. В целом особенность партийной системы страны состоит не в том, что партии не формируются или что их число мало (на данный момент зарегистрированы 224 партии, что говорит скорее о сильно фрагментированной системе), а в том, что политические дискуссии часто не имеют под собой рациональной основы, чему способствует и отсутствие внятных партийных программ. Часто партийные сайты работают только на время предвыборной кампании, а потом недоступны (например, как у партии «ЫнтымакЫ»[428] или как у партии «Альянс»[429], официальным

---

[426] Кыргызская Республика, Парламентские выборы, 28 ноября 2021 г. Заключительный отчет / Миссия БДИПЧ ОБСЕ по наблюдению за выборами. - Варшава, 26.05.2022. – URL: https://www.osce.org/odihr/elections/kyrgyzstan (дата обращения: 28.12.2022)

[427] Шабалин А, Юсупова Д. Возраст, пол, национальность: кого кыргызстанцы выбрали в Жогорку Кенеш // KaktusMedia. - 12.01.2022. – URL: https://kaktus.media/doc/450556_vozrast_pol_nacionalnost:_kogo_kyrgyzstancy_vybrali_v_jogorky_kenesh_v_kartinkah.html (дата обращения: 28.12.2022)

[428] Официальный сайт партии «ЫнтымакЫ». – URL: https://yntymak2021.kg/ (недоступен).

[429] Официальный сайт партии «Альянс» на facebook.com [запрещен в РФ]. – URL: https://www.facebook.com/alliance.kyrgyzstan (дата обращения: 28.12.2022)

сайтом которой является страница в Facebook). Даже при прямом запросе в штаб партии программа не высылается. Закономерны сомнения, принимают ли сами члены партий всерьез свои действия, и делают ли граждане осознанный выбор или полагаются на емкие лозунги и короткие видео[430].

Существуют обвинения партий в копировании программ других партий или программ развития (например, программа «Ата-Журт Кыргызстан» совпадала с программой партии «Реформа», а партия «Ишеним» скопировала программу с программы развития города Алма-Ата на 2020 год[431] во время выборов в местные органы власти). В основном партии построены на авторитарных началах, малочисленны, у них, как правило, отсутствуют региональные низовые звенья и нет устойчивого электората в общенациональном масштабе[432]. Помимо этого, практически все партийные программы, которые удалось найти, "делят общество на «истинный народ» и «коррумпированную элиту», делая акцент на том, что политика должна быть «выражением общей воли»"[433], что позволяет идентифицировать их как популистские в рамках идеационного подхода[434].

Попытка выявить в программах прошедших в парламент партий положения по вопросам регионального раскола, клановости, представительства этнических меньшинств и статуса языка, а также повышения стабильности и объединения страны[435] показала, что эти насущные вопросы в партийных программах более не появляются. Сами партии, как и партийная система и особенности смены власти, подпадают под характеристики незападного политического процесса, систематизированные еще Л. Паем: возникающие партии традиционны и выражают партикулярные или личные интересы, претендуя при этом на универсальность своей политической программы, а любая оппозиция обречена выступать в качестве революционной силы, но не

---

[430] Программа партии «Альянс» за 30 секунд (видео-ролик) / Альянс партиясы (официальный сайт на facebook.com [запрещен в РФ]). – URL: https://www.facebook.com/watch/?v=421054712740531 (дата обращения: 28.12.2022)

[431] Адилет А. «Встречайте, идут воры!» Программы партий «Ата-Журт Кыргызстан», «Улуу-Журт» и «Ишеним» оказались плагиатом // kloop. - 11.04.3032. – URL: https://kloop.kg/blog/2021/04/11/vstrechajte-idut-vory-programmy-partij-ata-zhurt-kyrgyzstan-uluu-zhurt-i-ishenim-okazalis-plagiatom/ (дата обращения: 28.12.2022)

[432] О проблемах партийной институционализации: Doolotkeldieva A., Wolters A. Uncertainty Perpetuated? The Pitfalls of a Weakly Institutionalized Party System in Kyrgyzstan // Central Asian Affairs. - 2017. - № 4 (1). - P. 26-50.

[433] Харитонова О.Г., Кудряшова И.В. Политические режимы и режимные изменения в пене популистской волны // Политическая наука. – 2022. – №1. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/politicheskie-rezhimy-i-rezhimnye-izmeneniya-v-pene-populistskoy-volny (дата обращения: 28.12.2022).

[434] Там же.

[435] См. Приложение 8. Сравнительный анализ партий Жогорку Кенеша VIII созыва

способна создать единый фронт в силу отсутствия общенациональной идентичности[436]. Интересы этнических меньшинств не представлены и нет никаких попыток смягчить межрегиональные противоречия или вести борьбу с клановой политикой; не затрагивается и необходимость институциональных реформ для смягчения этнополитических противоречий и стабильного развития страны. При общей инклюзивной риторике партии явно обращаются лишь к киргизскому населению, только в «Бутун Кыргызстан» и «Ынтымак» затрагиваются вопросы об урегулирования пограничных споров и необходимости межнационального согласия.

В предыдущие годы, однако, такие вопросы поднимались почти всеми партиями и присутствовали в их программах (например, у Социал-демократической партии Кыргызстана поставлена цель «собирать воедино то, что разрушилось... за годы правления семейно-клановых режимов»[437], программа «Республики» защищает «интересы не отдельных политических групп, кланов, родов и племен…, а придерживается целей нерушимого единства…». Она также подчеркивает значимость западной поддержки и опыта, выступает за евразийский вектор развития, «равноправие регионов и преодоление разделения страны на Север и Юг» и т.д.)[438]. Возможно, что пандемия, экономический кризис и очередной виток борьбы за власть сделали и кандидатов, и партии, и электорат более безразличными к программам и другим официальным документам, которые расцениваются как малозначимые формальности.

Подводя итог, можно сказать, что несмотря на постоянные институциональные реформы, проблема управления этнополитическими рисками не решается, а «уличный» механизм смены власти является самовоспроизводящимся. Конституция изменялась каждый раз в ответ на трансформацию этнополитических рисков в политическое событие деструктивного характера.

Большой лаг между структурными и культурными изменениями, когда современные роли существуют, но направляются традиционными культурными ориентациями, позволяет определить Киргизию как предмобилизационную демократию (как демократию – в соответствии с позицией, озвученной лидерами)[439]. Чередование президентской, парламентской и премьер-президентской

---

[436] Пай Л. Незападный политический процесс // Политическая наука. - 2003. - №2. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/nezapadnyy-politicheskiy-protsess (дата обращения: 28.12.2022).

[437] Официальный сайт партии СДПК. – URL: http://www.sdpk.kg/ru/partija/politplatforma (недоступен)

[438] Блохина А.О. Институциональные изменения и политическая стабильность в Киргизской Республике // Вестник МГИМО Университета. – 2017. – № 6 (57). - С. 102–115.

[439] Almond G., Verba S. Op. cit.

систем[440] свидетельствует о том, что политическая система не приобрела автономности, не отзывается на реформы и остается зависимой от протестных настроений и внешних шоков[441]. Вместо того, чтобы решать вопросы, связанные с устойчивостью развития и снижением этнополитических рисков, правящие элиты руководствуются партикулярными интересами.

Выводы главы 2

1. Противоречивость административно-территориальной и национальной политики Советского Союза, вылившаяся после его распада в конкуренцию центров и неконсолидированность административно-политических, экономических и культурных границ новых государств, во многом предопределила трудности государственного и национального строительства в Киргизии[442]. В их числе территориальные споры, проблема интеграции этнических меньшинств, проблема этнических эксклавов, превратившихся в замороженные конфликтные зоны между Киргизией и Узбекистаном и Киргизией и Таджикистаном, а также противостояние «двух столиц» – Бишкека и Оша.

2. Распад СССР вызвал демодернизацию киргизского общества. Ослабление экономики, которая в настоящий период критически зависит от отчислений трудовых мигрантов, доходов от золотого рудника Кумтор и сектора услуг, усилило социальную и политическую роль неформальных институтов, в т.ч. клановых структур.

3. Региональный раскол «север – юг» выражается не только в исторически сложившейся дуальной системе кочевых племен, но и в противостоянии двух центров – Бишкека и Оша, которое осложняется различиями в развитии северных и южных областей. Бишкек – политический и экономический центр Киргизии, Ош, «южная столица», – ее религиозно-культурный центр. На юге (Ошская область и г. Ош, Джелал-Абадская область, Баткенская область) компактно проживает основная доля узбекского населения страны.

---

[440] Shugart M.S., Carey J.M. Presidents and Assemblies: Constitutional Design and Electoral Dynamics. - N.Y.: Cambridge University Press, 1992. - 316 p.

[441] Гэрр Т.Р. Почему меньшинства восстают? Объяснение этнополитического протеста и мятежа // Этнос и политика. - М.: Изд-во УРАО, 2000. - С. 244-256.

[442] Кудряшова И.В., Мелешкина Е.Ю. Этнические меньшинства и национальное строительство на постсоветском пространстве: к постановке исследовательской проблемы // Вестник МГИМО-Университета. – М., 2009. - № 2 (5). - С. 51.

4. Политизация примордиальных идентичностей (этнической, кланово-племенной, религиозной) и усиление неформальных институтов подрывает процесс строительства формальных (государственных) институтов. Внеинституциональная смена власти и непоследовательность политических реформ свидетельствуют о слабой способности политических элит самостоятельно достигать консенсуса и разрабатывать долгосрочные планы национального развития.

5. Политизация противостояния этнокультурных групп севера и юга страны обусловила появление термина «политические кланы» («неокланы»). Количественный анализ составов правительств КР с 1991 г. по настоящее время (август 2023 г.) подтвердил существование кланово-регионального раскола: область (регион), с которой соотносится президент (премьер-министр), представлена в каждом конкретном составе правительстве гораздо шире, чем другие. Несбалансированное кланово-региональное представительство приводит к государственным переворотам.

6. Попытки политических элит разрешить существующие противоречия и укрепить официальные институты с помощью реорганизации распределения государственно-властных полномочий (президентская, премьер-президентская, (супер)президентская системы) и электоральных реформ не приносят ожидаемых результатов.

7. Постоянные поправки, вносимые в Основной закон, позволяют рассматривать конституционную нестабильность как индикатор общей социально-политической нестабильности.

ГЛАВА 3. ВОЗМОЖНЫЕ МОДЕЛИ УПРАВЛЕНИЯ ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИМИ РИСКАМИ В КИРГИЗСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ И ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ

По мнению исследователей, макрополитические механизмы регулирования этнокультурной конфликтности можно условно подразделить на две таксономические группы: первая – это механизмы, направленные на устранение различий (геноцид, насильственное переселение, сецессия или самоопределение, перекраивание территориальных границ, интеграция или ассимиляция), вторая – на управление различиями (гегемонистский контроль, вмешательство арбитра, федерализация и консоциация)[443].

Учитывая многочисленные исследования, подтверждающие работоспособность институциональных механизмов в сфере управления этнополитическими рисками (краткий обзор этих исследований был дан во Введении), непосредственная эффективность институциональных механизмов для снижения этнополитических рисков в целом не подвергается сомнению, однако особенности институционального дизайна в условиях многосоставного общества при отсутствии достаточной ресурсной базы нуждаются в более глубоком анализе.

Несмотря на существующие пакеты рекомендаций по урегулированию этнополитических конфликтов в многосоставных обществах с помощью консоциации, а также на значительный корпус литературы, критикующий эти подходы, каждый подобный кейс необходимо рассматривать с учетом существующих контекстов (историческая государственность, социокультурная традиция, экономика, геополитика и др.). Киргизии с помощью институционального маневрирования и именно консоциативной модели удалось добиться относительной политической стабильности с 2010 по 2020 г., однако, как показывает практика, механический выбор в пользу ее компонентов (пропорциональная избирательная система, парламентская форма правления, коалиционный принцип формирования правительства, право вето сегментов и федерализм / автономия сегментов) не сможет стать долгосрочным решением проблемы без учета структурных факторов, таких как глубина расколов в обществе и уровень экономического развития в конкретный временной период. Учитывая публичные заявления правительства о постоянном движении к демократии, автор полагает целесообразным включить в анализ фактор политико-культурных ориентаций киргизского общества.

---

[443] The Politics of Ethnic Conflict Regulation: Case Studies of Protracted Ethnic Conflicts / Ed. J. McGarry, B. O'Leary. - London: Routledge, 1993. – P.17.

3.1. Политико-культурные ориентации киргизского общества и стратегическое планирование

Евразийский мониторинг[444] выделяет три основные исторические парадигмы, характерные для политической культуры Киргизии: клановость, трайбализм и номадизм. Имеющийся опыт государственности эксперты характеризуют как «колеблющийся альянс родоплеменных кочевых сообществ». Они также подчеркивают «антивластную» окраску ответов респондентов относительно всех официальных институтов и традиционное сопротивление «единому хану», как называют фигуру президента. А. Доолоткельдиева, собирая истории о жизни киргизских мигрантов, особо отмечает их мобильность: «Эта мобильность невероятна! Уехать на Сахалин и остаться там на 10 лет, потом вернуться в Талас поженить сына и снова уехать... в Казахстан. Завораживает их отношение к времени, пространству и движению, их концепт мобильности и жизнь на "два седла", как высказался один байке[445]. Что такая мобильность означает в плане стратегий будущего, инвестиций в жизненные циклы и т.д?»[446]. К ее вопросу можно добавить и другой: как такая высокая мобильность может повлиять на формирование стабильных и эффективных институтов?

Отвечая на вопросы социологов относительно предпочтительности авторитаризма или демократии (1 – при некоторых обстоятельствах авторитарное правление может быть предпочтительнее, чем демократическое; 2 – для таких людей, как я, не имеет значения, является ли правление демократическим или авторитарным; 3 – демократия предпочтительнее любой другой формы политической системы)[447], граждане Киргизии традиционно голосует за демократию (больше 50%), хотя, возможно, и представляют ее своеобразно, о чем свидетельствуют более детализированные опросы.

---

[444] Политическая культура постсоветских стран: экспертная рефлексия / под общ. ред. Е.В. Миськовой. – М.: Фирма «Адапт» (ЦИРКОН™), 2017. - 112 с.

[445] Пер. с киргизского: «Старший двоюродный брат (по отношению к младшему или к младшей двоюродной сестре)»

[446] С личной страницы автора на facebook.com [запрещен в РФ]. – URL: https://www.facebook.com/asel.doolotkeldieva (дата обращения: 28.12.2022)

[447] Life in Transition Survey III: A decade of measuring transition / European Bank for Reconstruction and Development. – P. 104. – URL: https://litsonline-ebrd.com/ (accessed: 28.12.2022)

Таблица 7. Выбор основных характеристик демократии по шкале от 1 до 10 на основе World Values Survey Wave 7 (2017-2022)

Вопрос	***Характеристика***	***% проголосовавших за «является основной характеристикой демократии»***
241	Правительство берет налоги с богатых для поддержки бедных	36%
242	Религиозные лидеры дают свое толкование законов, и их мнение – решающее	19,4%
243	Люди выбирают политических лидеров на свободных выборах	49,5%
244	Безработные получают государственное пособие	46,3%
245	Армия берет власть в свои руки, если правительство оказывается некомпетентным	35,9%
246	Гражданские права защищают людей от притеснений со стороны государства	46%
247	Государство обеспечивает равенство доходов	42,8%
248	Люди подчиняются властям	48,1%
249	У женщин и мужчин равные права	59,1%
	Дополнительные вопросы о демократии и управлении	
250	Насколько для Вас важно жить в демократической стране?	Очень важно – 67,2%
251	Как Вы считаете, насколько демократично управляется Кыргызстан в настоящее время?	Полностью демократично – 26,9% (еще 29,1% выбрали средний показатель – цифру 5)
252	Насколько Вы удовлетворены тем, как работает политическая система в Кыргызстане в наши дни?	Абсолютно удовлетворен – 18,1% (еще 25,8% выбрали средний показатель – цифру 5)

Составлено по: World Values Survey Wave 7 (2017-2022)[448]

[448] World Values Survey Wave 7 (2017-2022). – URL: https://www.worldvaluessurvey.org/WVSDocumentationWV7.jsp (accessed: 21.10.2022).

В соответствии с тем же опросом от *World Values Survey*, граждане КР предпочли бы безопасность свободе – 62% (вопрос 150), обеспечение национального порядка выбрало 57,6% (9,5%, предпочли «свободу слова»; вопрос 154). Наконец, 30,4% респондентов хотели бы видеть сильного лидера в стране, который не зависит ни от парламента, ни от выборов, 31,9% считают такую систему также «достаточно хорошей» (вопрос 235).

В связи с подобной неоднозначностью в определении того, что понимается под демократическими институтами и каковы принципы их работы, можно сделать вывод, что для респондентов вопрос демократического устройства страны менее значим, чем вопрос политической стабильности. Это объясняется не только культурно-ценностными ориентациями общества, но и слабостью киргизского государства, в условиях которой люди вынуждены полагаться на традиционные социальные механизмы, компенсирующие экономические и социальные риски. Для кланов, между тем, политическая рента является основным и наиболее привлекательным способом дохода, и за нее ведется постоянная борьба.

При слабых формальных институтах этнокультурная разделенность страны и неопатримониальные политико-культурные ориентации, распространенные как среди населения, так и среди элит не позволяют Киргизии разорвать замкнутый круг и выйти на новый уровень развития. Примером этого являются партии-клики, не имеющие общенациональной программы и выражающие чаще всего только интересы своего клана.

Таким образом, задача управления этнполитическими рисками дает возможность предложить пакет институциональных рекомендаций в двух вариантах – консоциативной модели и «сильной власти». Все компоненты рекомендаций будут рассмотрены в контексте существующих этнокультурных расколов и сопоставлены с имеющейся в КР нормативной базой и стратегиями государственного и национального строительства. В этой логике пакет рекомендаций будет охватывать сразу несколько институциональных аспектов:

- исполнительная власть и контроль над правительством;
- избирательная система и формирование партий;
- территориальное устройство (унитаризм – федерализм);
- строительство гражданского общества;
- членство в интеграционных объединениях с целью повышения экономической стабильности.

Вначале будет осуществлен критический анализ традиционно предлагаемого в таких условиях варианта – консоциации (фактически ее отдельные элементы были применены для урегулирования политического кризиса 2010 г., но не оказали должного долгосрочного эффекта), затем – альтернативного варианта с «сильной» властью. В завершение будут рассмотрены внешние аспекты управления этнокультурными рисками, а именно, развитие отношений Киргизии с заинтересованным внешним партнером/партнерами и ее участие в региональных объединениях.

3.2. Консоциативная модель управления этнокультурными рисками в КР

3.2.1. Исполнительная власть и контроль над правительством

В рамках задачи управления этнополитическими рисками и политической стабилизации исполнительная власть и контроль над правительством со стороны президента и/ или парламента наиболее важны для политической системы Киргизии, учитывая частые перевороты и пересмотры конституции. Согласно М.С. Шугарту и Дж.М. Кэри[449], идеальные типы систем правления можно ранжировать по объему президентских полномочий и степени разделения источников формирования и поддержания законодательной и исполнительной властей.

Таблица 8. Двумерная типология систем правления по М.С. Шугарту и Д.М. Кэри

		Раздельное выживание ассамблеи и кабинета		
		Отсутствует		*Максимальное*
Власть президента над кабинетом	*Максимальная*	Президентско-парламентский		Президентский
	Отсутствует	Премьер-президентский	Парламентский	Ассамблейно-независимый

Традиционно в сообщественной модели основной характеристикой является управление государства с помощью большой коалиции, которая включает в себя представителей всех

[449] См. Шугарт М.С., Кэри Д.М. Президентские системы // Современная сравнительная политология: хрестоматия. – М., 1997. – С. 198-246.

сегментов разделенного общества. Несмотря на то, что чаще всего этот формат ассоциируется с парламентской системой, коалиция может также состояться и в президентской системе при распределении высоких государственных постов между представителями разных групп, как это было (неуспешно) реализовано в Бурунди.

Президентская форма правления[450] была если не в нормативном (формально в Конституции был закреплена президентско-парламентская модель), то в прикладном отношении прототипом той системы властвования, которая существовала в Киргизии до 2010 г. и существует сейчас, после 2021 г. О.И. Зазнаев классифицирует подобные системы как системы с элементами президенциализма[451]; другие политологи часто называют их «суперпрезидентскими».

В случае разделенных (и многосоставных[452]) обществ считается[453], что система с элементами президенциализма повышает риск дестабилизации и отката к авторитарному правлению, когда власть сосредоточивается в руках одного лидера и стоящей за ним группы интересов (клана)[454].

В защиту парламентской системы выступают многие исследователи, в том числе Х. Линц, который в полемике с Д. Горовицем и С.М. Липсетом отмечает, что структурные изъяны, заложенные в президентских системах, повышают риск этих систем столкнуться с теми проблемами, которые парламентский режим уже преодолел, включая проблему соперничества между президентом и законодательной ассамблеей в сфере легитимности[455].

Однако другие ученые, например, Ж. Блондель, считают, что проблемы страны, которая пытается создать плюралистическую систему при слабой партийной системе, не могут решить ни президентская, ни парламентская модель. Президентство может легко перерасти в «цезаризм[456]»,

---

[450] Идеальный президентский тип характеризуют раздельное формирование и поддержание исполнительной и законодательной власти и максимальный контроль президента над кабинетом.

[451] Зазнаев О.И. Атипичные президентские и полупрезидентские системы // Ученые записки Казанского государственного университета. Гуманитарные наука. - 2005. - Т. 147, кн. 1. - С. 64

[452] Об общих недостатках президентской системы см. Shugart M.S., Carey J.M. Op.cit.

[453] Подробнее: Кудряшова И.В. Как обустроить разделенные общества // Политическая наука. – 2016. - №1. – С. 18-19.

[454] Collins K. Clan Politics and Regime Transition in Central Asia. Cambridge: Cambridge University Press, 2006. – URL: https://doi.org/10.1017/CBO9780511510014 (accessed: 08.01.2023); Collins K. Clans, Pacts, and Politics in Central Asia // Journal of Democracy. - 2002. - № 13 (3). - p. 137-152; Collins K. The Logic of Clan Politics: Evidence from the Central Asian Trajectories // World Politics. - 2004. - № 56 (2). – P. 224-261.

[455] Linz J.J. The Virtues of Parliamentarism…P. 84-91.

[456] Цезаризм – политический режим, при котором авторитарная власть организована на псевдодемократических принципах.

а парламентаризм - усилить социальные расколы[457]. В условиях высокой социальной и политической фрагментации (в КР на выборах 2021 г. было зарегистрировано более 220 партий) парламентская форма практически не позволяет надеяться на формирование эффективной исполнительной власти: реальные полномочия премьера будут ограничены интересами партнеров по коалиции, а функции президента в таких системах имеют в основном представительский характер.

Стоит отметить, что на официальном сайте Жогорку Кенеша в разделе «История кыргызского парламента»[458] (от 15 июня 2016 г.) представлено историческое обоснование парламентаризма в Киргизии. Отсылки к «прошлым временам» и общественному устройству киргизов – проведению ежегодных всенародных курултаев, совету аксакалов и пр. – призваны утвердить и легитимировать парламентскую форму правления. При описании кыргызского каганата, основанного в IX-X вв., совет аксакалов упомянут как орган с консультативно-совещательными функциями.

Можно предположить, что ни один из «чистых видов» систем правления не подходит для Киргизии, учитывая ее социально-политические реалии. С одной стороны, традиционная значимость сильного лидера на посту президента очевидна, с другой – этнически гетерогенному обществу не хватает политического баланса между исполнительной и законодательной ветвями власти, не говоря уже о судебной. На сегодняшний день очевидна зависимость судебной системы от других ветвей власти[459].Чаще всего суды после обвинения чиновников в коррупции прибегают к наказаниям, не ограничивающим свободу чиновников, замешанных в коррупционных скандалах[460].

Таким образом, для решения существующих институциональных проблем политическое общество Киргизии может обратиться к одной из моделей смешанного правления.

Премьер-президентская система предполагает ведущую роль премьер-министра при наличии президента, обладающего существенными полномочиями. Однако право формировать

---

[457] Blondel J. Op.cit. P. 172.

[458] История Кыргызского парламента…

[459] Зверев Р., Рыжов И. Киргизия накануне президентских выборов // Россия и новые государства Евразии. – 2017. - № 3. – С. 65.

[460] Джумашова А. Цифра дня. 4 тысячи 870 уголовных дел по коррупции возбуждено в Кыргызстане // 24.kg. - 18.05.2020. – URL: https://24.kg/obschestvo/153147_tsifra_dnya_4tyisyachi_870_ugolovnyih_del_pokorruptsii_vozbujdeno_vkyirgyizstane/ (дата обращения: 26.12.2022).

правительство остается за парламентом, президент не имеет законодательных способов контролировать правительство, хотя может распускать парламент, тем самым косвенно влияя на состав правительства. В этом случае сильны фигуры и президента, и премьера. Президент, хотя и избираемый всенародно, должен уметь сосуществовать с ним[461].

Недостатки у этой системы тоже есть. Однако в отличие от президентской системы, даже проблему временной негибкости (президентский срок фиксирован, и, если парламент настроен оппозиционно, отрешить от должности президента нельзя) решить проще. В премьер-президентской системе, во-первых, президент не контролирует правительство: если парламент поддерживает правительство, сформированное партией/партиями оппозиции, то премьером назначается представитель оппозиции. Если же премьер возглавляет партию большинства (и президента), то проблемы со сроком президентских полномочий не возникает. Во-вторых, право президента распускать парламент и назначать новые выборы имплицитно нацеливает депутатов на поиск компромиссов и между собой, и в области взаимодействия с президентом. Важно отметить, что чаще всего в премьер-президентских системах президент не использует право вето, что сохраняет принцип взаимных сдержек властей.

Наиболее благоприятным условием для эффективности премьер-президентской системы выступает достижение консолидированного большинства, когда президент, премьер и большинство в парламенте принадлежат к одной партии / партийному блоку. При соблюдении однопартийного условия такая система обладает наименьшим конфликтным потенциалом и является оптимальной с точки зрения поддержания политической стабильности[462].

3.2.2. Избирательная система

Электоральные системы считаются «наиболее мощным уровнем политической инженерии в процессе разрешения конфликта в разделенных обществах»[463], так как они определяют способ

---

[461] Shugart M.S., Carey J.M. Op. cit. P. 24-25.

[462] Харитонова О.Г. Президентство и демократия: Состояние дискуссии // Политическая наука. – 2012. – №3. – С. 199-213.

[463] Horowtiz D. Encouraging Electoral Accomodation in Divided Societies. // Electoral Systems in Divided Societies: The Fiji Constitution Review (State society and governance in Melanesia) / Ed. B.V. Laland P. Larmour. Canberra: Griffin Press, 1997. – P.22

перевода голосов в депутатские места, а значит, определяют тех, кто управляет. Даже небольшие изменения в избирательном кодексе могут привести к далеко идущим последствиям. При выборе любой из электоральных систем требуется учитывать уступки и условия, которые в том или ином случае могут быть смягчены за счет манипуляций с повышением или понижением электорального порога, повышения партийной ответственности и использования других подобных инструментов. Безусловно, на результат и эффективность самой системы будут влиять множество других факторов, таких как парламентаризм/президентство, федерализм/унитаризм, структура общества и его расколы, демократия/авторитаризм и пр.[464]

Учитывать приходится и то, что системы предопределяют степень сложности голосования, напрямую завися от уровня политической образованности избирателей. На каждых выборах в стране, несмотря на определенные усилия официальных властей (таких, как освещение выборов в телеграмм-каналах или на других медиа-платформах), основной проблемой остается низкая информированность граждан. Выборы 2020 г. в Жогорку Кенеш не оказались исключением: основными пунктами критики миссий по наблюдению за выборами стали формализм в толковании Закона о выборах, что ограничивало объем информации, доступной для избирателей[465], а следовательно, снижало и без того невысокий уровень их осведомленности. Помимо этого, наблюдается существенная усталость населения от политической борьбы - – явка на последние выборы в Жогорку Кенеш (2021-2022 г.) составила 28,36%, а на выборах президента и референдуме по изменению Конституции – 39,75% (2021 г.)[466].

---

[464] Ex. Reynolds A., Reilly B., Ellis A. Electoral System Design: The New International IDEA Handbook. - Stockholm: International IDEA, 2005; Horowitz D. Electoral Systems: A Primer for Decision Makers // Journal of Democracy. 2003. - № 14 (4). - P. 115-127; Cox G. Making Votes Count: Strategic Coordination in the World's Electoral Systems. - Cambridge: Cambridge University Press, 1997. – URL: https://doi.org/10.1017/CBO9781139174954 (accessed: 08.01.2023)

[465] Кыргызская Республика, Парламентские выборы, 28 ноября 2021 г. Заявление о предварительных выводах и заключениях / Международная миссия БДИПЧ ОБСЕ по наблюдению за выборами. – URL: https://www.osce.org/files/f/documents/3/e/505942_0.pdf (дата обращения: 28.12.2022)

[466] По словам международных наблюдателей, конкурентным парламентским выборам в Кыргызстане не хватило значимой вовлеченности избирателей / Бюро по демократическим институтам и правам человека ОБСЕ. - 29.11.2021. – URL: https://www.osce.org/ru/odihr/elections/505852 (дата обращения: 28.12.2022)

Таблица 9. Типы электоральных систем[467]*:*

Электральные системы	Плюральные/ мажоритарные	Победитель получает все
		Блоковая система голосования (представительная)
		Партийная блоковая система голосования
		Альтернативный голос
		Система абсолютного большинства (2 тура)
	Смешанные	Голосование по партийным спискам
		Паралелльные системы
	Пропорциональное представительство	Списочное пропорциональное представительство
		Система единого передаваемого голоса
	Другие	Система единого непередаваемого голоса
		Система ограниченных голосов
		Правило Борда

Составлено по: Reynolds A., Reilly B., Ellis A. Electoral System Design: The New International IDEA Handbook. - Stockholm: International IDEA, 2005.

[467] Reynolds A., Reilly B., and Ellis A. Op.cit.

Ключевыми элементами избирательной системы являются:

- электоральная формула (мажоритарная, пропорциональная и пр.)
- структура бюллетеня (выбор кандидата, партии, выражение единственного предпочтения или множественных, открытые/закрытые списки и пр.)
- нарезка на округа и распределение мандатов.

Двумя основными вопросами в выборе электоральной формулы, которые оказывают влияние на конструирование избирательной системы[468], являются (1) уровень централизации власти (унитаризм, федерализм или другие варианты) и (2) система власти – президентская или парламентская.

Киргизия несколько раз меняла электоральные системы, переходя с мажоритарной (до 2000 г.) на смешанную (до 2003 г.), затем на мажоритарную (с 2003 по 2007 г.) и снова на пропорциональную (с 2007 до 2021 г.). Нарезка округов, избирательные пороги и прочие параметры также постоянно менялись. В настоящий период установлена смешанная система.

Теоретическое объяснение перемен, происходящих в электоральной сфере, в неожиданном ракурсе дает Ч. Буа[469]: электоральные системы являются результатом стратегических решений правящих партий, которые имеют своей целью снизить риски и закрепить свой статус. То есть, казуальная связь между партиями и электоральной системой оказывается обратной. До тех пор, пока существующая система будет выгодна этим партиям и их лидерам, она будет сохраняться. Если же на арену выходят новые партии, а старые теряют поддержку, она будет меняться.

В контексте последних выборов в КР, когда наиболее устойчивые партии не прошли в парламент по новой электоральной системе, а молодые и практически неизвестные получили голоса избирателей, эта точка зрения представляется аргументированной и указывает на перераспределение властных ресурсов между партийными лидерами и представителями исполнительной власти (в частности, новым президентом), а также о растущем потенциале новой дестабилизации.

---

[468] См. Приложение 9. Критерии для выбора избирательной системы.

[469] Cit. ex.: Avcu S.A. Fragmentation of Political Party System in Kyrgyzstan // Central Asia and the Caucasus. - 2013. - № 14 (2). – P. 78-92.

В первую очередь киргизскому обществу важно решить проблему недопредставленности в Жогорку Кенеш части этнокультурных групп, смягчить разделение партий по оси «север – юг» и обеспечить стабильный состав парламента, который мог бы эффективно функционировать на протяжении своего срока. Обеспечить связь между избирателями и их представителями в парламенте представляется критически важным.

Параллельные системы (тип комбинированных, или смешанных систем[470]) являются не лучшим вариантом для репрезентации меньшинств и женщин, так как мажоритарный компонент в целом не обеспечивает равноценного представительства групп во власти, то есть пропорциональное представительство по спискам, как отмечалось выше, не компенсирует диспропорции в результате выборов в мажоритарных округах.

Следовательно, вариант списочного пропорционального представительства (ПП), какими бы ни были его варианты, оказывается наиболее оптимальным для социально-политических реалий Киргизии. Преимуществом системы является более высокая возможность для этнических групп быть представленными в парламенте за счет сбалансированных списков кандидатов[471].

К недостаткам системы относят разрыв связей между населением и его представителями: обычно избирательные округа достаточно крупные, а шансы кандидатов быть избранными зависят от их позиции в списке; поэтому они стремятся угодить лидерам партии, а не своим избирателям[472]. Этого можно избежать, если внимательно проработать ее параметры. Оптимизировать систему можно через:

1. высокий или низкий заградительный барьер для партий;
2. нарезку округов
3. форму списков: закрытые, открытые или свободные (панаширование);
4. выбор метода наибольшего или среднего остатка при распределении оставшихся мандатов.

---

[470] Иванченко А.В., Кынев А.В., Любарев А.Е. Пропорциональная избирательная система в России: история, современное состояние, перспективы. - 2005. – URL: http://lyubarev.narod.ru/book-PES.html (дата обращения: 06.11.2022)

[471] Lijphart A. Double-checking the Evidence // Journal of Democracy - 1991. - № 2 (3). - P. 42-48.

[472] Horowitz D. Electoral Systems: A Primer for Decision Makers // Journal of Democracy. 2003. - № 14 (4). - P. 115-127.

Заградительные барьеры в Киргизии постоянно менялись: в 2005 г. общенациональный барьер составил 5%, в 2007 г. был введен региональный 0,5%, в 2015 г. общенациональный порог был повышен до 7%, а региональный – до 0,7%, последние выборы прошли с барьерами в 5 и 0,5% соответственно.

В целом проблема с электоральным порогом в Киргизии заключается в том, что он высчитываются на основе числа зарегистрированных избирателей, а не реальных показателях явки, т.е. без учета показателей миграции, что фактически означает более высокий порог для получения партией мест в парламенте – более 7%.

Есть мнение, что повышение порога, направленное на устранение большого количества мелких партий и предупреждение фрагментации партийной системы, негативно сказывается на представительстве интересов меньшинств или женщин во власти. Однако в разделенном обществе это касается только партий, представляющих менее крупные сегменты. Проблемой является и сокращение мест в киргизском парламенте со 120 до 90, что снижает возможность представительства групп меньшинств.

Высокий порог (более 10%) опасен тем, что ведет к исключению малочисленных партий, но и слишком низкий порог (1,5%) может стать причиной нестабильности при формировании правительства. Одной из угроз, о которой говорит Я. О'Флинн, является то, что при пропорциональной системе, которая предоставляет группам меньшинств доступ к власти при крупной нарезке избирательных округов, наблюдается рост радикализма, шовинизма и ксенофобии[473]. Происходит это часто потому, что партии меньшинства используют радикальную риторику, чтобы расширить электорат, а более крупные и в целом умеренные партии вынуждены играть по их правилам, в результате чего после выборов не могут отказаться от данных ранее обещаний. Коалиция также может страдать от того, что партия меньшинства будешь лишь изображать попытки компромисса, но на деле будет пытаться подорвать авторитет всего правительства[474]. Плюсом более высокого порога является более стабильное правительство при более крупных партиях или стабильных коалициях.

---

[473] Цит. по: Кудряшова И.В. Как обустроить разделенные общества // Политическая наука. – 2016. - №1. – С.22.

[474] O'Flinn I. Divided Societies and Deliberative Democracy // British Journal of Political Science. - London, 2007. - № 37 (04). - Pp. 731–751.

Если не ставить избирательный порог выше 5%, то, как предупреждал Лейпхарт, пропорциональная система приведет к дестабилизации коалиционного правительства[475]. По мнению БДИПЧ ОБСЕ, наличие двойного порога (и общенационального, и регионального) ставит под угрозу саму цель системы пропорционального представительства[476].

Представляется, что единственный республиканский порог в 9% будет отражать реальное соотношение сил в стране при низкой явке и высокой трудовой миграции, что должно сохранить представительство этнических меньшинств с помощью закрепленных квот, но при этом будет отсекать совсем маленькие партии.

В идеальном случае при пропорциональной системе в Киргизии должны быть многомандатные избирательные округа, сформированные на базе территориального деления с учетом фактически проживающего населения, чтобы отражать интересы этнокультурных групп как севера, так и юга. Если говорить о так называемой магнитуде округа, то есть о количестве представителей, избираемых от каждого из них, то чем больше будет их число, тем более пропорциональным будет результат, поэтому было бы целесообразно снова увеличить число парламентариев до 120 человек. Если число кандидатов от округа менее 10, это будет повышать внутрипартийную соревновательность, ослаблять внутрипартийную сплоченность, подрывать выживаемость внутрипартийной коалиции и в результате приводить к клиентелистским отношениям между лидерами партии и ее членами, непотизму и коррупции[477]. То есть, увеличивая число кандидатов от округов, можно снять эти проблемы и повысить качество самих партий. Более того, при относительно больших округах партии могут выдвигать кандидатов из групп этнического меньшинства, сбалансировав список так, чтобы увеличить свои шансы на избрание при существующих квотах[478].

Форма списков также имеет принципиальное значение. Открытые списки стимулируют кандидатов вести борьбу за закрепление собственных позиций, поэтому партийная дисциплина снижается, партии слабеют, а партийная фрагментация и внутренняя соревновательность растут.

---

[475] Lijphart A. Patterns of Democracy. – New Haven, CT: Yale univ. press, 1999. – 351 p.

[476] Kyrgyz Republic Parliamentary Elections, 10 October, 2010 // OSCE ODIHR Election Observation Mission. – Warsaw, 04.10.2015. – URL: https://www.osce.org/odihr/elections/kyrgyzstan/189401?download=true (accessed: 28.12.2022)

[477] Buben, R., Kouba K. Proportional Representation, Large District Magnitude and Closed Lists // World Political Science. - 2017. - № 13. – DOI: http://dx.doi.org/10.1515/wps-2017-0007 (accessed: 26.12.2022)

[478] Reynolds A., Reilly B., Ellis A. Op. cit. – P.110

В настоящий период в Киргизии действуют открытые списки[479], однако представляется, что закрытые списки[480] были бы более обоснованным выбором. В этом случае внутрипартийная соревновательность и фрагментация снижаются, и партия становится для кандидата единственным возможным механизмом политического продвижения и выполнения предвыборных обещаний. Плюсом для управления этнополитическими рисками может стать то, что при формировании закрытых списков необходимо выдвигать предусмотренных квотами кандидатов на первые позиции, благодаря чему они будут представлены в парламенте. Таким образом, закрытые списки и квоты в совокупности дают более высокий процент репрезентации групп меньшинств в органах власти[481]. Учитывая имеющее место «выпадение» кандидатов из групп меньшинств и женщин сразу после регистрации списков, необходимо уделить этому вопросу первоочередное внимание. Минус закрытых списков – коррупционные риски, так как для отдельных кандидатов попадание на «проходную позицию» будет зависеть от решения партийных лидеров, что тяжело контролировать как избирателям, так и представителям оппозиции[482].

Также голосование должно оставаться удобным и понятным для электората. Учитывая низкую явку, это является существенным фактором для выбора избирательной системы: сложных систем, как представляется, стоит избегать. Панаширование (свободные списки[483]) представляется непростым форматом, так как избиратель выбирает кандидатов из разных партий; для осознанного выборы необходимы устойчивая партийная система, гражданская политическая культура и готовность избирателей изучать правила голосования, которые в Киргизии отсутствуют.

Наконец, от избирательной системы в значительной степени зависит партийная система. Некоторые избирательные системы способствуют формированию и укреплению политических партий, другие дают шанс пройти во власть независимым кандидатам. Например, если в стране существует пропорциональная система с голосованием по закрытым спискам, лидеры партий будут иметь больше влияния внутри самих партий, ранжируя кандидатов в списках. При этом

---

[479] Конституционный закон Кыргызской Республики «О выборах Президента КР и депутатов Жогорку Кенеша КР» от 2011 г. Ст.30.

[480] Избиратель голосует за весь список, предложенный партией, не имя возможности повлиять на порядок, в котором представлены кандидаты.

[481] Доклад о влиянии избирательных систем на представительство женщин в политике / Европейская комиссия за демократию через право (Венецианская комиссия). - Страсбург, 16.06.2009. – URL: https://www.venice.coe.int/webforms/documents/default.aspx?pdffile=CDL-AD(2009)029-rus (дата обращения 28.12.2022)

[482] Там же.

[483] Избиратель обладает высоким уровнем осведомленности и может голосовать за кандидатов из разных списков.

члены партии будут скорее подотчетны не избирателям, а руководству партии. Мажоритарные системы в таком случае будут давать обратный результат, так как они продвигают отдельно взятого кандидата, а сама партия остается скорее в тени[484].

Проблема неустойчивой партийной системы, а также очень большого числа партий обнаруживается во многих странах. Г. Кокс[485], например, считает, что число партий в партийной системе зависит от взаимодействия электоральных и социальных структур, а не только от плюрального или пропорционального типа системы[486]. Еще одним фактором является электоральный вес кандидата: участие популярных политиков ведет к росту внутрипартийной соревновательности и повышению уровня фрагментации при любой системе – мажоритарной или нет[487]. Такая проблема особенно остро стоит в тех государствах, где партии выступают в качестве персональных механизмов продвижения во власть и не имеют ни связанной программы, ни социальных корней. Как уже упоминалось, проблема Киргизии заключается не в недостатке партий, а в их слабой организационной структуре и отсутствии четкой программы и цели. Казавшийся стабильным набор более крупных партий, которые могли бы сделать систему более устойчивой, снова рассыпался к 2021 г.

Основными проблемами, как отмечалось, является то, что подвижки в этом направлении объективно затруднены невысоким качеством партийной жизни и работы парламентских фракций, что дает основания А. Доолоткельдиевой и А. Уолтерсу классифицировать парламентаризм в Киргизии как «пустотелый» *(“hollow”)*[488].

Проблема установления стабильной партийной системы напрямую связана с консолидацией границ. Национализация политики[489] работает через формирование национально-территориального государства. Этот процесс может происходить через партийные системы,

---

[484] Там же.

[485] Cox G. Op. cit.

[486] Grofman, B., Bowler S., Blais A. Duverger’s Law of Plurality Voting: The Logic of Party Competition in Canada, India, the United Kingdom and the United States. - New York: Springer, 2009. – 165 p.

[487] Hallerberg, M., & Marier, P. Executive Authority, the Personal Vote, And Budget Discipline in Latin American and Caribbean Countries // American Journal of Political Science. - 2004. - № 48 (3). – P. 571–587.

[488] Doolotkeldieva A., Wolters A. Uncertainty Perpetuated? The Pitfalls of a Weakly Institutionalized Party System in Kyrgyzstan // Central Asian Affairs. - 2017. - № 4 (1). - P. 26-50.

[489] Карамани Д. Национализация политики: формирование национального электората и партийных систем в Западной Европе / Е.Ю. Мелешкина // Политическая наука. - 2008. - № 4. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/karamani-d-natsionalizatsiya-politiki-formirovanie-natsionalnogo-elektorata-i-partiynyh-sistem-v-zapadnoy-evrope-referat (дата обращения: 30.12.2022).

которые формируются, как писал С. Роккан, только когда полностью закрываются границы[490](население обращает свои ожидания к центру и более не видит «своего» за пределами государства). Однако в случае Киргизии существует не только проблема консолидации границ, но и проблема высокой трудовой миграции, т.е. фактически отсутствующего населения.

В настоящее время в Киргизии используются квота Хэра[491] и метод наибольшего остатка при распределении оставшихся из 90 мандатов: «Центральная избирательная комиссия подсчитывает сумму голосов избирателей, поданных по единому избирательному округу за списки кандидатов политических партий, получивших 5 и более процентов голосов избирателей, принявших участие в голосовании, в целом по республике; 0,5 и более процентов голосов избирателей, принявших участие в голосовании, по каждой области, городам Бишкек и Ош. Эта сумма голосов избирателей делится на 54 - число депутатских мандатов, распределяемых по единому избирательному округу. Полученный результат есть первое избирательное частное (квота для получения одного мандата)»[492].

Также считается, что квота Хэра и наибольшего остатка обеспечивает достаточно высокую точность в пропорциональном представительстве по сравнению, например, с методом д'Онта или методом Сент-Лагю[493]. Представляется, что переход на другой метод распределения остатков или иной перевод голосов в депутатские места не является целесообразным.

Смена пропорциональной системы на смешанную выглядит не лучшим вариантом, так как может повлечь за собой рост политической нестабильности из-за сужения возможностей сбалансированного представительства этнокультурных групп.

Деление на несколько многомандатных округов является принципиальным для более полноценного представительства. Реальная конкуренция и увеличение избирательного порога до 9% могли бы способствовать росту партийной институционализации. Закрытые партийные списки могут помочь преодолеть разрыв между избирателями и парламентариями и повысить подотчетность депутатов за счет неформального закрепления кандидатов за округами. Введение

---

[490] Роккан С. Центр-периферийная полярность // Политическая наука. - 2006. - № 4. - С.73-101.

[491] Иванченко А.В., Кынев А.В., Любарев А.Е. Пропорциональная избирательная система в России: история, современное состояние, перспективы. - 2005. – URL: http://lyubarev.narod.ru/book-PES.html (дата обращения: 06.11.2022)

[492] Конституционный закон Кыргызской Республики «О выборах Президента КР и депутатов Жогорку Кенеша КР» от 2011 г. Ст. 64, п. 3.

[493] Иванченко А.В., Кынев А.В., Любарев А.Е. Указ. соч.

заградительного барьера по регионам, а также по г. Ошу и г. Бишкеку, не является необходимым, так как снижает пропорциональность всей системы.

3.3. Институциональный пакет мер с «сильной властью»

3.3.1. Исполнительная власть и контроль над правительством

Приведенный выше подробный анализ применимости консоциативной модели в условиях КР обусловлен тем, что долгое время она рассматривалась как идеальная и единственно верная в нормативном ключе для многосоставного общества. Однако, несмотря на привлекательность такой комплексной модели, к ней необходимо относится с крайней осторожностью, учитывая киргизскую действительность.

Опираясь на данные, выходящие за пределы изначальных исследований по эффективности консоциации, Дж. Селвей и К. Темплеман[494] пришли к выводу, что четкая корреляция между репрезентативными моделями и снижением конфликтного потенциала разделенных стран отсутствует. По их мнению, электоральные системы с пропорциональным представительством не подходят для разделенных обществ и даже, напротив, способствуют повышению конфликтности. Что касается федерализма, то он, действительно, больше способствует снижению этнополитической конфликтности, чем унитарные системы, но только в развитых демократиях. В разделенных обществах комбинация парламентаризма, пропорционального представительства и федерализма усиливает перспективы политического насилия, а также способствует нарастанию центробежных тенденций. Авторы выделяют два основных индикатора эффективности/неэффективности консоциации: уровень экономического развития и степень гетерогенности/разделенности общества. Другими словами, не существует идеального универсального консоциативного механизма, который подходил бы для всех разделенных обществ вне зависимости от степени их этнокультурной гетерогенности и наличия ресурсной базы, поэтому подход к управлению этнополитическими рисками должен определяться не заявлениями о движении к демократии, но глубиной и характером расколов, а также экономическими возможностями.

---

[494] Selway J., Templeman K. Op. cit.

На данный момент в Киргизии два ключевых индикатора – экономика и глубина этнокультурных расколов – сигнализируют о неблагополучии, поэтому предлагается рассмотреть альтернативный вариант институционального управления этнополитическим рисками – вариант с «сильной центральной властью», необходимый для укрепления политического центра и снабжения его ресурсами для сохранения политического контроля и проведения реформ.

Эта ступень может стать промежуточной на пути к построению репрезентативной и более демократической модели, однако представляется необходимой для обеспечения политической стабильности на настоящем этапе, длительность которого будет зависеть от экономической состоятельности государства. Основным залогом успеха здесь видится осознанное отношение правящей элиты к реализации властных полномочий и ее стремление работать над решением проблемы этнополитических рисков, а не получить доступ к ресурсам в краткосрочной перспективе. Многие ученые, например, О'Флинн или Р.С. Ласкин, тоже отмечают, что одним из самых важных факторов в постконфликтных условиях является принцип «взаимного признания разумности», когда появляется общее согласие народа положить конец насилию[495].

На настоящий момент это условие также труднодостижимо, учитывая, что на протяжении периода независимости киргизские элиты, руководствуясь в значительной степени партикулярными интересами, не сформировали реалистичной концепции развития страны. Так, например, с момента получения независимости главной задачей для Киргизии было преодоление бедности, что обернулось деятельностью по привлечению любыми способами дотаций и грантов. США, в частности, испытывая необходимость в безопасном хабе (в первую очередь для обеспечения нужд антитеррористической коалиции в Афганистане), выделили Киргизии с 1992 по 2004 г. около 750 млн долларов на развитие гражданского общества и демократических институтов[496], однако средства были использованы не для реализации декларируемых задач: подобные доходы рассматриваются правящей элитой только в контексте дополнительных ресурсов для реализации партикулярных целей[497].

По мнению автора, роль реформатора, способного осуществить реальные шаги по стабилизации и повышению эффективности государственных институтов, включая управление

---

[495] Цит. по: Кудряшова И.В. Как обустроить разделенные общества // Политическая наука. – 2016. - №1. – С. 27.

[496] Nichol J. Coup in Kyrgyzstan: Developments and Implications // CRS Report for Congress. – 14.04.2005. – P.9 – URL: https://www.fas.org/sgp/crs/row/RL32864.pdf. (дата обращения: 26.07.2023)

[497] Akchurina V. Kyrgyzstan and intermingling of elites... – P. 320.

этнополитическими рисками, может взять на себя харизматичный политик[498], действительно готовый бороться за консолидацию киргизского общества.

Несмотря на преобладающее предвзятое отношение к президентским системам[499], унитаризму и сильной централизированной власти[500], примеры разделенных стран, которые добились стабильности именно при режиме с «сильной властью», достаточно многочисленны – среди них можно выделить случай Индонезии, разделенной по религиозному, этническому и языковому принципу (страна насчитывает более 700 разных языков и диалектов[501]).

При этом в Киргизии, несмотря на неоднократное изменение форм правления в ходе политических реформ, доминирующим актором на политической арене был и остается президент, так как при любом формальном распределении властных ресурсов, например, введении парламентской модели, через неофициальные каналы происходит перераспределение полномочий в пользу наиболее укорененного института. Таким образом, парламентские или смешанные формы правления являются по сути симулякрами[502] той единственной системы, которую можно характеризовать как атипичную, если воспользоваться классификацией О.И. Зазнаева, или гибридную, если брать за основу матрицу Шугарта и Кэри[503]. Таким образом, до конституционного референдума 2021 г. это была полупрезидентская система с элементами президенциализма, а после референдума – президентская с элементами квазипарламентаризма, так как после расширения полномочий президента роль парламента в системе разделения властей была значительно ослаблена (см. п. 2.3.3).

Предлагаемая в рамках оптимального для КР варианта консоциации премьер-президентская система уже тестировалась в стране в соответствии с Конституцией в редакции 2016 г. Смешанная система должна была способствовать не только ограничению власти президента, но и развитию партийной дисциплины, повышая жизнеспособность коалиций в законодательном органе. Однако сохранение конфликтного потенциала между представляющими разные партии

---

498 Вебер М. Типы господства // Личность. Культура. Общество. - 2008. - Вып. 1 (40). – URL: https://iphras.ru/uplfile/reznik/sovet/bibl/1/Weber7.pdf (дата обращения: 10.11.2022)

499 Linz J. The Perils of Presidentialism // Journal of Democracy. - 1970 - №. 1 (1). - P. 51-69.

500 Mainwaring S. Op. cit.

501 Selway J., Templeman K. Op. cit.

502 Бодрийяр Ж. Симулякры и Симуляции. – М.: Изд.дом «ПОСТУМ», 2015. – 240 с.

503 Зазнаев О.И. Атипичные президентские и полупрезидентские системы // Ученые записки Казанского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2005. – Т. 147. – Кн. 1. – С. 56.

президентом и премьер-министром, а также фрагментированность и слабость партийной системы как таковой в итоге привели к восстановлению традиционного статус-кво через переходк президентской системе.

О.И, Зазнаев также отмечает, что выбор формы правления в разделенных обществах является сложной задачей, так как влияние неинституциональных факторов (под которыми имеются в виду неформальные институты) велико и часто непредсказуемо как в отрицательном смысле, когда они подрывают официальные институты и практики, так и в положительном, когда они сглаживают недостатки отдельных форм правления. Он также эмпирически подтверждает, что выбор президентской системы является предпочтительным для этнокультурно разделенных обществ, так как способствует укреплению центростремительных сил и официальных институтов[504].

Центростремительные тенденции, обусловленные таким форматом институционального дизайна, способны обеспечить более стабильное и устойчивое развитие всей политической системы. Эффективная президентская власть может решить такие проблемы, как слабая и фрагментированная партийная система и «пустотелый» парламентаризм, и будет способствовать более эффективному обеспечению населения ресурсами[505]. Также при кризисном урегулировании одним из наиболее востребованных управленческих качеств является способность проводить решения быстро и эффективно, избегая паралича правительства или распада коалиционного большинства, что так часто случается в Жогорку Кенеше.

Представляется, что в условиях хронической политической нестабильности наиболее оптимальным решением для Киргизии будет эволюция к президентской системе с элементами реального парламентаризма, а конкретно – механизмом участия законодательного органа в выборах президента. Так, О.И. Зазнаев приводит пример Боливии, где при двух лидирующих кандидатах, в случае если ни один из них не набирает большинства голосов, проводится не второй тур, а выборы обеими палатами конгресса, при этом президент и вице-президент избираются отдельно. Подобный подход помогает укрепить коалиционные договоренности в парламенте на базе межпартийных соглашений, а также гармонизирует отношения между законодательной и исполнительной властью, так как президент оказывается «зависимым от коалиционных

---

[504] Этнические аспекты политических институтов и процессов: монография / под ред. О.И. Зазнаева, М.Х. Фарукшина. – Москва; Берлин: Директ-Медиа, 2021. – С. 6.

[505] Alesina A., Devleeschauwer A., et al. Fractionalization // Journal of Economic Growth. - 2003. - № 8 (2). – P. 155–194.

соглашений при назначении кабинета в обмен на голосование за его кандидатуру»[506]. Президент и правительство, однако, не подотчетны парламенту и не находятся под угрозой «вотума недоверия», а также президент может смещать и назначать министров.

Подобные институциональные решения помогают справиться со слабостями чисто президентской системы, формируя умение заключать компромиссы и поддерживать жизнеспособные коалиции, а также способствуют макроэкономической стабилизации[507], что представляется особенно важным в случае Киргизии. В свою очередь более устойчивые коалиции будут побуждать к сделкам представителей разных территориальных областей, помогая преодолеть клановый формат политики.

3.3.1. Избирательная система

Пропорциональное представительство, предлагаемое в консоциативной модели, может открыть доступ во власть экстремистским партиям, не говоря уже о популистских, которые не являются для Киргизии редкостью. Это так называемые партии с «единственной задачей», продвигающие ригидную идеологическую повестку, далекую от общественных нужд, или антисистемные партии, старающиеся свергнуть режим[508], что прямо коррелирует с устойчивостью политической системы[509]. Вывод о том, что экстремистские партии чаще всего приходят к власти в глубоко разделенных обществах при системе пропорционального представительства, подтверждает Дж. Пауэлл[510].

Президентство при мажоритарной системе способствует упрочению власти президента, так как партий в парламенте будет представлено меньше, а значит, и оппозиции будет сложнее влиять на принятие решений. Институт за демократию и содействие выборам (IDEA International), в частности, отдельно предупреждает, что при таком сочетании значительная власть, принадлежащая напрямую избранному президенту, с использованием плюрального метода в

---

[506] Зазнаев О.И. Атипичные президентские и полупрезидентские системы… С. 57.

[507] Там же, С. 58.

[508] Powell G. B. Contemporary Democracies: Participation, Stability, and Violence. - Cambridge: Harvard University Press, 1982. – P.92-96.

[509] Duverger M. Political Parties: Their Organization and Activity In the Modern State. - New York: John Wiley and Sons, 1954. – 439 p.

[510] Powell G. B. Op. cit. - P. 92-96.

этнически разделенной стране (где ни одна из групп не имеет абсолютного большинства), будет создавать взрывоопасную ситуацию. Это и нашло свое отражение в Киргизии, когда в 2003 г. была введена мажоритарная система выборов[511].

Тем не менее, Горовиц предлагает опираться в разделенных обществах на мажоритарные системы с альтернативным голосом и одномандатные избирательные округа. Система альтернативного голоса способствует избранию более умеренных кандидатов, мажоритарная система в целом может способствовать созданию более крупных, «полиэтнических» партий, способных привлекать большее число избирателей. Такие партии тоже были известны в Киргизии – это, например, «Ата-Мекен». Электоральные системы, нацеленные на формирование пропрезидентского большинства в законодательном собрании[512], будут также содействовать формированию двухпартийной системы вместо многопартийной раздробленности[513], что может обеспечить большую стабильность президентских режимов.

Однако при наличии президентской системы с механизмом непрямых выборов президента, которая была рассмотрена выше как вариант формы правления, введение мажоритарной системы относительного большинства, не предусматривающей проведение второго тура голосования, представляется противоречивым шагом. В связи с этим мажоритарная система абсолютного большинства выглядит более подходящей.

Несмотря на существующие недостатки, например, зависимость системы от нарезки избирательных округов, она имеет очевидные преимущества: является простой для понимания избирателями и удобной для проведения выборов; учитывает мнение большего числа избирателей, так как победивший кандидат должен набрать число голосов не ниже определенного минимума[514]; обеспечивает участие не только партий, но и отдельных независимых кандидатов-самовыдвиженцев; снижает потенциальные затраты на проведение второго тура президентских выборов за счет проведения голосования в Жогорку Кенеше. Учитывая, что этнокультурные группы в КР проживают компактно и имеют территориальную привязку к определенным регионам, парламентское представительство при такой системе будет более справедливым, чем в

---

[511] Reynolds A., Reilly B., and Ellis A. Op.cit. P.24.

[512] Jones M. P. Electoral Laws and the Survival of Presidential Democracies. - South Bend: University of Notre Dame Press, 1995. – 246 p.

[513] Mainwaring S. Op. cit.

[514] Попова А.В., Трусова А.С. Мажоритарная избирательная система: плюсы и минусы / А.В. Попова, А.С. Трусова // Научный альманах. – 2015. – № 9 (11). – С. 1243.

случае, если бы они были разбросаны по всей стране[515]. Также такие недостатки, как голосование за кандидата с большей выживаемостью, чем за аутсайдера, может привести к формированию более устойчивой и менее фрагментированной партийной системы. В совокупности с президентской системой с механизмом непрямых выборов в случае второго тура выбор в пользу мажоритарной системы абсолютного большинства позволит значительно сократить расходы на выборы, а также сохранить подотчетность двух ветвей власти и обеспечить легкость для понимания со стороны электората.

3.4. Территориальное устройство

Киргизия в настоящее время является унитарным государством, однако его политический центр, как было показано ранее, не консолидирован: Бишкек считается «северной» столицей, Ош представляет мощный центр притяжения для южных регионов. Реальностью остается неравномерное и при этом компактное проживание этнических меньшинств на территории страны и клановый раскол по региональному делению «север – юг».

Учитывая существующие проблемы с официальным признанием этих особенностей, переход к федеративному устройству мог бы способствовать смягчению этнокультурной разделенности, что также найдет свое отражение в изменении электоральных практик. Тем не менее, такое решение видится достаточно неоднозначным.

В соответствии с консоциативной моделью для разделенных обществ с компактно проживающими этническими группами федерализм считается «лучшей системой для получения автономии»[516]. Однако в более широких исследованиях по институциональному дизайну территориального устройства отмечается, что данные, указывающие на постоянную связь между федеральным устройством и снижением этнополитической конфликтности, неоднозначны[517]: федеративная система в условиях разделенного общества с неконсолидированными границами может усилить центробежные тенденции и закрепить существующие этнополитические

---

[515] Horowitz D. Electoral Systems: A Primer for Decision Makers… P. 115-127.

[516] Lijphart A. Constitutional Design for Divided Societies // Journal of Democracy. – 2004. – № 15 (2). – P. 104.

[517] Cohen F. Proportional versus Majoritarian Ethnic Conflict Management in Democracies // Comparative Political Studies. - 1997. - № 30 (5). - P. 607-630; Democratization, Political Institutions, and Ethnic Conflict: A Pooled Time-Series Analysis / Saideman S., Lanoue D.J., Campenni M. et al. // Comparative Political Studies. 2002. - № 35 (1). - P. 103-129.

расколы[518]. Нет однозначных выводов о том, в какой степени федерализм способен оказывать влияние на конфликты, так как положительный или вообще любой результат может быть следствием работы других механизмов, вовсе не связанных с федерализмом[519]. Более того, существуют исследования, доказывающие обратный эффект влияния федерализма на политическую стабильность: его негативный эффект возрастает в ситуации, когда этнические группы проживают ограниченно в рамках одного региона[520]. Чем компактнее проживают этнические группы, тем большие проблемы будет испытывать федерация: широкая автономия усиливает этническую идентичность, закрепляя ее в формате «свой – чужой» внутри государства.

Подобные негативные эффекты федерализма могут проявиться при таких обстоятельствах, как: осторожность лидеров центральной власти, боящихся потерять поддержку большинства в случае политических сделок с региональными элитами; вмешательство в конституцию или длительная работа по созданию новой законодательной базы; опасность сецессии, особенно в регионах, которые расположены на границе с государством, где национальность соответствующей этнической группы является титульной, как в случае с узбекской общиной в Киргизии; мобилизация других этнических групп и расширение их властных притязаний и др.[521]

Д. Горовиц, который также критично высказывался об институционализации размежеваний, считает, что любое формальное закрепление границ и «укрепление расколов» лишь подрывает стабильность, особенно при глубоких, а не поверхностных расколах[522]. Опасной тенденцией является и то, что большинство, фактически контролируя все властные структуры в субъектах федерации, не будет иметь стимула к поиску компромиссов с меньшинством[523]. При этом при наличии жестких гарантий в системе консоциативного типа меньшинство может спровоцировать иммобилизацию всей политической системы.

---

[518] Hardgrave R. L. India: The Dilemmas of Diversity // Journal of Democracy. - 1993. - № 4. - P. 54-68; Kymlicka W. Finding Our Way: Rethinking Ethnocultural Relations in Canada. – Oxford: Oxford University Press, 1998. – 220 p.

[519] Напр., см. Bermeo N. The Import of Institutions // Journal of Democracy. – Baltimore: The Johns Hopkins University Press, 2002. - № 13 (2). – P. 96–110.

[520] Selway J., Templeman K. Op. cit.

[521] Сидоренко А. В., Грибанова Г. И. Федерализм и разрешение этнополитических конфликтов в современном обществе // ПОЛИТЭКС. – 2007. – № 3 (3). – С. 5-25.

[522] Horowitz D. The Many Uses of Federalism // Drake Law Review. - 2007 - № 55 - P. 953-966. – URL: https://scholarship.law.duke.edu/faculty_scholarship/1855 (accessed: 29.12.2022)

[523] Сидоренко А.В., Грибанова Г.И. Указ соч.

С одной стороны, все эти опасения выглядят в случае КР крайне актуальными. С другой стороны, сложные отношения центра с Джелал-Абадской и Ошской областями объясняются в том числе и тем, что ранее звучавшие призывы к широкой автономии властью были проигнорированы, хотя эти регионы наиболее плотно заселены узбеками.

Существуют два основных подхода к пониманию федерализма: структурно-функциональный подход и теория рационального выбора[524]. При первом эффективность федерализма зависит от точности и адекватности распределения властных ресурсов между этнокультурными сегментами, чем и будет определяться результат переговорного процесса. При втором федеративная система является своего рода «конституционной сделкой»[525], при этом аскриптивные характеристики могут быть как факторами, облегчающими федеративное строительство, так и затрудняющими его. В результате политизация языка, этнического происхождения и истории будет неизбежной, и эти факторы станут своего рода предметом торга в переговорном процессе региональных элит с центром[526].

Автор опирается на теорию рационального выбора и рассматривает федерализм как институциональные каналы переговоров для сделок и договоренностей между региональными элитами. Сам процесс распределения власти между сегментами общества представляется в таком случае вторичным по отношению к механизмам институциональных переговоров и поискам компромиссов между центральной властью и регионами, а значит, согласованию политических действий между элитами.

С. Вольф обращает внимание на то, что сделки между различными группами будут эффективны лишь до тех пор, пока все участники будут сохранять заинтересованность в их поддержании, а значит, воспроизводить их снова и снова[527]. Устойчивые практики переговоров и согласования важных для сторон вопросов приведут в результате к самому важному фактору

---

[524] Ильченко М. С. Федеративные механизмы в разрешении этнических конфликтов: переговорный процесс за рамками формальных правил // Политическая наука. -- № 1. – 2011. - С. 172.

[525] Riker W.H. Federalism: Origin, operation, significance. - Boston: Little, Brown & Co, 1964. – P.2.

[526] Кудряшова И.В., Мелешкина Е.Ю. Этнические меньшинства и национальное строительство на постсоветском пространстве: к постановке исследовательской проблемы // Вестник МГИМО-Университета. – М., 2009. - №2(5). - С.45-55.

[527] Wolff S. Consociationalism, Power Sharing, and Politics at the Center // Oxford Research Encyclopedia of International Studies. – Oxford University Press, 2010. – URL: https://doi.org/10.1093/acrefore/9780190846626.013.65 (accessed: 08.01.2023)

управления этнополитическими рисками – тесному рабочему контакту и использованию формальных и неформальных каналов коммуникации.

Уместным примером является ситуация в Нигерии, где этноплеменные столкновения закончились, когда местные и центральные элиты приняли решение установить постоянный диалог, результатом которого стала институционализация ряда сделок и компромиссов. Одним из важных принципов, который им удалось закрепить, был принцип этнической ротации на ключевых местных и общегосударственных постах, в результате чего на пост президента пришел южанин Обасанджо, сменивший предшественника-северянина[528]. При такой ситуации федерализм является не просто формой распределения властных ресурсов, а скорее обеспечивает представительство разных этнических и религиозных групп в процессе принятия решений[529], что отвечает теории рациональности. Для обеспечения лучших условий для торга в стране была осуществлена перенарезка границ субъектов (что может представлять затруднения в Киргизии).

Даже при формальном определении страны как федерации возможно появление большей политической содержательности институциональных переговорных механизмов. Теория рационального выбора предполагает ситуативность достигнутых сделок и компромиссов, однако представляется, что при наращивании потенциала существующего переговорного канала правила игры станут более устойчивыми и будут самовоспроизводиться даже при смене элитных групп во власти.

Д. Элейзер, анализируя федерализм[530], обращает внимание и на такие необходимые условия для функционирования системы, как стремление к федеративному устройству, которое заложено в политической культуре. Учитывая сложный политический ландшафт Киргизии и особенности ее политической культуры (см. 3.1), представляется, что репрезентативность клановых групп в политике и доступ всех групп к ресурсам является весомым аргументом в пользу этого устройства.

Также одним из предлагаемых условий для создания федерации является двухпалатный законодательный орган. Проблема заключается в финансовых затратах на реформирование парламента и проведения дополнительного цикла выборов. Также верхняя палата чаще всего избирается на основе непрямого голосования, что может привести к перепредставительству

---

[528] Ильченко М.С. Указ.соч. С. 180.

[529] Adamolekun L., Kincaid J. The Federal Solution: Assessment and Prognosis for Nigeria and Africa // Publius. - 1991. - № 21 (4). – P. 178.

[530] Элейзер Д.Дж. Сравнительный федерализм // Политология: хрестоматия / ред. М.А. Василик; сост. М.С. Вершинин. – Москва: Гардарики, 2000. – С. 505-526

меньшинств. Двухпалатный парламент, однако, будет способствовать установлению новых каналов переговоров. Можно также вновь обратиться к примеру Боливии, где сенат формируется по смешанной системе, обеспечивая более адекватное представительство меньшинств во власти: 70 депутатов избираются в одномандатных избирательных округах по системе относительного большинства, из которых 7 округов являются отдельно отведенными для коренных народов, остальные 60 депутатов избираются на пропорциональной основе по партийным спискам.

Киргизия может сохранить существующее административное деление и поставить задачей укрепление не только центральной власти, но и местной. При существующей унитарной системе репрезентация этнических групп более точно отражается в выборах в местные кенеши. Например, в 2021 г. в наиболее пестрых регионах юга соотношение киргизов и узбеков в местных совещательных органах было следующее: Ош – 40 киргизов, 5 узбеков, Ошская область – 1591 и 317 соответственно, Джелал-Абадская область – 1421 и 204 соответственно, Баткенская область – 676 и 84 соответственно, плюс еще 33 депутата-таджика. По сравнению с Бишкеком, например, где 39 депутатов – киргизы, 4 депутата – русские, а узбеков – 0, состав местных органов власти лучше отражает этническое разнообразие регионов, но они не имеют политического веса для развития вертикальных каналов влияния на центральную власть.

Политические элиты КР осознают необходимость административно-территориальной реформы – разговоры о ней ведутся давно. Первые попытки были сделаны в 2007 г.[531]: предлагалось проведение реформы в три этапа для укрупнения административно-территориальных единиц и налаживания вертикальных структур соподчинения. Реформы, однако, не были реализованы в полной мере, часто решения отменялись и пересматривались. В результате подобных бессистемных, не доведенных до конца действий, административно-территориальное управление осуществляется неэффективно, существует дублирование и параллелизм органов управления, не осуществляется необходимая децентрализация, что ведет к высокому уровню коррупции[532].

---

[531] Указа Президента КР от 4 июля 2007 г. «О концептуальных подходах к реорганизации системы территориального устройства в Кыргызской Республике» / Континент справ.служба. – URL: https://continent-online.com/Document/?doc_id=30332817 (дата обращения 29.12.2022)

[532] Торогельдиева Б. М. Административная реформа как фактор повышения эффективности государственного управления в Кыргызстане // Развитие территорий. – 2019. – 2(16). – С. 28–32.

В 2012-2013 гг. была предпринята очередная попытка реформ[533]. На первом этапе были заявлены следующие цели[534]: повышение ответственности и эффективности на всех уровнях управления, финансовая децентрализация, доступность государственных и муниципальных услуг, создание кадрового запаса управленцев. Второй этап включал в себя упразднение одного из звеньев территориального управления - переход от формулы «республика-область-район-город/село» к трехступенчатой форме управления «республика-регион-город/село». Таким образом, реформа упраздняла область и район и вводила новое укрупненное образование, исторически характерное для данного общества, – аймак. Такие изменения могли бы сократить финансовые издержки на аппарат управления, повысить административный контроль и уменьшить возможности для коррупционных сделок. Реформа должна была быть осуществлена к 2017 г., однако сроки были перенесены на более поздние даты[535]; до сих пор отсутствует не формальный, а реальный координационный совет, который бы осуществлял мониторинг, а также выдвигал четкие цели и задачи этих трансформаций[536]. Подобная реформа могла бы быть представлена обществу как средство упорядочения неформальных структур и приведения к единому стандарту всей системы административно-территориального деления, что помогло бы установлению более официальных, предсказуемых и стабильных отношений между центральной властью и местными властями и их представителями.

Несомненно, переход к федерализму представляет собой сложную политическую задачу, однако даже при ассиметричном варианте федеративного устройства регионы, обладая определенной автономией, могут сформировать и нарастить институциональные горизонтальные механизмы для участия в общенациональных процессах принятия решений наравне с регулированием политического процесса внутри своих административных единиц. П. Кинг

---

[533] Постановление правительства КР «О внесении изменений в постановление Правительства КР «”О Концепции административно-территориальной реформы в КР”» от 28.11.2013. / Министерство юстиции Кыргызской Республики. – URL: http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/7589?cl=ru-ru (дата обращения: 29.12.2022)

[534] Постановление правительства КР «О Концепции административно-территориальной реформы в КР» от 23.03.2012 / Министерство юстиции Кыргызской Республики. – URL: http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/92981 (дата обращения: 29.12.2022)

[535] Парламентские выборы 2020: предложения по административной и территориальной реформе // Kabar (Кыргызское национальное информационное агентство). - 15.11.19. – URL: https://kabar.kg/news/parlamentskie-vybory-2020-predlozheniia-po-administrativnoi-i-territorial-noi-reforme/ (дата обращения: 29.12.2022)

[536] Положение о Координационном совете по реализации Концепции административно-территориальной реформы в Кыргызской Республике в ред. 2016 г. / Министерство юстиции Кыргызской Республики. – URL: http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/93911?cl=ru-ru (дата обращения: 29.12.2022)

отмечает уникальность федеративного устройства, которое предполагает, что центральные власти включают в процесс принятия решений региональные единицы на конкретно существующей конституциональной основе[537]. Другими словами, эти институциональные механизмы должны иметь конституционное закрепление и могут быть изменены только путем изменения конституции, что крайне важно в контексте создания системы гарантий, повышения доверия и сохранения достигнутых договоренностей между регионами и центральной властью. Автономия же по сути замыкается на регионе и в меньшей мере вписана в общенациональные процессы[538].

Федерализм действительно может дать больше институциональных гарантий для политически недопредставленных этнокультурных групп, а также закрепить механизмы взаимных гарантий между центром и регионами[539]. Еще одним плюсом видится расширение возможностей для представительства этнических групп в местных органах власти, что способствует предупреждению сецессии. Федерализм и пропорциональное представительство положительно влияют на то, чтобы обеспечить примирительный, а не соревновательный стиль поведения элит, умеренную многопартийность и равномерное развитие всех сегментов. Равномерное развитие административных единиц может способствовать преодолению существующего в КР географического дуализма, так же, как и введение двухпалатного парламента.

Однако при существующих глубоких этнокультурных расколах, непоследовательных и одновременно незавершенных административно-территориальных реформах, а также при отсутствии бюджетных средств для проведения широкомасштабных реформ федерализм представляется далеко не обязательным компонентом стабильности.

Другими словами, переход к федеративному устройству необходимо рассматривать со всей возможной осторожностью: важно не усилить и без того существующие центробежные тенденции, но включить в институционализированный торг с центром удаленных от него региональных акторов. Любая «перекройка» территорий субъектов может привести к очередной волне нестабильности, спровоцировать усиление экономического, социального и политического неравенства между субъектами[540].

---

[537] King P. Federalism and Federation. - L.: Croom Helms, 1982. – P.77.

[538] Сидоренко А.В., Грибанова Г.И. Указ. соч.

[539] Там же.

[540] Horowitz D. Ethnic groups in conflict.

3.5. Формирование гражданского общества и национальной идентичности

Национальное строительство в многосоставных обществах способно ослабить этнокультурные противоречия[541], предложив гражданам новый тип идентичности и способствуя развитию гражданских институтов. В начале 1990-х годов в результате распространения западного влияния, сопровождавшегося потоком донорских средств, в постсоветских странах все чаще стали говорить о необходимости строить гражданское общество, демократию и рыночную экономику по западному образцу. Сам по себе концепт гражданского общества был чужд кочевым народам Центральной Азии; в частности, для Киргизии были характерны политическая инертность и менталитет «негражданственности»[542]. Многие исследователи заявляют о том, что на момент распада СССР в этой республике, как и в большинстве других, не сложилась гражданская культура[543], поэтому западные страны и организации внедряли собственное, западное понимание этого феномена[544], финансируя различные некоммерческие организации и выделяя гранты на программы развития гражданского общества.

При оценке состояния гражданского общества исследователи часто пользуются классическим подходом, предложенным А. де Токвилем (основой гражданского общества являются ассоциации и образования, которые занимаются решением тех проблем, с которыми государство справится не может[545]) или ссылаются на Р. Патнэма[546]. В этой логике индикатором степени его развитости выступает число некоммерческих и неправительственных организаций.

По этому критерию можно считать Киргизию одним из наиболее успешных случаев: по оценке Международного центра некоммерческого права (International Center for Non-for-Profit

---

[541] Зазнаев О.И., Сидоров В.В. Взаимосвязь форм государственного правления и этнических конфликтов: статистический анализ // Вопросы политологии. – 2020, т. 10. – No 11 (63). – С. 3234–3243.

[542] Бейшембаева А. Кыргызстан: менталитет общества и модернизация // CA&C Press AB. – Швеция. – URL: https://ca-c.org.ru/journal/2004/journal_rus/cac-05/16.beirus.shtml (дата обращения: 29.12.2022)

[543] Цит. по Giffen, J., Earle, L., Buxton, C. The Development of Civil Society in Central Asia. - Oxford: INTRAC. - 2000.– URL: https://assets.publishing.service.gov.uk/media/57a08c3de5274a27b200108f/R7649-report.pdf (accessed: 29.12.2022)

[544] Howell J., Pearce J. Civil Society and Development. A Critical Exploration. - Boulder and London: Lynne Rienner, 2001. - 267 p.; Roy O. Soviet Legacies and Western Aid Imperatives in the New Central Asia // Civil Society in the Muslim World: Contemporary Perspectives / Ed. A. Sajoo. - London: I.B. Tauris, 2002. - P.123–148.

[545] Токвиль А. де. Демократия в Америке / пер. В. П. Олейник, Е. П. Орлова, И. А. Малахова, И. Э. Иванян, Б. Н. Ворожцов; предисл. Г. Дж. Ласки; комм. В. Т. Олейника. — М.: Прогресс, 1992. — С. 381

[546] Putnam R. Bowling Alone // Journal of Democracy 1995. - № 6.1 - P. 65-78.

Law)[547], гражданский сектор в КР считается самым сильным среди других стран Центральной Азии.

Если в 1998 г. в Киргизии насчитывалось 800 некоммерческих организаций (НКО), то в 2006 – уже более 8000[548]. К 2015 г. в республике было зарегистрировано около 23 тыс. НКО, а к 2019 г. – более 25 тыс. (на 12,5% больше)[549]. Даже при приблизительных данных о том, сколько организаций являлись действующими, получается, что на каждые 7 км^2 и 276 человек приходилась одна подобная организация (исходя из простых математических расчетов по территории и населению страны), при этом пятая часть всех организаций сосредоточена в Бишкеке.

Согласно Руководству ООН по НКО, эти единицы (организации) не преследуют цели получения прибыли и не занимаются ее распределением, независимы от государственных органов, являются самоуправляющимися и образуются на добровольной основе[550]. В группу НКО входят не только неправительственные организации (НПО), но и любые организации гражданского общества, как, например, спортивные клубы, исследовательские, образовательные и религиозные учреждения, деятельность волонтеров и пр. В Киргизии 61,5% финансирования некоммерческих организаций приходится на внешние гранты, вклады и пожертвования[551]. Доля НПО из общего числа НКО в 2011 г. составляла около 5% (около 260 НПО), более половины из них занимались политически-правовой деятельностью, образованием и исследованиями[552]. На начало 2019 г. в общем числе зарегистрированных НПО на политические партии пришлось около одного процента. При этом их число по сравнению с началом 2015 г. увеличилось на 24,7 %[553].Часто НКО

---

[547] Civil Freedom Monitor: Kyrgyz Republic / International Center for Not-For-Profit Law. - 14.12.2022. – URL: http://www.icnl.org/research/monitor/kyrgyz.html (accessed: 29.12.2022)

[548] Jailobaeva K. NGOs in Kyrgyzstan // Social Research Centre. - American University of Central Asia: Bishkek. – URL: https://www.files.ethz.ch/isn/145092/kanykei2_eng.pdf (accessed: 29.12.2022)

[549] Социальные тенденции в Кыргызской Республике 2014-2018 / Национальный статистический комитет Кыргызской Республики. – Таб.13.1. – URL: http://www.stat.kg/ru/publications/publikaciya-socialnye-tendencii-kyrgyzskoj-respubliki/ (дата обращения: 3.01.2023)

[550] Некоммерческие организации в Кыргызской Республике. Специальная публикация / ред. О. Абдыкалыков. – Бишкек, 2011. – URL: http://ccss.jhu.edu/wp-content/uploads/downloads/2012/06/Kyrgyz_Satellite-Account_Russian_2011.pdf (дата обращения: 29.12.2022)

[551] Там же.

[552] Там же. С. 17.

[553] Социальные тенденции в Кыргызской Республике 2014-2018 / Национальный статистический комитет Кыргызской Республики. – С. 626. – URL: http://www.stat.kg/ru/publications/publikaciya-socialnye-tendencii-kyrgyzskoj-respubliki/ (дата обращения: 3.01.2023)

вынуждены следовать политике доноров, а не решать местные проблемы[554], поскольку они зависимы от внешнего финансирования и несамостоятельны в выборе повестки. Более того, в основном в них работают образованные городские жители, которые подчас с трудом могут наладить контакт с населением в небольших поселениях и не имеют достаточного представления о проблемах на более отдаленных участках[555], что в результате ведет к разрыву между непосредственно целевой группой и самой организацией. Помимо этого, в соответствии с существующими законами НКО могут заниматься коммерческой деятельностью (товары и услуги), но их доход облагается налогом. Статус благотворительной организации сложно получить и поддерживать из-за существующих законодательных ограничений[556].

Когда в 1990-х годах стало ясно, что приватизация, субсидии МВФ и социальные реформы не приводят к значительному повышению финансовой состоятельности граждан и социальной стабильности, эйфория сменилась разочарованием, а в политической сфере последовал авторитарный откат. НПО стали ассоциироваться не с идеями развития гражданского общества и демократизации, а с более прагматическими интересами: в силу иностранного финансирования и грантов они воспринимаются как еще один источник дохода.

Говоря о других показателях гражданского общества – социальных сетях, социальных нормах и доверии[557], можно сказать, что уровень гражданской активности как таковой тоже невысок: по данным на 2005 г. 38,1% НПО состояли из 10 членов и лишь около 16% НПО могли похвастаться членством больше 100 человек[558]. Поэтому основные сложности, с которыми сталкиваются организации, обусловлены не только их финансовой несамостоятельностью и несостоятельностью[559], но и отсутствием низовых звеньев[560], что характерно и для политических партий Киргизии.

---

[554] Aksartova S. Civil Society from Abroad: U.S. Donors in the Former Soviet Union (PhD thesis). – Princeton: Princeton University, 2005. - 236 p.

[555] Roy O. Soviet Legacies and Western Aid Imperatives in the New Central Asia // Civil Society in the Muslim World: Contemporary Perspectives / Ed. A. Sajoo. - London: I.B. Tauris, 2002. - P.123–148.

[556] Civil Freedom Monitor: Kyrgyz Republic…

[557] Putnam R. Op. cit.

[558] Jailobaeva, K. Op. cit.

[559] Ibid.

[560] Ibid.

Найти на государственных сайтах конкретную информацию о регистрации НПО/НКО оказалось затруднительным: в силу того, что сам термин не закреплен в киргизском законодательстве, детальная статистика по учету этих организаций не ведется; хотя в официальной статистике указывается их общее число, но единая отдельная база данных таких организаций отсутствует[561].

Государство неоднозначно относится к НПО. В 2009 г. парламент одобрил инициативы по регулированию деятельности НПО, участвующих в политической деятельности, а в июне 2018 г. принял законы о противодействии финансированию террористической деятельности и легализации (отмыванию) преступных доходов и поправки к ним, которые позволяют правительству регулярно проводить проверки данных организаций, чтобы установить те, которые могут заниматься подобной деятельностью. Часто власть использует по отношению к НПО достаточно жесткую риторику, что рассматривается иностранными партнерами как борьба с оппозицией[562]. В 2017 г. президент А. Атамбаев заявил, что необходимо «соблюдать информационную безопасность государства», беречь «самобытность народа, которую надо защищать от зарубежного влияния», а также что "за личинами правозащитников, оппозиционеров или представителей НПО" прячутся "некоторые деятели", которые "отрабатывают деньги, полученные из-за рубежа", навязывая людям "чуждые им ценности"[563].

Многие исследователи после цветных революций также возложили часть ответственности за политическое насилие на деятельность НПО и их иностранных спонсоров. С. Жапаров отметил, что «НПО чрезмерно политизированы» и внес поправки в закон «О некоммерческих организациях», обязывающие их открыто публиковать источники их доходов[564].

Еще одним показателем развитого гражданского общества считается благотворительность, которая в Киргизии отсутствует из-за тяжелой экономической ситуации и плохо развитого

---

[561] Черевык К.А. Неправительственные организации Кыргызстана: особенности определения и учета // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского Философия. Политология. Культурология.– 2018. – Т. 4 (40), No 3. – С. 147-157.

[562] Nyman A.-S., Traut B.J. The Press and the New President: A Review of Freedom of Speech in Kyrgyzstan // Diplomatic Courier. - 26.12.2017. – URL: https://www.diplomaticourier.com/posts/press-new-president-review-freedom-speech-kyrgyzstan (accessed: 29.12.2022)

[563] Президент Киргизии обрушился с критикой на правозащитников и НПО // facenews. - 03.04.2017. – URL: https://www.facenews.ua/news/2017/355649/ (дата обращения: 29.12.2022)

[564] Калыков М. НПО в Кыргызстане чрезмерно политизированы — президент Жапаров // kloop. - 21.10.2021. – URL: https://kloop.kg/blog/2021/10/21/npo-v-kyrgyzstane-chrezmerno-politizirovany-prezident-zhaparov/ (дата обращения: 29.12.2022)

налогового законодательства, которое бы могло способствовать ее распространению с помощью облегчения налогового бремени.

Дж. Гиффен и Ч. Бакстон считают[565], что для развития гражданских инициатив необходимо обеспечить возможность для появления неформальных, незарегистрированных образований, которые могли бы вовлекать граждан в общественные процессы. По их мнению, небольшие локальные группы, нацеленные на взаимопомощь между гражданами или (что часто) созданные для выдачи микрокредитов (что часто совпадает с понятием «деревенской группы помощи»), могут со временем диверсифицировать свои функции и развиться до уровня НПО или небольшого бизнеса. В Киргизии как раз действует закон, согласно которому организации, действующие в рамках определенной территории и работающие с «инициативами местного значения» должны регистрироваться только в местном кенеше. При этом они обладают большей свободой (гл. 8)[566].

Очевидно, что отсутствие эффективных официально зарегистрированных общественных инициатив не является синонимом отсутствия гражданского общества. О. Руа[567], анализируя государственность в странах Центральной Азии до создания СССР, говорит о том, что анализ гражданского общества в западной логике не учитывает факт существования широкой сети патронажных и семейных связей, которые сохранялись и в советское время во время коллективизации. Эти две модели социальной организации помогли традиционным связям укрепиться и сохраниться и после распада Советского Союза. По мнению исследователя, те, кто придерживаются только западных идей, считают, что гражданское общество в ЦА надо строить с нуля либо потому, что там никогда ничего похожего не существовало (опыт существования гражданского общества в СССР отрицается), либо потому, что структура зарождающегося традиционного общества была разрушена в советское время[568].

К Киргизии, однако, можно применить термин С. Фрейзер[569] «общинное» гражданское общество[570], который она сформулировала в ходе анализа обществ Таджикистана и Узбекистана.

---

[565] Giffen, J., Earle, L., Buxton, C. The Development of Civil Society in Central Asia. - Oxford: INTRAC. - 2000. – URL: https://assets.publishing.service.gov.uk/media/57a08c3de5274a27b200108f/R7649-report.pdf (accessed: 29.12.2022)

[566] Закон КР «О местном самоуправлении» от 15.06.2011 / Министерство Юстиции Кыргызской Республики. – URL: http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/203102 (дата обращения: 29.12.2022)

[567] Roy O. Kolkhoz and civil society… P. 110.

[568] Ibid. P. 125.

[569] Giffen J., Earle L., & Buxton C. Op.cit. P.11.

[570] В оригинале «communal» civil society.

По мнению исследователя, устойчивость традиционных и, в частности, общинно-родовых связей требует переосмысления западного концепта гражданского общества. Общинное гражданское общество отражает структуру социальных отношений в регионе, концентрируясь на взаимодействии между общинами, а не между обществом и государством, в частности, на взаимодействии между и внутри таких образований, как махалля (на территории, где проживают узбеки) и айылный аймак (может состоять из одного или более населенных пунктов)[571].

Наличие старейшин в таких общинах и многие социальные правила связаны с исламом и присущей ему традиции благотворительности и заботы о неимущих и бедных внутри общины. Она существовала задолго до советского времени: например, это практика соседской помощи и волонтерства – ашар или упомянутый ранее закят. Местные имамы и аксакалы до сих пор имеют большой вес в регионах, особенно в сельской области на юге страны. Существует практика разрешения споров внутри общины с участием старейшин, так называемый «суд аксакалов», которые могут решать не только семейные споры или улаживать отношения между соседями, но и в некоторых случаях выносить приговоры с физическим или административным наказанием[572]. Именно через аксакалов представители НКО пытаются выйти на жителей отдаленных поселений. С одной стороны, институт старейшин и имамов помогает мобилизовать жителей и организовать их на решение какой-либо местной проблемы. С другой стороны, старейшины часто манипулируют внешними игроками, чтобы консолидировать собственную власть и использовать ее в своих интересах: они имеют голос при распределении урожая, доступе к локальной кредитной системе и рабочим местам. Помимо этого, возрастающее влияние исламских ценностей и лидирующая роль мужчин приводит к возрождению или еще большему упрочению патриархальных ценностей в сельских отдаленных районах страны, что ведет к еще более глубокому разрыву с городом[573].

На общегосударственном уровне наблюдаются некоторые положительные изменения в направлении признания политической роли общественных интересов. В 2014 г. был принят закон

---

[571] См. Приложение 10. Административно-территориальное устройство Киргизии.

[572] Handrahan L. Gender and Ethnicity in The ‘Transitional Democracy’ of Kyrgyzstan // Central Asian Survey. - 2001 - № 20 (4). -P. 467-496.

[573] Ilkhamov A. Impoverishment of the Masses in The Transition Period: Signs of an Emerging ‘New Poor’ Identity in Uzbekistan // Central Asian Survey. - 2001. – № 20 (1). – P. 33-54.

«Об общественных советах государственных органов»[574], согласно которому общественные советы должны быть сформированы для работы со всеми правительственными органами в целях повышения уровня взаимодействия министерств, госкомитетов и административных ведомств с общественностью, а также установления общественного контроля за должностными лицами и внедрения общественного мнения в процесс принятия политических решений. Для этого была создана специальная Отборочная комиссия, которая каждые два года формирует данные советы.

Предпринимаются меры и для развития и укрепления «национального чувства», о котором говорит Ф. Редер[575]. Например, в 2012 г. Киргизия стала инициатором организации международных спортивных игр по этническим видам спорта (народные игры кочевых народов Центральной Азии), которые сегодня стали известны как Всемирные игры кочевников.

В 2021 г. была принята Концепция развития гражданской идентичности Кыргыз жараны («кыргызский гражданин») на период 2021-2026 гг. Она является продолжением Концепции укрепления единства народа и межэтнических отношений в КР на 2013-2017 гг., которая была разработана при поддержке международных институтов после событий 2010 г., а также увязана с Национальной стратегией развития КР на 2018-2024 гг. В ней подчеркнута ценность полиэтничности страны, необходимость создания общегражданской идентичности, «объединяющей все этнические сообщества при сохранении ими своей этнокультурной идентичности»[576]. Также отмечается важность государственного языка и его роль в становлении гражданской идентичности при сохранении многоязычия (русский язык упомянут как официальный). Владение государственным языком всеми гражданами КР заявлено одной из целей Концепции. Обеспечение представленности разных этнических сообществ в системе государственного управления тоже стоит на повестке дня. Работа над общегражданской идентичностью, ее комплексный характер, а также понимание связи между национальной идеей и стабильностью в стране демонстрируют осознание важности подобных шагов.

В целом в отношении нового независимого киргизского государства внешние спонсоры и доноры опирались на теории демократизации, разработанные известными западными

---

[574] Закон КР «Об общественных советах государственных органов» от 24.05.2014 / Министерство Юстиции Кыргызской Республики. – URL: http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/205299 (дата обращения: 21.12.2022).

[575] Roeder Ph.G. Op. cit.

[576] Концепция развития гражданской идентичности - Кыргыз жараны в Кыргызской Республике на период 2021-2026 гг. / Министерство Юстиции Кыргызской Республики. – URL: http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/430346/10?cl=ru-ru&mode=tekst (дата обращения: 21.10.2022).

политологами. Ожидалось, что количество гражданских ассоциаций перерастет в новое качественное состояние гражданского общества и новые ценностные ориентации, однако этого не произошло из-за обнаружившейся устойчивости традиционалистских социальных структур и кризисной экономической ситуации. В реальности же кланово-патерналистские связи часто представляются как автохтонный вариант гражданского общества, что находит свое отражение в заявлениях о демократическом характере кочевых племен и устройства их жизни. В обществе наблюдается укрепление патерналистских ценностей, ведущих к архаизации и исключению женщин из многих сфер, а также к дальнейшему укреплению власти мужчин-старейшин на местах. Попытки обсудить этот вопрос расцениваются как подрыв исконных традиций и посягательство на культуру страны[577].

Киргизия сегодня, как представляется, взяла курс на неотрадиционализм как в сферах государственного идеологического мифотворчества, так и в рамках нормативно-правовой базы. Институционализация традиционных ценностей и формализация традиционных институтов (введение Народного Курултая, местных курултаев и судов аксакалов, закрепление особенности «кыргызскости» в традиционном понимании «кыргызчылык») происходят в результате прямых указов президента С. Жапарова и очередных поправок в Конституцию (2021 г.), переводя конкурентные неформальные институты в замещающие[578]. Несмотря на существующие мнения[579] о том, что подобные конституционно-правовые процессы могут говорить о зарождающимся автохтонном общенациональном проекте, в настоящее время вряд ли можно расценивать Курултай (согласно ст. 7 Конституции 2021 г. «совещательное и наблюдательное общественно-представительное собрание, которое дает рекомендации по направлениям общественного развития») и имеет в своем составе 700 делегатов как эффективный механизм преодоления этнополитических расколов. Скорее, как отмечает Л. Хопёрская, неотрадиционализм приводит к «политическому набежничеству и политическому заложничеству»[580] при принятии политических

---

[577] Handrahan L. Op. cit. P.447.

[578] Helmke G., Levitsky S. Informal Institutions and Comparative Politics: A Research Agenda. - Kellogg Institute, 2003. - Working paper № 307. - – URL: https://www3.nd.edu/~kellogg/publications/workingpapers/WPS/307.pdf (accessed: 01.01.2023)

[579] Хопёрская Л.Л. Ресурсы неотрадиционализма в конституционно-правовых процессах в Киргизской Республике // Северо-Кавказский юридический вестник. 2023. № 2. С. 60–67.

[580] Там же. С. 61.

решений. Одновременно эксперты и политики КР указывают на проблему параллелизма в деятельности курултая и парламента[581].

Дж. Ховел и Дж. Пирс утверждают, что одним из наиболее эффективных методов развития гражданского общества может стать государственная поддержка общественной сферы. Роль государства будет заключаться в более активной работе по экономическому развитию страны, активному участию в дебатах и реагировании на общественные запросы и идеи. Если же НПО, спонсируемые донорами из-за границы, будут работать не на укрепление общественного сектора, а на соревнование между собой по продвижению собственных целей, то результат будет отрицательным[582]. Можно назвать следующие позиции, которые должны быть учтены правительством в целях развития социального капитала: стабилизация экономической ситуации и повышение доходов населения, свобода прессы, повышения роли женщин в обществе, развитие инфраструктуры, национального рынка и местного самоуправления. Еще одним важным моментом является уровень доверия/недоверия к официальным государственным институтам как таковым, поэтому решение вопроса предсказуемости, эффективности и надежности государственных органов власти как местных, так и общегосударственных выходит на первый план. Проблема, которая возникает в этом случае, это финансовые возможности государства для решения подобных задач, что актуализирует вопрос о внешнем патроне, заинтересованном в стабильном развитии Киргизии и снижении ее этнокультурных рисков.

3.6. Сотрудничество с внешним патроном (Россия) и участие КР в интеграционных объединениях как механизм управления этнополитическими рисками

После распада СССР структурирование политического пространства по периметру границ России происходило неравномерно. Многие исследователи характеризуют СССР как империю позитивного действия, имея в виду стратегию центра по развитию периферии[583], однако не все постимперские государства, обладающие суверенным статусом, оказались в состоянии адекватно функционировать без поддержки международного сообщества. Низкий уровень их

---

[581] См. : Там же. С. 63.

[582] Howell,J., Pearce, J. Civil society and development… P.13.

[583] Абашин С. Указ. соч.

государственной состоятельности вынуждает граждан по-прежнему полагаться на традиционные социальные механизмы, компенсирующие экономические и социальные риски, а элиты надеются на помощь внешних доноров и пытаются лавировать между ними.

Возможности внешних акторов в области снижения этнополитической конфликтности в разделенных обществах представляются такими же важными, как и развитие национальных институциональных механизмов. Международные организации и отдельные государства часто следуют собственным парадигмам управления конфликтами, пренебрегая этнокультурным контекстом, что приводит к росту нестабильности. В настоящей работе внешнее участие рассматривается как дополняющий механизм по урегулированию этнополитических противоречий[584], своего рода надстройка над внутренними механизмами; предполагается также, что внешний актор руководствуется подлинным желанием добиться политической стабильности. В случае Киргизии без этого дополнительного аспекта неформальные институты (спонтанные конкурентные, переходящие в замещающие) не будут восприимчивы к изменениям официального институционального паттерна[585].

Как было показано выше, основным плюсом консоциативной модели является то, что она предлагает понятный механизм урегулирования конфликтов в разделенных обществах. Однако проблемы Киргизии – этнокультурная разделенность, региональный раскол, неокланы и высокая протестная активность юга[586], а также разобщенность центров и неконсолидированность границ – не были решены с помощью институциональных реформ 2010 г. и реализации оптимальной в русле демократического дискурса модели. Их результат (очередная революция) противоречит логике А. Лейпхарта и его последователей, согласно которой репрезентативные парламентские модели способствуют поддержанию порядка во фрагментированных обществах. Вариант с сильной властью президента привел к перевороту в 2005 г. (и сейчас тестируется снова). Неясной остается результативность недавних реформ по формализации традиционных институтов. Из опыта Киргизии следует, что решение проблемы управления этнополитическими рисками выходит за рамки внутриполитического урегулирования, так как для закрепления и выживания официальных институциональных решений необходимы экономические ресурсы. Это подтверждает Дж. Пауэлл,

---

584 Aparicio S.S. State Building in Deeply Divided Societies Beyond Dayton in Bosnia (PhD thesis). - London School of Economics and Political Science, 2009. – URL: http://etheses.lse.ac.uk/2356/1/U615305.pdf (accessed: 29.12.2022)

585 Helmke G., Levitsky S. Informal Institutions and Comparative Politics…

586 Роккан С., Урвин Д. Политика территориальной идентичности. Исследования по европейскому регионализму // Логос. – 2003. - № 6 (10) – С.117.

который, проверяя теорию Лейпхарта о работе консоциативных механизмов в разделенных обществах, обнаружил, что репрезентативные модели действительно способствуют жизнеспособности институтов, но только в экономически более развитых странах и при невысокой степени гетерогенности[587]. В Киргизии ситуация обратная, поэтому, какой бы привлекательной ни казалась консоциативная модель, встает вопрос о параметрах ее применимости[588].

П. Кольер был одним из тех, кто предупреждал, что попытки построить демократию в странах «нижнего миллиарда» в условиях разделенного общества не увенчаются успехом, так как экономические затраты на электоральную борьбу будут дисфункциональны как для экономического роста страны, так и для выживания самого режима, а система сдержек и противовесов будет размытой в силу острой борьбы за ресурсы (хотя именно она является одним из главных условий экономического роста). Зависимость же от внешней торговли и международной помощи[589] приносит больше вреда, чем пользы, потому что правительство перестает быть заинтересованным в развитии собственной экономики, ее диверсификации и укреплении институтов, а, напротив, стремится закрепить существующий и выгодный для него порядок.

При этом быстрый экономический рост может оказаться травмирующим для нестабильного общества[590], так как он разрушает традиционные общественные связи и увеличивает число «деклассированных индивидов», которые могут стать движущей силой очередной революции[591]. При повсеместном расширении охвата СМИ и с повышением грамотности появляется возможность быстрого распространения информации и обмена ею, что тоже может повлиять на скорость распространения волнений[592]. Обострение региональных и этнических конфликтов в результате расширения требований к правительству, которое не может их выполнить, – одно из последствий резкого экономического скачка.

---

[587] Ibid.

[588] Кудряшова И.В., Стюарт А. Институциональные реформы… С.134.

[589] Дитон А. Великий побег: Здоровье, богатство и истоки неравенства / пер. А. Гуськов. — М.: Изд-во Института Гайдара; Фонд «Либеральная Миссия», 2016. — 368 с.

[590] Хантингтон С. Политический порядок в меняющихся обществах / пер. В. Рокитянский – М.: Прогресс-Традиция, 2004. – С. 66–67

[591] Olson M. Rapid Growth as a Destabilizing Force // The Journal of Economic History. - 1963. - № 23(4). - P. 532

[592] Коротаев А.В., Зинькина Ю.В. Египетская революция 2011 года: социодемографический анализ // Историческая психология и социология истории. - 2011. - №2. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/egipetskaya-revolyutsiya-2011-goda-sotsiodemograficheskiy-analiz (дата обращения: 30.12.2022).

Молодые независимые государства старались повысить свой политический статус на международной арене, так как для большинства из них было характерно осознание собственной периферийности по отношению к бывшему центру – Москве, т.е. России, которая оставалась и остается для многих позитивным или негативным ориентиром для самоопределения[593]. Важным фактором для политической консолидации бывших союзных республик из европейской части СССР считалась ориентацию на Европейский союз[594], азиатской – на Россию или Китай.

Защита национальных интересов стала базовым рефлексом в региональной политике[595], что заставило эти страны выстраивать внешнеполитические и экономические отношения скорее на основе двусторонних договоренностей и ситуативно, для решения конкретного вопроса, а не с учетом долгосрочной перспективы. Подобный подход – индивидуализация и отделение собственной идентичности от региональной и советской – мешал региональному сотрудничеству, порождая вместо него соперничество между региональными элитами, ожесточавшееся из-за проблем с границами и этническими эксклавами. Например, попытка создания Центральноазиатского союза (после 1998 г. – Центральноазиатское экономическое сообщество, а после 2001 г. – Организация Центрально-Азиатского союза) закончилась неудачей в силу неразрешенных пограничных вопросов между республиками и взаимного недоверия[596].

Киргизия, осознавая ограниченность своей экономической базы, выбрала путь так называемого многовекторного внешнего развития, чтобы иметь возможность получать политическую и экономическую ренту с помощью манипулирования и лавирования между несколькими внешними акторами. С одной стороны, это позволило компенсировать недостаток финансовых ресурсов, с другой – сделало Киргизию зависимой от внешних игроков.

Киргизия имеет членство в более чем 120 организациях, помимо членства в ООН с 1992 г. (и ее специализированных организациях – МВФ, МБРР, ВОЗ, МАГАТЭ, ВОИС), СНГ с 1991 г., ВТО и ОБСЕ, однако конкретной иллюстрацией многовекторности и лавирования между крупными державами может служить пример военных баз на территории Киргизии. Так, авиабаза

---

[593] Болгова И.В. Параметры политической стабильности в поясе СНГ // Международные процессы. – 2010. – Т.8. №3(24). – URL: http://www.intertrends.ru/twenty-four/009.htm (дата обращения: 29.12.2022)

[594] Мелешкина Е.Ю. Указ. соч.

[595] Environment and Security Initiative: Transforming Risks into Co-Operation Central Asia Ferghana – Osh – Khudjand Area // ENVSEC Initiative. – URL: http://www.envsec.org/publications/ENVSEC.%20Transforming%20Risks%20into%20Cooperation.%20Central%20Asia.%20Ferghana-Osh-Khujand%20area.%20Background%20paper_Eng.pdf (accessed: 29.12.2022)

[596] В 2005 г. ОЦАС слился с ЕврАзЭС (ЕАЭС сегодня).

Манас[597] с 2001 по 2009 г. использовалась антитеррористической коалицией во главе с США[598], а с 2009 по 2014 г. была Центром транзитных перевозок военных сил и военного оборудования в Афганистан и из него. После закрытия базы ее территория и инфраструктура были переданы Национальной гвардии Киргизии. В то же время в Киргизии с 2003 г. параллельно функционировала российская авиабаза Кант в соответствии с заключенным с Россией договором (изначально на 15 лет, а затем продленном и расширенном на неопределенный срок). На сегодняшний день она структурно входит в состав 14-й армии ВВС и ПВО Центрального военного округа ВС РФ, а также служит авиабазой для Коллективных сил быстрого развертывания ОДКБ, членом которого Киргизия также является. Учитывая переход Афганистана под контроль движения Талибан, а также участие миротворческих сил ОДКБ в январских событиях 2022 г. в Казахстане, представляется, что роль этой авиабазы будет только возрастать.

Подобная многовекторность и стремление Киргизии получить дивиденды за счет иностранных доноров объясняются ее слабой экономической базой, а также желанием политических элит удовлетворить свои частные интересы. Регион Центральной Азии занимает все более актуальное место в повестке дня многих стран, однако далеко не все из них имеют возможности или намерение заниматься снижением конфликтного потенциала Киргизии.

Как видно из анализа открытых источников, инвестиционного климата и статистики, ни одна из центральноазиатских стран не обладает достаточными ресурсами для помощи Киргизии, включая Казахстан, несмотря на существующие мнения[599] о его месте в ЦА как «средней державе». Кроме ЕС с предложенным в 2010 г. проектом по управлению этнополитическими рисками с помощью консоциативных механизмов в соответствии с демократическими нормативами, никто из активных игроков, за исключением России, не предлагает действенных решений для стабилизации ситуации. Проект представительской демократии ЕС не выдержал испытания во времена пандемии и экономического кризиса.

Другим крупным игроком в ЦА выступает Китай, выходящий по инвестициям в регионе на первое место[600]. Однако кажется, что Китай заинтересован в Киргизии только в формате

---

[597] Ранее носившая имя Питера Ганси – пожарного, погибшего 11 сентября 2001 в результате терактов в Нью-Йорке.

[598] Возглавляемый НАТО международный войсковой контингент, участвующий в операциях в Афганистане.

[599] The Dilemma of Middlepowermanship in Central Asia: Prospects for Hegemony / Safranchuk, I.A., Zhornist, V.M., Nesmashnyi, et al. // Russia in Global Affairs. – 2022. – № 20 (3). – P. 116-133 – URL: http://dx.doi.org/10.31278/1810-6374-2022-20-3-116-133 (accessed: 12.08.2023)

[600] См. Приложение 11.

экономического сателлита. В 2019 г., например, половина государственного долга Киргизии принадлежала Экспортно-импортному банку Китая. Китай также активно участвует в горнодобывающих, транспортных и энергетических проектах. Помимо этого, активно участвует и в других областях: в Чуйской области были построены два нефтеперерабатывающих завода для китайского сырья; в Бишкеке на комбинате «Топоз» осуществляется сборка китайских узлов для тракторов, которые продаются в страны региона; в Оше собирают стиральные машины и телевизоры, которые затем поставляются в основном в Узбекистан[601].

На настоящий момент идут переговоры о строительстве Евразийского торгового города и логистического индустриального парка на юге страны[602]. С одной стороны, подобная инфраструктура должна способствовать в политическом контексте развитию региональных связей, но в реальности эффекты от китайского экономического присутствия проявляются и в качестве источника внутренней нестабильности. Изоляция и секьюритизация китайских компаний и их сотрудников часто закрепляют деление на «свой» - «чужой», способствуя конфликтогенности атмосферы: китайские сотрудники проживают в отдельных закрытых жилых комплексах, охраняющихся также китайскими службами безопасности, что ведет к разрыву с местным населением и растущему ощущению милитаризации, уязвимости и даже обвинениям в «оккупации» киргизской территории[603]. Несмотря на подобный активный экономический экспансионизм, политической повестки Китай не предлагает.

Исламские государства и Турция предлагают главным образом культурные проекты, но не политическое решение для укрепления государственных институтов и снижения этнополитических рисков. Киргизия активно пытается использовать ресурсы и выгоду, получаемую от участия в Организации тюркских государств и Тюркском совете. Это включает в себя не только инвестиции, но и сотрудничество в сфере безопасности. Например, в случае обучения военнослужащих Турция берет на себя все расходы, при этом специалисты имеют доступ

---

601 Дятленко П. Экономические возможности для Кыргызстана в ЕАЭС: взгляд из Бишкека // Внешняя политика. - 03.11.2015. – URL: http://www.foreignpolicy.ru/analyses/ekonomicheskie-vozmozhnosti-dlya-kyrgyzstana-v-eaes-vzglyad-iz-bishkeka/ (дата обращения: 29.12.2022)

602 Петченко И. Китай построит в Кыргызстане Евразийский торговый город и логистический индустриальный парк за $318 млн. // Economist. – 08.09.2023. – URL: https://economist.kg/potok-grantov-i-kreditov/2023/09/08/kitai-postroit-pod-oshiem-ievraziiskii-torghovyi-ghorod-i-loghistichieskii-industrialnyi-park-za-318-mln/ (дата обращения 24.09.2023)

603 Pascal A. et al. A skeptical Neighbor: Perceptions of Chinese investments in Kyrgyzstan // Road to peace or Bone of Contention: The impact of the belt and road initiative on conflict states. – Peace Research Institute. Frankfurt, 2021. – pp.18-22.

к программам по обучению не только непосредственно Турции, но и опыту стран НАТО, а во время возникающих пограничных конфликтов, Киргизия старается заручиться поддержкой стран-членов Совета и получить боеприпасы и оружие[604]. Другими словами, поддержка со стороны Турции и ОТГ наблюдается, но также не в сфере непосредственного урегулирования этнополитической конфликтности. Возможно, что со временем политика «мягкой силы» сможет привести к использованию тюркской идеи для конструирования национальной идентичности, но на данный момент этого не наблюдается.

Еще одним активным игроком в ЦА являются США, однако они рассматривают весь регион в целом как общего партнера в рамках С5+1, а не конкретно отдельные страны в частности[605]. В соответствии с официальной стратегией США по Центральной Азии на 2019-2025 г.[606], приоритетными направлениями в регионе являются поддержание мира и безопасности, демократические реформы и экономический рост, а также покрытие расходов на гуманитарные нужды. К сегодняшнему дню США инвестировали более 9 млрд долларов в регион в целом, а также одобрили в рамках программ МБРР займы, кредиты и финансовую помощь в размере 50 млрд долларов.

Приоритетными направлениями в сотрудничестве с Киргизией являются демократия, права человека и управление – 13,5 млн долларов, здравоохранение – 10,3 млн долларов, 4,8 млн – экономический рост, 4,25 млн – образование и общественные услуги, 2,3 млн – мир и безопасность[607]. Развитие демократического управления понимается как партнерство с организациями, «которые способствуют росту гражданской активности, улучшают уровень предоставления государственных услуг и расширяют экономические возможности <…> для продвижения инициативы Правительства США «Новый шелковый путь», направленную на усиление связей между Центральной и Южной Азией, включая Афганистан, в целях большей

---

[604] Чжан Ю. Организация тюркских государств (ОТГ): происхождение, мотивы, особенности и влияние // Вестник Пермского университета / Политология. – 2023. – №1. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/organizatsiya-tyurkskih-gosudarstv-otg-proishozhdenie-motivy-osobennosti-i-vliyanie (дата обращения: 25.09.2023).

[605] https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2022/10/Biden-Harris-Administrations-National-Security-Strategy-10.2022.pdf

[606] United States Strategy for Central Asia 2019-2025: Advancing Sovereignty and Economic Prosperity. The Department of State. URL: https://www.state.gov/wp-content/uploads/2020/02/FINAL-CEN-Strategy-Glossy-2-10-2020-508.pdf (дата обращения 24.09.2023)

[607] Kyrgyz Republic // Foreign Assistance Fact Sheet. – United Stated Department of State. Office of the coordinator of US Assistance to Europe, Eurasia, and Central Asia. – June 2021. – URL: https://www.state.gov/wp-content/uploads/2021/09/Kyrgyz-Republic_FY-2020-Country-Assistance-Fact-Sheet.pdf (accessed: 24.09.2023)

стабильности и процветания в регионе»[608]. Представляется, что параллельными задачами подобной стратегии является также формирование проамериканской ориентации региона и проамериканских сил в правительствах, а также сдерживание влияния России и Китая и их противопоставления[609]. О конкретных примерах пишет Н. Силаков[610]: фонд «Открытое общество» ставил своей целью «узаконить местные органы власти» после революции 2005 г.; а в 2014-2019 гг. основной задачей американских фондов, среди которых наиболее влиятельным являлся фонд «Сорос-Кыргызстан», являлось развитие СМИ и содействие реформам судебно-правовой системы.

Другими словами, позиция США по поддержке демократии, гражданского общества и прав человека, а также спонсирование НПО в определенной мере позволяют им вмешиваться во внутриполитические процессы в КР, но не с целью снижения этнополитической конфликтности, а для продвижения собственных интересов. Используя демократическую риторику, они могут поддержать в кризисной ситуации любого лидера, если его позиция не противоречит внешнеполитическим целям США.

В результате в настоящий момент только Россия реально содействует КР в управлении этнополитическими рисками. При этом макроэкономические индикаторы страны позволяют сделать вывод, что именно ориентация самой Киргизии на региональное сотрудничество и на Москву будет иметь позитивные последствия для внутриполитической стабилизации. Подобное сотрудничество, опирающееся на длительный опыт развития Киргизии в советский период, может помочь решить такие проблемы, как модернизация экономики, включая энергетический блок, упорядочение трудовой миграции и укрепление государственных границ. В этой логике актуально замечание Кольера о том, что, помимо постепенного экономического роста и диверсификации экономики и инвестиций, необходимо расширение слоя образованных людей и ориентация на более стабильных соседей (фактор «хорошего соседства»)[611]. Для доказательства выдвинутого тезиса рассмотрим несколько экономических показателей и их непосредственное влияние на этнополитические расколы в Киргизии.

---

[608] Кыргызская Республика // USAID. – URL: https://www.usaid.gov/ru/kyrgyz-republic (access: 24.09.2023)

[609] Шумилов М. Роль Киргизии в реализации стратегических интересов США в Центральной Азии // Россия и мусульманский мир. – 2012. – №2. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/rol-kirgizii-v-realizatsii-strategicheskih-interesov-ssha-v-tsentralnoy-azii (дата обращения: 25.09.2023).

[610] Силаков Н. Деятельность фондов и неправительственных организаций США в странах Центральной Азии // Россия и новые государства Евразии. – 2021. – № 2 (51). – С. 115-129. – URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_46479590_29032113.pdf (дата обращения: 24.09.2023)

[611] Collier P. Op.cit.

Инвестиционный климат Киргизии в целом выглядит следующим образом[612]. Прямые иностранные инвестиции за 1 квартал 2022 г.[613] составили 277 982 тыс. долл. Основными инвесторами являются страны за пределами СНГ, в частности, Китай – у него самый высокий показатель по инвестициям – 75 360 тыс. долл. из общей суммы инвестиций от партнеров вне СНГ в 213 591 тыс. долл. Доля России только 49 897 тыс. долл., однако это второй по величине инвестиционный вклад среди всех стран. Интересны показатели Турции, которая инвестирует всего 20 017 тыс. долл., однако отток инвестиций из Киргизии в Турцию составляет 234 192 тыс. долл., что говорит о лидирующем месте Турции в структуре инвестиций самой Киргизии.

Показатели иностранных инвестиций за первое полугодие 2022 г. (январь-июнь) отразили текущие геополитические изменения и демонстрируют рост важности Центрально-Азиатского региона в новой расстановке сил. Так, например, Канада обошла Китай по инвестициям (157 357 тыс. долл. против 129 149 тыс. долл.), отодвинув Россию в рейтинге инвесторов на третье место (100 221 тыс. долл.).

По видам экономической деятельности[614] лидирующим направлением за все прошедшие годы является обрабатывающее производство. Это связанно, возможно, с китайскими инвестициями в создание перерабатывающих и сборочных производств[615]. Инвестиции в профессиональную, научную и техническую деятельность скорее всего связаны с интересом мусульманских стран к развитию сети образовательных учреждений, рост которых был показан ранее. Инвестиции в туризм и строительство остаются невысокими, что говорит об их непопулярности и финансовой непривлекательности для инвесторов.

Экономика Киргизии сегодня зависит от реэкспорта китайских товаров и нуждается в развитии собственного аграрно-промышленного комплекса. Однако малый объем экономики страны (по сравнению с другими странами Центральной Азии экономика Киргизии характеризуется Азиатским банком развития как «крошечная и самая маленькая <…>

---

[612] См. Приложение 11. Поступление прямых иностранных инвестиций по странам в 1 квартале 2022 г.

[613] Инвестиции / Национальный статистический комитет Кыргызской Республики. – URL: http://www.stat.kg/ru/statistics/investicii/ (дата обращения: 29.12.2022)

[614] См. Приложение 12. Поступление иностранных инвестиций по видам экономической деятельности за 2008 -2021 гг.

[615] Дятленко П. Экономические возможности для Кыргызстана в ЕАЭС: взгляд из Бишкека // Внешняя политика. - 03.11.2015. – URL: http://www.foreignpolicy.ru/analyses/ekonomicheskie-vozmozhnosti-dlya-kyrgyzstana-v-eaes-vzglyad-iz-bishkeka/ (дата обращения: 29.12.2022)

сопоставимая по размеру с экономикой небольшого города в богатой развитой стране»[616]) может стать ее преимуществом, так как это позволяет быстрее адаптироваться к быстроменяющейся внешней конъюнктуре и перенаправлять работу отдельных экономических отраслей. В то время как перспективными областями можно назвать сельское хозяйство, пищевую и легкую промышленность, развитие рынка экологически чистых продуктов и легкого текстиля, для экономического роста необходимо развивать сферу услуг[617]. Сейчас также ведутся разговоры о создании единого рынка органической продукции в рамках ЕАЭС[618].

Основным преимуществом Киргизии является экспорт услуг, что может стать началом диверсификации экспорта. Всемирный банк рекомендует[619] сосредоточиться на экспортируемых услугах, которые могут генерировать рабочие места, чтобы удержать в границах страны человеческий капитал и вклад труда в экономику. Более устойчивого экономического развития Киргизия может добиться за счет роста частных инвестиций, а также повышения производительности и конкурентоспособности при усилении частного сектора[620].

Туристический сектор также обладает большим потенциалом и может быть привлекательным для инвесторов. Развитие региональных связей и улучшение отношений с соседями будет способствовать развитию торговых путей: например, Казахстан является ключевым звеном в поставках товаров из Киргизии в Россию и Беларусь[621]. Улучшение отношений с Узбекистаном не только расширит поле торговых возможностей, но и улучшит экономическую ситуацию в Ошской, Джелал-Абадской и Баткенской областях, так как текущая ситуация не позволяет осуществлять железнодорожные перевозки через Узбекистан. Учитывая переговоры по поводу вступления Узбекистана в ЕАЭС, а также недавнее разрешение пограничных споров вокруг Кемпир-Абадского водохранилища, это вполне возможное развитие ситуации, которое будет

---

[616] Ямано Т., Хилл Х., Гинтинг Э. и Самсон Дж. Кыргызская Республика улучшение потенциала роста. – Азиатский Банк Развития, 2019. – С. 25. – URL: https://www.adb.org/sites/default/files/publication/648501/kyrgyz-republic-growth-potential-ru.pdf (дата обращения: 19.01.2023)

[617] Диагностика частного сектора страны…

[618] Кудрявцева Т. В ЕАЭС формируют единый рынок органической продукции // 24.kg. - 22.04.2022. – URL: https://24.kg/ekonomika/231666_veaes_formiruyut_edinyiy_ryinok_organicheskoy_produktsii/ (дата обращения: 29.12.2022)

[619] Диагностика частного сектора страны…

[620] Там же

[621] Дятленко П. Экономические возможности для Кыргызстана в ЕАЭС…

способствовать повышению стабильности как в регионе, так и внутри Киргизии, снимая напряженность вокруг эксклавов.

Усиление пограничного контроля и сокращение нелегальной торговли между странами может привести к снижению транзакционных издержек и упорядочиванию торговых потоков для Киргизии, так как существующие контрабанда и коррупция еще больше подрывают ее экономику. Эти процессы особенно затрагивают южную часть Киргизии, в частности, Баткенскую область, которая граничит с Таджикистаном и Узбекистаном. Основная причина этого кроется в проницаемости границ. Из-за близости к Афганистану, а также своего географического расположения на пути наркотрафика и контрабанды по северному маршруту, Киргизия находится в зоне риска по высокому уровню организованной преступности и наркоторговли.

Межправительственная организация ФАТФ (Группа разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег[622]), оценивающая соответствие национальных систем ПОД/ФТ (Противодействие отмыванию преступных доходов и финансированию терроризма), положительно оценила усилия Киргизии и ее реформы[623], направленные на снижение коррупции, контрабанды и террористической деятельности, предоставила, однако, достаточно внушительный список необходимых для исполнения положений: в стране отсутствует конкретное понимание рисков и того, как с ними работать, нет национальной стратегии по снижению ОД/ФТ, низкое качество финансовой отчетности и баз данных; помимо этого, финансовые расследования носят эпизодический характер[624].

Учитывая риски глобализации, от которых могут страдать разделенные общества, рост этнического национализма и активность трансграничных групп, развитие отношений с соседними государствами и формирование региональных комплексов безопасности и развития[625] представляется стратегически важным.

---

[622] Financial Action Task Force on Money Laundering — FATF

[623] Отчет взаимной оценки Кыргызской Республики / Евразийская группа по противодействию легализации преступных доходов и финансированию терроризма. - 2018. – URL: https://eurasiangroup.org/files/uploads/files/%D0%9E%D1%82%D1%87%D0%B5%D1%82%20%D0%92%D0%B7%D0%B0%D0%B8%D0%BC%D0%BD%D0%BE%D0%B9%20%D0%BE%D1%86%D0%B5%D0%BD%D0%BA%D0%B8%20%D0%9A%D1%8B%D1%80%D0%B3%D1%8B%D0%B7%D1%81%D0%BA%D0%BE%D0%B9%20%D0%A0%D0%B5%D1%81%D0%BF%D1%83%D0%B1%D0%BB%D0%B8%D0%BA%D0%B8%20-%202018.pdf (дата обращения: 29.12.2022)

[624] Там же.

[625] Кудряшова И.В. Как обустроить разделенные общества // Политическая наука. – 2016. - №1. — С. 30.

Так, отношения с **Россией** традиционно играют ключевую и определяющую роль в развитии Киргизии, не имеющей собственных промышленных центров или обрабатывающих сырье комплексов[626]. Россия также в свою очередь заинтересована в развитии стабильной Киргизии, учитывая ее разворот на глобальный Восток и перенаправление внешних связей на Азию[627]. За 2021 г. Россия оказала КР финансовую и материально-техническую поддержку по многим направлениям, в том числе[628]: 1,5 млн долл. – на восстановление социальной инфраструктуры Баткенской области, 2 млн долл. – дополнительный финансовый взнос в фонд Всемирной продовольственной программы ООН для КР, 32 млн долл. – сумма, предоставленная за 2018-2022 гг. для обеспечения питанием школьников и продовольственная помощь (это лишь некоторые показатели оказанной помощи).

На настоящий момент в **Евразийский экономический союз** входят пять стран: Армения, Беларусь, Казахстан, Киргизия и Российская Федерация. Объем товарооборота в 2021 г. составил 65,5 млрд долл. и, по сравнению с внешней торговлей стран ЕАЭС со странами за его пределами (объем которой составил 752 млрд долл.), это немного. Тем не менее, рост объемов постепенно наращивается, по сравнению с 2020 г. для Киргизии он возрос на 30,4% (для Беларуси – на 45,9%, Казахстана – 25,7%, Армении – 17,2%)[629].

Доля Киргизии во взаимной торговле с государствами-членами ЕАЭС составляет 1,2% в экспорте (столько же у Армении, у Казахстана 11%) и 3,5% в импорте (у Армении 2,7%, у Казахстана 25%)[630], и это наименьшие показатели. Основными направлениями торговли в

---

[626] Environment and Security Initiative…

[627] Князев А.А. «Восточное ревю с Александром Князевым». Telegram-канал автора @orientalreviewAK

[628] Разетдинова К. Как Россия помогала Кыргызстану в 2021 г.: инфографика // Sputnik Кыргызстан. - 18.02.2022. – URL: https://ru.sputnik.kg/20220216/pomoshch-rossii-kyrgyzstanu-v-2021-godu-1062100578.html (дата обращения: 29.12.2022)

[629] Об итогах внешней и взаимной торговли товарами государств – членов Евразийского экономического союза, январь-ноябрь 2021 г. // Статистика Евразийского экономического союза. - 14.01.2022. – URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/tradestat/analytics/Documents/express/Jan_Nov2021.pdf (дата обращения: 29.12.2022)

[630] О взаимной торговле товарами Евразийского экономического союза, январь-июль 2021 г. // Статистика Евразийского экономического союза. - 24.09.2022. – URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/tradestat/analytics/Documents/2021/Analytics_I_202107.pdf (дата обращения: 29.12.2022)

Киргизии остаются третьи страны, а экспорт и импорт со странами ЕАЭС поддерживается с трудом. Основными партнерами для Киргизии в ЕАЭС являются Россия и Казахстан[631]

Несмотря на то, что Киргизия всегда поддерживает любые региональные интегративные проекты – СНГ, ОДКБ, ЕврАзЭС, Таможенный союз и ЕАЭС, она продолжает откладывать долгосрочное проектирование развития, ориентируясь, как представляется, на текущие тренды и сохраняя свою многовекторность: в 2022 г. в Жогорку Кенеше началось обсуждение возобновления соглашения о сотрудничестве с США (предыдущее было денонсировано в 2015 г.), а также обсуждается план военного сотрудничества с ними на ближайшие пять лет[632]. Подобные шаги говорят о том, что политические элиты Киргизии пытаются, с одной стороны, получить возможную выгоду от сотрудничества с США, а с другой – продемонстрировать Москве свою самостоятельность и субъектность и тоже при возможности получить от этого выгоду[633].

С. Жапаров, выступая по случаю председательства КР в ЕАЭС в 2022 г., тем не менее, подтвердил приверженность Киргизии развитию с ЕАЭС, а также напомнил о сопряженности Союза с китайской инициативой «Один пояс - один путь» (это также коррелирует с российской инициативой Большого Евразийского партнерства[634]), подтвердив приверженность многовекторности[635]. Проект железной дороги Китай-Киргизия-Узбекистан тоже считается приоритетным.

Важной частью отношений с ЕАЭС, а конкретно – с Россией, является вопрос задолженности Киргизии по кредитам[636]. Исполнение бюджета каждый раз осуществляется с дефицитом и с покрытием в основном за счет внешних источников; на 2017 г. дефицит бюджета

---

631 Председательство в ЕАЭС перешло к Киргизии // РИА Новости. - 01.01.2022. – URL: https://ria.ru/20220101/eaes-1766335984.html (дата обращения: 29.12.2022)

632 Панфилова В. Киргизия идет на разрыв связей с Россией // Независимая. - 09.10.2022. – URL: https://www.ng.ru/cis/2022-10-09/1_8560_kyrgyzstan.html (дата обращения: 29.12.2022)

633 Князев А.А. «Восточное ревю с Александром Князевым»…

634 Путин заявил, что большое евразийское партнерство может стать цивилизационным проектом // ТАСС. - 26.05.2022. – URL: https://tass.ru/ekonomika/14737439?utm_source=google.com&utm_medium=organic&utm_campaign=google.com&utm_referrer=google.com (дата обращения: 29.12.2022)

635 Обращение Президента Садыра Жапарова к главам государств-членов ЕАЭС…

636 Документы, подписанные по итогам государственного визита Президента Киргизской Республики Алмазбека Атамбаева в Российскую Федерацию / Президент России (официальный сайт). 20.06.2017. URL: www.kremlin.ru/supplement/5209 (дата обращения: 30.12.2022)

составил 3,6% от ВВП[637]. В том же 2017 г. государственный долг Киргизии к ВВП составил 57,6% (в 2016 г. этот показатель равнялся 61,4%, в 2015 – 68%). Внутренний долг за 2017 г. – 58,4% от ВВП. Структура внешнего долга (около 90%) выглядит следующим образом: 40,7% приходится на Экспортно-импортный банк Китая[638], далее идут Международная ассоциация развития (16,5%), Азиатский банк развития (15%), Японское агентство международного сотрудничества, МВФ, Турция, банки Германии и другие страны. 240 млн долл., составлявшие задолженность перед Россией, были списаны во время визита А. Атамбаева в Москву в 2017 г. Также был подписан пакет межведомственных соглашений о сотрудничестве, включающий договор о развитии военно-технического сотрудничества, и окончательно согласован проект Соглашения между странами о создании Объединенной региональной системы ПВО России и Киргизии[639].

В отличие от других международных партнеров Киргизии, Россия не увязывает кредиты и прямую поддержку бюджета КР с обязательствами использовать российские материалы или технологии, как, например, это делает Китай в своей схеме связанной помощи. Важность поддержки России очевидна для сохранения стабильности в регионе и в самой Киргизии, однако существуют некоторые противоречия между двумя странами[640]. В то время как Россия заинтересована в наращивании своего присутствия в целом, Киргизия готова обсуждать более точечные вопросы.

Киргизия также пытается контролировать свой внешний долг самостоятельно и утвердила очередную Стратегию управления государственным долгом Кыргызской Республики на 2022-2024 гг.[641], в соответствии с которой была снижена граница долга перед одним кредитором с 50% до 45% от общей суммы внешнего долга[642].

---

[637] Kyrgyzstan / The World Factbook…

[638] Государственный долг Кыргызстана — последние изменения // Sputnik Кыргызстан. - 29.06.2017. – URL: https://ru.sputnik.kg/economy/20170629/1034058989/gosudarstvennyj-dolg-kyrgyzstana.html (дата обращения: 30.12.2022)

[639] Декларация об укреплении союзничества и стратегического партнёрства между Российской Федерацией и Киргизской Республикой / Президент России (официальный сайт). - 20.06.2017. – URL: www.kremlin.ru/supplement/5210 (дата обращения: 30.12.2022)

[640] Алексеева Н. Рокировка Атамбаева: зачем главе Киргизии российская военная база на границе с Таджикистаном // RT. - 29.06.2017. – URL: https://russian.rt.com/ussr/article/404188-kirgiziya-rossiiskaya-voennaya-baza (дата обращения: 30.12.2022)

[641] Стратегия управления государственным долгом Кыргызской Республики на 2020-2024 гг. / Министерство Юстиции Кыргызской Республики. – URL: http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/159314 (дата обращения: 30.12.2022)

[642] Постановление Правительства КР от 6 октября 2016 года No 532 «Об утверждении Стратегии управления государственным долгом Кыргызской Республики на 2016–2018 годы» / Министерство Юстиции Кыргызской Республики. – URL: http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/99466 (дата обращения: 30.12.2022)

Несмотря на финансовую поддержку России, Киргизии предстоит сделать значительное самостоятельное усилие для того, чтобы соответствовать техническим требованиям ЕАЭС: качество производимой продукции пока не соответствует международным стандартам, а нормативная правовая база все еще находится в разработке.

Определяющими для Киргизии в членстве ЕАЭС являются следующие факторы[643]:

- выход на единый рынок ЕАЭС;
- реализация транзитного потенциала;
- координация промышленной политики государств-членов, включая агропромышленный комплекс;
- координация в сфере макроэкономического регулирования;
- единый рынок труда;
- возможности решения проблем национальной гидроэнергетики.

После февраля 2022 г. рынок ЕАЭС значительно пострадал от международных санкций. Конкретные данные пока не опубликованы, однако зависимость Киргизии от внешних партнеров предопределяет масштаб потерь. Вместе с тем произошла релокация в Киргизию специалистов из сферы IT и других сфер из России, что, по мнению киргизских властей, «выгодно с точки зрения развития туристического потенциала, инвестиционных перспектив и создания новых рабочих мест»[644]. Диверсификация экономики и инвестиционного рынка тесно связана с укреплением политической стабильности. Если исходить из логики Кольера, для стабильности страны важно именно то, как инвестируется доход: в настоящий период основная статья расходов в КР – это потребительские нужды, в частности, строительство, а инвестиции в развитие экономики и ее промышленных отраслей остаются низкими[645].

Вступление Киргизии в ЕАЭС уже привело к сокращению бедности и безработицы, что в целом ведет к снижению социальной напряженности. Трудовая миграция Киргизии,

---

[643] Зверев Р., Рыжов И. Указ. соч. – С. 61.

[644] Власти Киргизии ввели статус "цифрового кочевника» для ИТ-специалистов из России, Беларуси и других стран. – URL: https://vc.ru/migrate/492342-vlasti-kirgizii-vveli-status-cifrovogo-kochevnika-dlya-it-specialistov-iz-rossii-belarusi-i-drugih-stran (дата обращения: 25.12.2022)

[645] Labour Migration and Labour-Intensive Industries in Kyrgyzstan and Tajikistan: Possibilities for Human Development in Central Asia // UNDP & EDB Joint Publication. - 2022. – URL: https://eabr.org/upload/iblock/0b9/report_ca_labour_migration_and_labour_intensive_sectors_full_rus.pdf (accessed: 30.12.2022)

упорядоченная с помощью ЕАЭС, является в этом контесте ключевым условием стабильности на настоящий момент. Уникальным моментом является и то, что трудовые мигранты ЕАЭС приравнены в трудовых правах к гражданам РФ.

В 2017 г. доля денежных переводов мигрантов в ВВП страны составила 35%. На 2020 г. этот показатель остался без изменений: денежные переводы превысили 2,3 млрд долл.[646] (также около 35% ВВП). На протяжении последних десяти лет эти отчисления компенсировали от половины до трех четвертей торгового дефицита страны. Во время первого периода жестких изоляционных мер в России в связи с пандемией COVID 19 приток переводных средств сократился на 62%, на данный момент (2022 г.) ситуация изменилась, однако этот показатель все еще на 8,6% ниже, чем в начале 2020 г.[647]

Если исключить доходы трудовых мигрантов, уровень бедности в КР мог бы возрасти с 33,3% (2021 г.) до 42,8%, а крайней бедности – с 6% (2021 г.) до 17,1%[648].

---

[646] О российско-киргизских отношениях / Посольство Российской Федерации в Киргизской Республике. – URL: https://kyrgyz.mid.ru/o-rossijsko-kirgizskih-otnoseniah (дата обращения: 26.12.2022)

[647] Migration, Food Security and Nutrition in the Kyrgyz Republic….

[648] Уровень бедности населения в Кыргызской Республике в 2016 г…

Таблица 10. Уровень бедности по регионам КР

Регион/год	***2017***	***2018***	***2019***	***2020***	***2021***	***Уровень бедности без учета трудовой миграции за 2021 г.***
Киргизская Республика	*25,6*	*22,4*	*20,1*	*25,3*	*33,3*	*42,8*
Юг						
Баткенская область	40,5	33,8	32,6	34,7	40,7	60,9
Джелал-Абадская область	32,6	32,2	26,9	37,2	43,2	56
Ошская область	14,3	14,8	14,0	18,8	23,8	40,5
Г. Ош	33,5	35,5	20,7	14,7	28,6	32,5
Север						
Иссык-Кульская область	24,2	21,5	24,4	27,9	38,1	43,1
Нарынская область	29,2	30,6	28,1	36,8	39,2	39,2
Таласская область	20,7	22,1	13,3	12,5	23,5	30,3
Чуйская область	33,3	15,6	19,1	25,4	27,0	34
Г. Бишкек	15,9	15,4	11,9	16,8	35,8	36,2

Составлено по: Национальный статистический комитет Кыргызской Республики: Об уровне бедности в Кыргызской Республике в 2021 году[649].

Традиционно показатели бедности и безработицы на юге страны выше, чем на севере, однако статистика по уровню бедности за 2020 г.[650], в соответствии с которой этот показатель в Бишкеке составляет 16,8% (по Чуйской области этот показатель 25,4%), а в г. Оше – 14,7% (в Ошской области – 18,8%), может говорить о том, что основная часть трудовых мигрантов приходится именно на юг страны и что его общее благополучие зависит именно от экспорта трудовых ресурсов заграницу.

[649] Об уровне бедности в Кыргызской Республике в 2021 г. / Национальный статистический комитет Кыргызской Республики. – URL: http://stat.kg/media/publicationarchive/9462883c-9dd6-4c33-9a95-2958a38c3ba2.pdf (дата обращения: 21.10.2022).

[650] Уровень безработицы 2016-2020 гг…

Таблица 11. Структура располагаемых денежных доходов населения по регионам КР

Регион/год	***Трудовая деятельность***	
	Всего%	***Из них за пределами КР%***
Киргизская Республика	*63,3*	*12,6*
Юг		
Баткенская область	68,7	29,2
Джелал-Абадская область	67,0	21,5
Ошская область	67,2	19,0
г. Ош	73,8	4,4
Север		
Иссык-Кульская область	45,9	5,7
Нарынская область	39,0	0,2
Таласская область	43,1	6,9
Чуйская область	67,6	7,7
г. Бишкек	80,8	0,2

Составлено по: Национальный статистический комитет Кыргызской Республики: Об уровне бедности в Кыргызской Республике в 2021 году[651]

Представляется, что снижение напряженности в южных регионах, традиционно обладающих высоким протестным потенциалом, с помощью трудовой миграции в рамках ЕАЭС играет такую же значимую роль в управлении этнополитическими рисками, как и внутренние институциональные механизмы.

Еще одним позитивным фактором социально-экономической стабилизации может стать постепенный рост зарплат в Киргизии, что позволит бороться с такой тяжелой проблемой, как чувство безнадежности (развитию которого, по мнению Кольера, способствуют низкий ВВП и медленный экономический рост[652]).

В программах некоторых партий уже прописана ориентация на развитие в рамках ЕАЭС, например, у партии «Ыйман Нуру»: «Следует построить такую систему образования, которая бы

[651] Об уровне бедности в Кыргызской Республике в 2021 г…

[652] Collier P. Op.cit.

обеспечивала переход от сферы обучения к сфере труда, а качество профессиональной подготовки должно соответствовать запросам рынка труда, включая условия интеграции с ЕАЭС»[653].

В отсутствие собственных ресурсов Киргизия, исторически находясь на межимперской периферии, вынуждена декларировать многовекторное развитие, зачастую руководствуясь сиюминутной выгодой и краткосрочными нуждами[654]. Сейчас, тем не менее, ей стратегически придется более четко формулировать свою внешнеполитическую ориентацию с учетом того, кто сможет поддержать ее стабильное развитие и безопасность, а не просто использовать рабочий ресурс[655]. На данный момент представляется, что, кроме России, в этом больше никто не заинтересован, тем более что в условиях антироссийских санкций она вынуждена форсировать углубление интеграционных процессов внутри ЕАЭС для обеспечения альтернативных источников экономического развития[656].

Таким образом, проведенный анализ попыток найти и запустить механизмы управления этнополитическими рисками позволяет прийти к выводу, что сами по себе институциональные реформы не могут справиться с хронической политической нестабильностью, обусловленной системными причинами. Каждый переворот и последующее политическое переустройство, тем не менее, дает иллюзию развития и надежду на успехи в будущем, подкрепляясь нормативными заверениями в приверженности к демократии со стороны официальных лиц. Такие «окна возможностей» должны быть использованы для поиска экономических ресурсов посредством укрепления отношений с внешним патроном/патронами и развития интеграционных проектов[657].

---

[653] Официальный сайт партии «Ыйман Нуру». – URL: https://nuru.kg/ru/programm/ (дата обращения: 15.06.2022; на 01.01.2023 недоступен).

[654] The Dilemma of Middlepowermanship in Central Asia: Prospects for Hegemony / Safranchuk, I.A., Zhornist, V.M., Nesmashnyi, et al. // Russia in Global Affairs. – 2022. – № 20 (3). – P. 116-133 – URL: http://dx.doi.org/10.31278/1810-6374-2022-20-3-116-133 (accessed: 08.01.2023)

[655] Князев А.А. «Восточное ревю с Александром Князевым»…

[656] Махмутова Е.В. Влияние антироссийских санкций на Евразийский экономический союз // Вестник международных организаций. – 2019. – Т. 14, № 3. – С. 103.

[657] Кудряшова И. В., Стюарт А. Институциональные реформы в условиях этнокультурной разделенности и неконсолидированных границ: опыт Киргизии // Власть. – 2023. – Том 31. – № 1. – С. 136.

Выводы главы 3

1. Политико-культурные ориентации киргизского общества достаточно противоречивы. С одной стороны, граждане заявляют о приверженности демократическим ценностям (для более чем двух третей респондентов «очень важно жить в демократической стране»), с другой – демонстрируют их достаточно своеобразное понимание, приводя в качестве основной характеристики демократии как свободные выборы, так и подчинение людей властям или получение безработными государственного пособия. Подобная неоднозначность в трактовке демократических принципов позволяет не исключать из анализа вариантов управления этнополитическими рисками механизм с сильной централизованной властью.

2. Оценка применимости для киргизского случая консоциативной модели, использование ряда механизмов которой дало Киргизии 10 лет стабильного развития, позволяет сделать вывод, что для снижения конфликтного потенциала наилучшим вариантом будет премьер-президентская система, где президент, премьер и большинство в парламенте принадлежат к одной партии/партийному блоку. В сфере электорального дизайна предпочтительны следующие элементы: пропорциональное представительство, единый республиканский порог в 9% голосов, увеличение числа парламентариев до 120, закрытые партийные списки при сохранении гендерных и этнических квот, квота Хэра и метод наибольшего остатка для распределения мест в парламенте.

3. Вместе с тем, хотя консоциативная модель (как и ее отдельные элементы) известна как апробированная рамка урегулирования конфликтов в этнокультурно гетерогенных обществах, ее нельзя считать лучшим выбором для Киргизии в ее сегодняшних условиях. Это объясняется тем, что КР – молодое государство, строительство которого осуществляется в условиях высоких этнополитических рисков и ограниченных экономических ресурсов. В связи с этим представляется предпочтительным сохранить используемую в настоящее время модель с сильной президентской властью в интересах укрепления политического центра и институтов государства в целом.

4. Сильный президент способен справиться с рисками неустойчивой и раздробленной партийной системы и более эффективно реализовать политические решения, компенсируя слабость подверженных частым распадам правительственных коалиций. Если использовать типологию О.И. Зазнаева, это может быть выбор президентской системы с элементами реального парламентаризма, конкретно – с непрямыми выборами президента в случае второго тура, что поможет наладить более тесное взаимодействие президента и парламента, а также укрепить

парламентские коалиции. В сфере системы выборов предпочтение отдается мажоритарной системе абсолютного большинства, что может способствовать избранию кандидатов с более умеренными взглядами и созданию более крупных, инклюзивных партий за счет расширения охвата электората. Формирование пропрезидентского большинства в Жогорку Кенеше может стимулировать образование более устойчивой двухпартийной системы.

5. В сфере территориального устройства в интересах консолидации политического центра (республиканской столицы) оптимальной выглядит унитарная модель (вариантом может быть создание централизованной федерации). Наконец, важной (и понимаемой политическими элитами) задачей остается формирование общегражданской идентичности, но без дополнительных бюджетных ресурсов это видится трудно осуществимым в ближайшей перспективе.

6. Самостоятельно расширить экономическую базу, необходимую для решения задач государственного и национального строительства, Киргизия не в состоянии. Обеспечить политическую стабильность и рост экономики она может не столько в рамках декларируемого «многовекторного развития», сколько с помощью внешнего патрона, заинтересованного и в сотрудничестве с Киргизией, и в региональной стабильности в целом. Элитам придется осознать необходимость стратегического планирования и отказаться от погони за партикулярными интересами для снижения рисков от этнополитических расколов.

7. Стратегическим партнером для решения подобной проблемы в настоящий момент может быть только Россия, которая уже предоставляет Киргизии льготные условия для сотрудничества. Высокая трудовая миграция в Россию позволяет снизить уровень безработицы и бедности среди молодого и трудоспособного населения Киргизии, особенно в ее южных регионах, где конфликтогенный потенциал традиционно выше, чем на севере. Переводы трудовых мигрантов составляют до 35% ВВП страны и помогают поддерживать его рост. Евразийский экономический союз при этом является тем механизмом, который может способствовать разрешению многих социально-экономических проблем КР, тем более что в условиях внешних санкций Россия заинтересована в ускорении интеграционных процессов внутри ЕАЭС для обеспечения альтернативных источников экономического развития. Самой Киргизии необходимо сделать ряд шагов для повышения технических стандартов для соответствия требованиям ЕАЭС.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В результате диссертационного исследования цель определить политические механизмы, используемые для управления этнополитическими рисками в Киргизской Республике, и оценить их эффекты, была выполнена. Дан положительный ответ на исследовательский вопрос о возможности управления этнополитическими рисками и сопутствующем повышении уровня политической стабильности и безопасности даже в таком разделенном и ресурсно ограниченном обществе, как киргизское, а также выявлены способы и институциональные механизмы, способствующие решению этой задачи. Отмечено, что для эффективного управления этнополитическими рисками в этом молодом государстве необходимо рассматривать эту проблему в рамках процесса государственного строительства и укрепления официальных институтов.

Хотя институциональные реформы являются достаточно эффективным инструментом снижения этнополитических рисков в этнокультурно разделенных обществах, в случае КР они не могут сами по себе обеспечить управление ими. Это позволяет сделать вывод, что в случае Киргизии внутренние трансформации институционального дизайна не приведут к долгосрочному решению проблемы политической стабильности без финансово-экономической и политической поддержки внешнего патрона/ патронов. В качестве такого заинтересованного актора-патрона в настоящий момент может выступать только Россия в силу общего исторического прошлого, обеспокоенности стабильностью Центрально-Азиатского региона, ее собственного «поворота на Восток» в существующих геополитических реалиях, а также благодаря интеграционным процессам в рамках Евразийского экономического союза.

Гипотеза исследования, как и сопутствующее ей положение, были верифицированы. Внутренняя трансформация дизайна формальных институтов Киргизии, включающая формализацию традиционных форм управления, является важным, но односторонним и не комплексным решением проблем, связанных с высокой этнополитической конфликтностью. Это объясняется слабостью самих формальных институтов, неконсолидированностью границ, неразвитостью общегражданской идентичности, ограниченностью ресурсной базы и высоким уровнем этнокультурной гетерогенности общества. Эти же причины не позволяют сводить решение проблемы к силовому или идеологическому контролю. Учитывая историко-культурные, экономические и социальные аспекты развития страны, эффективная институциональная

трансформация не может исходить лишь из установки движения к демократии, но должна сопровождаться внешней помощью развитию.

Конкретно по задачам исследования:

Для выполнения **первой задачи** – разработки теоретико-методологической рамки исследования – были проанализированы работы по проблематике государственного и национального строительства, особенностям этнокультурно разделенных обществ, взаимодействию формальных и неформальных институтов. Особое внимание было обращено на институциональные механизмы, способствующие снижению этнополитических рисков. В результате был сформулирован понятийный аппарат, включающий дефиницию этнополитических рисков, и определен аналитический инструментарий, позволяющий выявить влияние на этнополитическую конфликтность таких структурных факторов, как историческая государственность, состояние центров и границ, природа этнокультурной гетерогенности, культурно-религиозная традиция, экономический потенциал страны и опыт институционального регулирования этнополитических рисков.

В ходе решения **второй и третьей задач** была проанализирована природа этнополитических рисков в Киргизии в исторической ретроспективе – до и в период присоединения ее территории к Российской империи, а также в советский период. В ходе анализа выявлены устойчивость клановой системы в форме дуальной системы союзов племен севера и юга страны, закрепление регионального раскола «север – юг» в ходе формирования Киргизии как политико-территориальной единицы, а также появление этнических меньшинств из-за специфики нарезки границ советских республик Средней Азии и переселенческой политики.

Отмечено, что советская модернизация, предусматривавшая почти полное финансирование республиканского бюджета, обеспечила интенсивное развитие Киргизии, однако политика создания макрорегиональных и общесоюзных народнохозяйственных комплексов стала причиной экономического краха республики после распада СССР. Тем не менее, ее активное развитие в политической и социально-экономической сфере в советский период заложило фундамент для государственного строительства и развития гражданского самосознания после обретения независимости, хотя политическое влияние традиционалистских структур сохранилось.

В рамках **четвертой задачи** были рассмотрены проявления этнополитических рисков в процессе государственного и национального строительства в современной Киргизии. Противоречивая административно-территориальная и национальная политика Советского Союза,

повлекшая за собой разобщенность центров и границ новых постсоветских государств, во многом предопределила будущие проблемы национальной консолидации, включая появление эксклавов и споры по поводу государственных границ. Сохранившийся региональный раскол, этнические конфликты между киргизами и узбеками и нехватка экономических ресурсов способствуют воспроизводству политической нестабильности, осложняя государственное строительство.

Решение **пятой задачи** потребовало проведения количественного анализа составов правительства КР с момента получения независимости до завершения работы над диссертацией (август 2023 г.) с целью проверки предположения о региональном противостоянии элитных группировок (элит неокланов). Анализ демонстрирует сохранение кланового регионального раскола, при котором область или регион, к которому принадлежит президент (премьер-министр), представлен в правительстве гораздо шире, чем другие, что приводит к недовольству населения недопредставленных регионов и последующим попыткам силового решения проблемы. Фрагментированность политических элит, партий и группировок свидетельствует о том, что властный центр остается неконсолидированным.

В результате работы над **шестой задачей** по определению внешних вызовов и угроз для управления этнополитическими рисками был рассмотрен такой конфликтогенный фактор, как неурегулированность пограничных споров между Узбекистаном и Киргизией и Таджикистаном и Киргизией, что приводит к многочисленным инцидентам. Также отмечено, что пористые границы между государствами, перенаселенность Ферганской долины, высокая безработица и бедность в южных регионах приводят к появлению радикальных исламских настроений и организаций, которые представляют альтернативу официальным институтам в решении повседневных вопросов граждан.

Чтобы оценить предыдущий опыт Киргизии по управлению этнополитическими рисками с точки зрения политической теории и практики, была осуществлена **седьмая задача**. Политические элиты страны постоянно реформируют основной закон государства, пытаясь, с одной стороны, удержать доступ к властным ресурсам, а с другой – закрепить существующий статус-кво. За последние 30 лет поправки в Конституцию вносились более 10 раз, что свидетельствует о конституциональной нестабильности как об одном из проявлений нестабильности в целом и отсутствии стратегического планирования в частности. Слабая экономическая и ресурсная база не позволяет обеспечить ожидаемый эффект от проводимых реформ: несмотря на различные комбинации как президентских и парламентских полномочий в сфере контроля над

правительством, так и элементов электоральных систем, в стране произошли три переворота, что свидетельствует об укоренении внеинституциональных механизмов смены власти и самовоспроизводящейся нестабильности. Следовательно, добиться снижения этнополитической конфликтности только за счет изменения институционального дизайна не представляется возможным. Чередование президентской, парламентской и премьер-президентской систем означает, что политическая система не приобрела автономности, является неотзывчивой к реформам и остается зависимой от протестных настроений и внешних шоков.

Наконец, чтобы выполнить **восьмую задачу** и предложить возможные рекомендации по повышению эффективности политических механизмов управления этнополитическими рисками были проанализированы политико-культурные ориентации киргизского общества, что позволило выявить достаточно своеобразное понимание гражданами демократических ценностей. Ответы респондентов указывают на вторичность институционального дизайна по отношению к политической стабильности и позволяют предложить ряд институциональных инструментов управления этнополитическими рисками.

С одной стороны, оптимальным решением в русле «политологического мейнстрима» видится консоциативная модель, скорректированная в соответствии с особенностями продуцирования этнокультурных рисков в КР. В этом случае в сфере распределения власти она должна включать премьер-президентскую систему, где президент, премьер и большинство в парламенте принадлежат к одной партии/партийному блоку, а в сфере электорального дизайна – пропорциональное представительство, единый республиканский порог в 9% голосов, увеличение числа парламентариев до 120, закрытые партийные списки при сохранении гендерных и этнических квот, квота Хэра и метод наибольшего остатка для распределения депутатских мест.

Вместе с тем обосновано, что консоциативная модель не является лучшим вариантом для Киргизии на данном этапе в силу негативного воздействия перечисленных выше структурных факторов. В связи с этим представляется целесообразным рекомендовать модель «сильной власти», т.е. с сильным президентом, что позволит обеспечить центр принятия решений ресурсами и стабилизировать функционирование государственных институтов. Предложен выбор в пользу президентской системы с непрямыми выборами президента в случае второго тура и мажоритарной системой абсолютного большинства для укрепления системы государственной власти как таковой, а также для усиления более тесного взаимодействия между законодательной и исполнительной властями.

При выборе территориального устройства представляется оптимальным выбор в пользу унитарной модели или централизованной федерации, а при решении задач национальной консолидации – в пользу формирования гражданской идентичности и повышения доверия к официальным государственным институтам.

В настоящий момент в Киргизии наблюдается восстановление неотрадиционных практик, что находит выражение в формализации традиционных институтов власти, укреплении примордиальных ценностей и традиций. Нормативно-правовое регулирование общественных отношений осуществляется посредством президентских указов, направленных на закрепление традиций кыргызчылыка, куда входят: включение в политическую систему Народного Курултая, местных курултаев, судов аксакалов, включение «манасоведения» в программу светских и религиозных учебных заведений и др. Представляется, что перевод неформальных институтов из статуса конкурентных в замещающие и формализация неформальных правил может способствовать дальнейшему ослаблению государственных институтов.

В силу проанализированных выше объективных и субъективных факторов самостоятельно решить проблему управления этнополитическими рисками и обеспечить стабильность Киргизия вряд ли сможет. Постепенная стабилизация политической системы представляется возможной только с помощью внешнего патрона, заинтересованного в стабильности не только Киргизии, но и всего Центрально-Азиатского региона. Этим патроном – готовым к развитию партнерских отношений – на данный момент объективно выступает Россия, которая уже предоставляет льготные условия для экономического развития Киргизии, в том числе в рамках Евразийского экономического союза.

Политика других внешних заинтересованных акторов (прежде всего Китая, Турции и США) не способствует улучшению контроля над этнополитическими рисками. ЕС и США официально оценивают ситуацию в КР с точки зрения развития демократии и прав человека, при этом США руководствуются в первую очередь задачами национальной безопасности; КНР осуществляет политику экономического экспансионизма; Турция и исламские страны делают акцент на культурные и религиозные проекты.

В условиях внешних санкций Россия сама заинтересована в ускорении интеграционных процессов внутри ЕАЭС для обеспечения альтернативных источников экономического роста. Таким образом, в текущих условиях Киргизии придется сделать выбор между декларируемым

многовекторным развитием и стратегическим планированием с ориентацией на заинтересованного партнера – Россию.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Источники

Нормативно-правовые документы на русском языке

1. Декларация об укреплении союзничества и стратегического партнёрства между Российской Федерацией и Киргизской Республикой / Президент России (официальный сайт). - 20.06.2017. – URL: www.kremlin.ru/supplement/5210 (дата обращения: 30.12.2022)
2. Документы, подписанные по итогам государственного визита Президента Киргизской Республики Алмазбека Атамбаева в Российскую Федерацию / Президент России (официальный сайт). 20.06.2017. URL: www.kremlin.ru/supplement/5209 (дата обращения: 30.12.2022)
3. Закон КР «О местном самоуправлении» от 15.06.2011 / Министерство Юстиции Кыргызской Республики. – URL: http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/203102 (дата обращения: 29.12.2022)
4. Закон КР «Об общественных советах государственных органов» от 24.05.2014 / Министерство Юстиции Кыргызской Республики. – URL: http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/205299 (дата обращения: 21.12.2022)
5. Кодекс Кыргызской Республики о выборах / Центральная Комиссия по выборам и проведению референдумов КР (Shailoo). – URL: https://shailoo.gov.kg/ru/konstitucionnye-zakony-kr/konstitucionnye-zakony-kr/O_vyborah_Pr-1913/ (дата обращения: 25.12.2022)
6. Конституционный закон Кыргызской Республики «О выборах Президента КР и депутатов Жогорку Кенеша КР» от 2011 г. / Центральная Комиссия по выборам и проведению референдумов КР (Shailoo). – URL: https://shailoo.gov.kg/ru/konstitucionnye-zakony-kr/konstitucionnye-zakony-kr/O_vyborah_Pr-1913/ (дата обращения: 27.12.2022)
7. Конституционный закон Кыргызской Республики «О Народном Курултае» (проект) / Президент Кыргызской Республики (официальный сайт). – URL: https://www.president.kg/ru/apparat_prezidenta/zakonoproekty/konstitucionnyy_zakon_kyrgyzskoy_respubliki_o_narodnom_kurultae (дата обращения: 21.10.2022)
8. Конституция Кыргызской Республики в редакции от 2010 г. / Министерство Юстиции Кыргызской Республики. – URL: http://www.kyrgyz-el.kg/index.php?option=com_content&task=view&id=120&Itemid=43 (дата обращения 26.12.2022)
9. Конституция Кыргызской Республики в редакции от 2016 г. / Министерство Юстиции Кыргызской Республики. – URL: http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/202913?cl=ru-ru (дата обращения: 26.12.2022)
10. Конституция Кыргызской Республики в редакции от 2021 г. / Министерство Юстиции Кыргызской Республики. – URL: http://www.stat.kg/media/files/1bfbed49-805c-4460-8988-dad9b7341f70.pdf (дата обращения: 28.12.2022)
11. Концепция внешней политики Российской Федерации в редакции 2023 г. / МИД РФ. – URL: http://kremlin.ru/events/president/news/70811 (дата обращения 25.04.2023)

12. Концепция государственной политики Кыргызской Республики в религиозной сфере на 2021-2026 гг. от 30.01.2021 / Министерство юстиции Кыргызской Республики. URL: http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/430711 (дата обращения: 27.12.2022)

13. Концепция развития гражданской идентичности - Кыргыз жараны в Кыргызской Республике на период 2021-2026 гг. / Министерство Юстиции Кыргызской Республики. – URL: http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/430346/10?cl=ru-ru&mode=tekst (дата обращения: 21.10.2022)

14. Национальная стратегия устойчивого развития Кыргызской Республики на период 2012-2017 гг. от 2013 г. / Министерство Юстиции Кыргызской Республики. – URL: http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/61542 (дата обращения: 26.12.2022)

15. О государственном языке Кыргызской Республики / Единый портал общественного обсуждения проектов нормативных правовых актов Кыргызской Республики. – URL: http://koomtalkuu.gov.kg/ru/view-npa/1162 (дата обращения: 26.12.2022)

16. Обращение Президента Садыра Жапарова к главам государств-членов ЕАЭС по случаю председательства Кыргызстана в органах Союза в 2022 г. / Евразийская экономическая комиссия. - 11.01.2022. – URL: https://eec.eaeunion.org/news/obrashhenie-prezidenta-sadyra-zhaparova-k-glavam-gosudarstv-%E2%80%93-chlenov-eaes-po-sluchayu-predsedatelstvovaniya-kyrgyzstana-v-organakh-soyuza-v-2022-godu/ (дата обращения: 25.11.2022)

17. Положение о Координационном совете по реализации Концепции административно-территориальной реформы в Кыргызской Республике в ред. 2016 г. / Министерство юстиции Кыргызской Республики. – URL: http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/93911?cl=ru-ru (дата обращения: 29.12.2022)

18. Постановление правительства КР «О внесении изменений в постановление Правительства КР «”О Концепции административно-территориальной реформы в КР”» от 28.11.2013. / Министерство юстиции Кыргызской Республики. – URL: http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/7589?cl=ru-ru (дата обращения: 29.12.2022)

19. Постановление правительства КР «О Концепции административно-территориальной реформы в КР» от 23.03.2012 / Министерство юстиции Кыргызской Республики. – URL: http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/92981 (дата обращения: 29.12.2022)

20. Постановление Правительства КР от 6 октября 2016 года No 532 «Об утверждении Стратегии управления государственным долгом Кыргызской Республики на 2016–2018 годы» / Министерство Юстиции Кыргызской Республики. – URL: http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/99466 (дата обращения: 30.12.2022)

21. Стратегия управления государственным долгом Кыргызской Республики на 2020-2024 гг. / Министерство Юстиции Кыргызской Республики. – URL: http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/159314 (дата обращения: 30.12.2022)

22. Указ Президента КР «О концепции укрепления единства народа и межэтнических отношений в КР» от 10 апреля 2013 г. / Министерство юстиции Кыргызской Республики. – URL: http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/61588?cl=ru-ru (дата обращения: 27.12.2022)

23. Указа Президента КР от 4 июля 2007 г. «О концептуальных подходах к реорганизации системы территориального устройства в Кыргызской Республике» / Континент справ.служба. – URL: https://continent-online.com/Document/?doc_id=30332817 (дата обращения 29.12.2022)

Другие источники на русском языке

24. COVID-19 в странах Центральной Азии: восстановление экономики и предстоящие трудности // OECD. Tackling Coronavirus (COVID-19): Contributing to a Global Effort. - 11.2020. – URL: https://www.oecd.org/eurasia/competitiveness-programme/central-asia/COVID-19-crisis-response-in-Central-Asia-Russian-updatEd.pdf (дата обращения: 25.11.2022)
25. В школах Кыргызстана с 2022–2023 учебного года вводится предмет «История развития религий» / Президент Кыргызской Республики (официальный сайт). – URL: https://www.president.kg/ru/sobytiya/22693_v_shkolah_kirgizstana_s_20222023_uchebnogo_goda_vvoditsya_predmet_istoriya_razvitiya_religiy (дата обращения: 27.12.2022)
26. Внутренняя миграция в Кыргызстане: барьеры и пути социальной мобильности / Международная организация по миграции ООН. - 30.11.2020. – URL: https://kyrgyzstan.iom.int/ru/resources/vnutrennyaya-migraciya (дата обращения: 26.12.2022)
27. Информационный бюллетень: современные технологии достоверности и прозрачности результатов выборов / Центральная комиссия по выборам и проведению референдумов КР (Shailoo). – Бишкек, 2021. – URL: https://shailoo.gov.kg/media/nurgul/2021/10/07/vnelvq.pdf (дата обращения: 28.12.2022)
28. Информация о выборах депутатов Жогорку Кенеша Кыргызской Республики, прошедших 28 ноября 2021 г. / Центральная комиссия по выборам и проведению референдумов КР (Shailoo). – 31.12.2021. – URL:https://shailoo.gov.kg/ru/news/6079/ (дата обращения: 28.12.2022)
29. История Кыргызского парламента / Жогорку Кенеш Кыргызской Республики. - 15.06.2016. – URL: http://kenesh.kg/ru/article/show/38/istoriya-kirgizskogo-parlamenta (дата обращения: 25.12.2022)
30. Киргизская Советская Социалистическая Республика / Вологодская областная универсальная научная библиотека. – URL: https://www.booksite.ru/fulltext/1/001/008/061/338.htm (дата обращения: 26.12.2022)
31. Кыргызская Республика / Межпарламентская ассамблея государств-участников Содружества независимых государств. – URL: https://iacis.ru/ob_organizatcii/gosudarstva-uchastniki/kirgizskaya_respublika (дата обращения: 25.11.2022)
32. Кыргызская Республика, Парламентские выборы, 28 ноября 2021 г. Заключительный отчет / Миссия БДИПЧ ОБСЕ по наблюдению за выборами. - Варшава, 26.05.2022. – URL: https://www.osce.org/odihr/elections/kyrgyzstan (дата обращения: 28.12.2022)
33. Кыргызская Республика, Парламентские выборы, 28 ноября 2021 г. Заявление о предварительных выводах и заключениях / Международная миссия БДИПЧ ОБСЕ по наблюдению за выборами. – URL: https://www.osce.org/files/f/documents/3/e/505942_0.pdf (дата обращения: 28.12.2022)
34. Кыргызская Республика: Досрочные президентские выборы и референдум 10 января 2021 г. Заключительный отчет / Ограниченная миссия БДИПЧ ОБСЕ по наблюдению за выборами. – Варшава, 04.05.2021. URL: https://www.osce.org/files/f/documents/4/d/490814.pdf (дата обращения: 28.12.2022)

35. Население Кыргызстана / Законодательство Кыргызской Республики. – URL: http://kg.spinform.ru/people.html (дата обращения: 26.12.2022)

36. О российско-киргизских отношениях / Посольство Российской Федерации в Киргизской Республике. – URL: https://kyrgyz.mid.ru/o-rossijsko-kirgizskih-otnoseniah (дата обращения: 26.12.2022)

37. ОБСЕ оказывает содействие разработке национальной стратегии по межэтническим отношениям Кыргызстана // Пресс-релизы центра ОБСЕ в Бишкеке. - 28.03.2011. – URL: http://www.osce.org/ru/bishkek/76225 (дата обращения: 27.12.2022)

38. Отчет взаимной оценки Кыргызской Республики / Евразийская группа по противодействию легализации преступных доходов и финансированию терроризма. - 2018. – URL: https://eurasiangroup.org/files/uploads/files/%D0%9E%D1%82%D1%87%D0%B5%D1%82%20%D0%92%D0%B7%D0%B0%D0%B8%D0%BC%D0%BD%D0%BE%D0%B9%20%D0%BE%D1%86%D0%B5%D0%BD%D0%BA%D0%B8%20%D0%9A%D1%8B%D1%80%D0%B3%D1%8B%D0%B7%D1%81%D0%BA%D0%BE%D0%B9%20%D0%A0%D0%B5%D1%81%D0%BF%D1%83%D0%B1%D0%BB%D0%B8%D0%BA%D0%B8%20-%202018.pdf (дата обращения: 29.12.2022)

39. По словам международных наблюдателей, конкурентным парламентским выборам в Кыргызстане не хватило значимой вовлеченности избирателей / Бюро по демократическим институтам и правам человека ОБСЕ. - 29.11.2021. – URL: https://www.osce.org/ru/odihr/elections/505852 (дата обращения: 28.12.2022)

40. Совет министров СССР постановление от 20 ноября 1965 г. № 976 «О Государственном бюджете СССР на 1966 г.» – URL: https://webcache.googleusercontent.com/search?q=cache:nxWHyCoI4mQJ:https://docs.cntd.ru/document/765711907&cd=1&hl=en&ct=clnk&gl=us&client=firefox-b-1-d (дата обращения: 26.12.2022)

41. Среднеазиатские ханства в первой половине XIX в. / Президентская библиотека имени Б.Н. Ельцина. – URL: https://www.prlib.ru/item/451350 (дата обращения: 30.12.2022)

42. Сталин И.В. Сочинения. – М.: ОГИЗ; Государственное издательство политической литературы, 1947. - Т. 5. – 441 с.

43. Труды киргизской археолого-этнографической экспедиции / ред. Г.Ф. Дебец. - Т.2. – М.: Изд-во АН СССР, 1959. – URL: https://st-1.akipress.org/st_bilimlib/4/5dfd34510a488b9d74bc1834578d88a1cf066202.pdf (дата обращения: 25.12.2022)

44. Уникальный героический эпос «Манас» / Сайт президента Кыргызской Республики. – URL: http://www.president.kg/ru/kyrgyzstan/epos_manas (дата обращения: 25.12.2022)

45. Центральная комиссия по выборам проведению референдумов КР (Shailoo). – URL: https://talapker.shailoo.gov.kg/ru/election/14/kenesh_gor/5/party/3/program (дата обращения: 28.12.2022)

46. Экономика кыргызов в составе СССР (1917-1991) / Open.KG. – URL: https://www.open.kg/about-kyrgyzstan/kyrgyz-economy/197-ekonomika-kyrgyzov-v-sostave-sssr-1917-1991.html (дата обращения: 25.12.2022)

Официальные документы и другие источники на английском языке

47. Addressing the most Vulnerable First - Pro-Poor Climate Action in Informal Settlements. Nairobi, Kenya / United Nations Human Settlements Programme. - UN-Habitat, 2018. – URL: https://unhabitat.org/pro-poor-climate-action-in-informal-settlement (accessed: 26.12.2022)
48. Final Report on Kyrgyz Developments 2010 / International Investigation Commission of the OSCE PA. - 03.05.2011. – URL: https://reliefweb.int/report/kyrgyzstan/report-independent-international-commission-inquiry-events-southern-kyrgyzstan (accessed: 27.12.2022)
49. Kyrgyz Republic Parliamentary Elections, 10 October, 2010 // OSCE ODIHR Election Observation Mission**.** – Warsaw, 04.10.2015. – URL: https://www.osce.org/odihr/elections/kyrgyzstan/189401?download=true (accessed: 28.12.2022)
50. Kyrgyz Republic. Preliminary Joint Opinion on the Draft Law "On Introduction of Amendments and Changes to the Constitution" / Council of Europe: Venice Commission. - 29.11.2016. – URL: http://www.venice.coe.int/webforms/documents/?pdf=CDL-PI(2016)009-rus (accessed: 28.12.2022).
51. OSCE ODIHR Final Report on the 2007 Parliamentary Elections in Kyrgyzstan. – URL: http://www.osce.org/documents/odihr/2008/04/30844_en.pdf (accessed: 27.12.2022)
52. OSCE PA Briefing Report for the Election Observation Mission. - June 2010 (for restricted audience).
53. Regional socio-economic disparities in Kyrgyzstan: Are they shrinking? / United Nations Development Program. - 25.11.2011. – URL: https://www.yumpu.com/en/document/view/20430021/regional-socio-economic-disparities-in-kyrgyzstan-undp-europe (accessed: 26.12.2022)

Программы и официальные сайты партий КР

54. Официальный сайт партии «Альянс» на facebook.com [запрещен в РФ]. – URL: https://www.facebook.com/alliance.kyrgyzstan (дата обращения: 28.12.2022)
55. Официальный сайт партии «СДПК». – URL: http://www.sdpk.kg/ru/partija/politplatforma (недоступен)
56. Официальный сайт партии «ЫІнтымак». – URL: https://yntymak2021.kg/ (недоступен)
57. Официальный сайт партии Ыйман Нуру. – URL: https://nuru.kg/ru/programm/ (недоступен).
58. Программа партии «Альянс» за 30 секунд (видео-ролик) / Альянс партиясы (официальный сайт на facebook.com [запрещен в РФ]). – URL: https://www.facebook.com/watch/?v=421054712740531 (дата обращения: 28.12.2022)
59. Программа партии «Ата-Журт Кыргызстан» // Deputat.kg. URL: https://deputat.kg/election-promises/programma-partii-ata-zhurt-kyrgyzstan/ (дата обращения: 28.12.2022)
60. Программа партии «Бутун Кыргызстан» на выборы в городские кенеши 2021 г. / Центральная комиссия по выборам проведению референдумов КР (Shailoo). – URL: https://talapker.shailoo.gov.kg/ru/election/14/kenesh_gor/5/party/3/program (дата обращения: 28.12.2022)

61. Программа партии «Ишеним». – URL: https://ishenim-team.kg/programma (дата обращения: 28.12.2022)

62. Программа партии «Кыргызстан». – URL: https://www.kyrgyzstan7.kg/ru/%d0%bf%d1%80%d0%be%d0%b3%d1%80%d0%b0%d0%bc%d0%bc%d0%b0/ (недоступен)

Аналитические материалы на русском языке

63. Аджвад М.И., Гонсалес С.Б. Рабочие места в Кыргызской Республике / Группа Всемирного Банка. - 2018. – URL: https://openknowledge.worldbank.org/bitstream/handle/10986/30105/127799ovRU.pdf?sequence=5 (дата обращения: 26.12.2022)

64. Бейшембаева А. Кыргызстан: менталитет общества и модернизация // CA&C Press AB. – Швеция. – URL: https://ca-c.org.ru/journal/2004/journal_rus/cac-05/16.beirus.shtml (дата обращения: 29.12.2022)

65. Восприятие населением Кыргызской Республики идеологии религиозного экстремизма и его оценка государственной политики в противодействии экстремизму. Аналитическое исследование / Центр исследования религиозной ситуации при ГКДР КР. – URL: http://religion.gov.kg/wp-content/uploads/2016/11/%D0%A1%D0%BE%D1%86_%D0%B8%D1%81%D1%81%D0%BB%D0%B5%D0%B4_%D1%86%D0%B8%D1%80%D1%81.pdf (дата обращения: 27.12.2022)

66. Диагностика частного сектора страны: создание рынков в Кыргызской Республике. Раскрытие потенциала частного сектора для возвращения на траекторию успешного развития / Группа Всемирного Банка. - 05. 2021. – URL: https://www.ifc.org/wps/wcm/connect/e34c9e75-8977-49b8-a9ac-ea09f060f706/CPSD-Kyrgyz-Republic-RU.pdf?MOD=AJPERES&CVID=nCEApJp (дата обращения: 26.12.2022)

67. Доклад о влиянии избирательных систем на представительство женщин в политике / Европейская комиссия за демократию через право (Венецианская комиссия). - Страсбург, 16.06.2009. – URL: https://www.venice.coe.int/webforms/documents/default.aspx?pdffile=CDL-AD(2009)029-rus (дата обращения 28.12.2022)

68. Кыргызская Республика: Устойчивое восстановление на фоне существующих недостатков: в зоне особого внимания (трудовая миграция) / Группа Всемирного банка. - Обзор экономики КР №6. - Бишкек, Осень/Зима 2017г. – URL: https://documents1.worldbank.org/curated/ru/987271517230056742/pdf/Economic-update-with-a-special-focus-on-labor-migration.pdf (дата обращения: 26.12.2022)

69. Некоммерческие организации в Кыргызской Республике. Специальная публикация / ред. О.Абдыкалыков. – Бишкек, 2011. – URL: http://ccss.jhu.edu/wp-content/uploads/downloads/2012/06/Kyrgyz_Satellite-Account_Russian_2011.pdf (дата обращения: 29.12.2022)

70. Обзор Пекин+25: Гендерное равенство и расширение прав и возможностей женщин в странах СПЕКА / Экономическая и социальная комиссия для Азии и Тихого океана (ЭСКАТО). - Сентабрь 2020 г. – URL:

https://www.unescap.org/sites/default/files/ESCAP_B25_Central_Asia_Report_20200911_RUS.pdf (дата обращения: 26.12.2022)

71. Тодуа З.Б. Исламская оппозиция в Узбекистане до и после начала антитеррористической операции в Афганистане // Институт социальных систем МГУ им. М.В. Ломоносова. – URL: https://centrasia.org/newsA.php?st=1114956660 (дата обращения: 26.12.2022)
72. Усенов А. Процессы политизации ислама в Кыргызстане: влияние на парламентские выборы 2020 г. / Central Asian Bureau for Analytical Reporting. - 03.08.2020. – URL: https://cabar.asia/ru/protsessy-politizatsii-islama-v-kyrgyzstane-vliyanie-na-parlamentskie-vybory-2020-goda#_ftnref3 (дата обращения: 27.12.2022)
73. Элебаева А.Б., Эсенаманова Н.С., Чотаев З.Д. Влияние религиозного фактора на социально-политическую ситуацию в Кыргызской Республике (социологическое исследование) - Бишкек: Триада Принт, 2016. - 206 с.

Аналитические материалы на английском языке

74. Arynova A., Schmeier S. et al. Conflicts Over Water and Water Infrastructure at the Tajik-Kyrgyz Border: A Looming Threat for Central Asia? / Water, Peace and Security. – 2021. – URL: https://waterpeacesecurity.org/files/68 (accessed: 21.10.2022)
75. Central Asia: Border Disputes and Conflict Potential / International Crisis Group. - Asia Report № 33. - Osh/Brussels, 04.04.2022. – URL: https://www.files.ethz.ch/isn/28346/033_central_asia_border_disputes.pdf (accessed: 26.12.2022)
76. Environment and Security Initiative: Transforming Risks into Co-Operation Central Asia Ferghana – Osh – Khudjand Area / ENVSEC Initiative. – URL: http://www.envsec.org/publications/ENVSEC.%20Transforming%20Risks%20into%20Cooperation.%20Central%20Asia.%20Ferghana-Osh-Khujand%20area.%20Background%20paper_Eng.pdf (accessed: 29.12.2022)
77. Jailobaeva K. NGOs in Kyrgyzstan / Social Research Centre. - American University of Central Asia: Bishkek. – URL: https://www.files.ethz.ch/isn/145092/kanykei2_eng.pdf (accessed: 29.12.2022)
78. Labour Migration and Labour-Intensive Industries in Kyrgyzstan and Tajikistan: Possibilities for Human Development in Central Asia // UNDP & EDB Joint Publication. - 2022. – URL: https://eabr.org/upload/iblock/0b9/report_ca_labour_migration_and_labour_intensive_sectors_full_rus.pdf (accessed: 30.12.2022)
79. Lugo L. The world's Muslims: Unity and Diversity // Pew Research Center Report. - 2012. – URL: http://www.pewforum.org/Muslim/the-worlds-muslims-unity-and-diversity.aspx (accessed: 26.12.2022)
80. Migration, Food Security and Nutrition in the Kyrgyz Republic / World Food Programme and the International Organization for Migration. - 2021. – URL: https://docs.wfp.org/api/documents/WFP-0000135311/download/ (accessed: 26.12.2022)
81. Nyman A.-S., Traut B.J. The Press and the New President: A Review of Freedom of Speech in Kyrgyzstan // Diplomatic Courier. - 26.12.2017. – URL: https://www.diplomaticourier.com/posts/press-new-president-review-freedom-speech-kyrgyzstan (accessed: 29.12.2022)

82. Roberts S.R. What's ethnicity got to do with it? Healing the wounds of Uzbek-Kyrgyz violence in the Ferghana Valley. - PONARS Policy Memo № 106. – URL: https://www.ponarseurasia.org/wp-content/uploads/attachments/pepm_106.pdf (accessed: 26.12.2022)

83. Tabyshalieva A. The Challenge of Regional Cooperation in Central Asia. - United States Institute of Peace. - 1999. - 23 p.

Базы данных и статистические материалы на русском языке

84. База данных «Религиозные организации» / Государственная комиссия по делам религии Кыргызской Республики. – URL: http://www.religion.gov.kg/ru/religion_organization/registered/muslim (дата обращения 25.11.2022)

85. База данных «Статистика СНГ». – URL: http://www.cisstat.com/0base/frame-rus.htm (дата обращения: 16.12.2022)

86. Влияние пандемии COVID-19 на домашние хозяйства / Национальный статистический комитет Кыргызской Республики. – URL: http://stat.kg/ru/publications/vliyanie-pandemii-covid-19-na-domashnie-hozyajstva/ (дата обращения: 27.12.2022)

87. Демографический ежегодник Кыргызской Республики, 2016-2020 гг. / Национальный статистический комитет Кыргызской Республики. – URL: http://www.stat.kg/ru/publications/demograficheskij-ezhegodnik-kyrgyzskoj-respubliki/ (дата обращения 26.12.2022)

88. Джайлобаева Г.Ж. Индикаторы достойного труда в Кыргызской Республике. Практика их применения / Национальный статистический комитет Кыргызской Республики. – 19.11.2018. – URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/events/labour/Documents/Slides%20on%20Labour/%D0%9A%D1%8B%D1%80%D0%B3%D1%8B%D0%B7%D1%81%D1%82%D0%B0%D0%BD_%D0%A1%D0%B5%D1%81%D1%81%D0%B8%D1%8F%202_%D0%94%D0%BE%D1%81%D1%82%D0%BE%D0%B9%D0%BD%D1%8B%D0%B9%20%D1%82%D1%80%D1%83%D0%B4%20-%D0%94%D0%B6%D0%B0%D0%B9%D0%BB%D0%BE%D0%B1%D0%B0%D0%B5%D0%B2%D0%B0.pdf (дата обращения: 26.12.2022)

89. За последние пять лет сократилась численность преподавательского персонала общеобразовательных школ / Национальный статистический комитет Кыргызской Республики. - 02.10.2015. – URL: http://stat.kg/ru/news/za-poslednie-pyat-let-sokratilas-chislennost-prepodavatelskogo-personala-obsheobrazovatelnyh-shkol-na-56-procenta/ (дата обращения: 26.12.2022)

90. Инвестиции / Национальный статистический комитет Кыргызской Республики. – URL: http://www.stat.kg/ru/statistics/investicii/ (дата обращения: 29.12.2022)

91. Индекс доверия населения / Национальный статистический комитет Кыргызской Республики. – URL: http://www.stat.kg/ru/indeks-doveriya-naseleniya/ (дата обращения: 27.12.2022)

92. Население, занятость и условия жизни в странах СНГ 2020 г. (стат.сборник) / Межгосударственный статистический комитет СНГ. База данных «статистика СНГ». - М.: 2021. – URL: http://www.cisstat.com/0base/frame-rus.htm (дата обращения: 26.12.2022)

93. Национальный состав населения / Национальный статистический комитет Кыргызской Республики. – URL: http://www.stat.kg/ru/statisticheskie-perepisi/ (дата обращения 26.12.2022)
94. О взаимной торговле товарами Евразийского экономического союза, январь-июль 2021 г. // Статистика Евразийского экономического союза. - 24.09.2022. – URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/tradestat/analytics/Documents/2021/Analytics_I_202107.pdf (дата обращения: 29.12.2022)
95. Об итогах внешней и взаимной торговли товарами государств – членов Евразийского экономического союза, январь-ноябрь 2021 г. // Статистика Евразийского экономического союза. - 14.01.2022. – URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/tradestat/analytics/Documents/express/Jan_Nov2021.pdf (дата обращения: 29.12.2022)
96. Об уровне бедности в Кыргызской Республике в 2021 г. / Национальный статистический комитет Кыргызской Республики. – URL: http://stat.kg/media/publicationarchive/9462883c-9dd6-4c33-9a95-2958a38c3ba2.pdf (дата обращения: 21.10.2022)
97. Общеобразовательные организации: причины непосещения школ учащимися / Национальный статистический комитет Кыргызской Республики. - 05.10.2020. – URL: http://stat.kg/ru/news/obsheobrazovatelnye-organizacii-prichiny-neposesheniya-shkol-uchashimisya/ (дата обращения: 26.12.2022)
98. Перепись населения и жилищного фонда Кыргызской Республики 2009 года, кн. III. Город Ош / Национальный статистический комитет Кыргызской Республики. Бишкек. - 2010. – URL: http://www.stat.kg/media/files/9728fbd6-8d05-4867-82e4-19c9bbf5e61c.pdf (дата обращения: 26.12.2022)
99. По итогам 2021 г. отмечен рост валового внутреннего продукта / Национальный статистический комитет Кыргызской Республики. - 14.01.2022. – URL: http://www.stat.kg/ru/news/po-itogam-2021-goda-otmechen-rost-valovogo-vnutrennego-produkta/ (дата обращения: 26.12.2022)
100. Промышленность Кыргызстана в разбивке по регионам // Промышленность Кыргызстана. - 2012. – URL: https://rus.gateway.kg/industry/promyshlennost-kyrgyzstana/regions/ (дата обращения: 26.12.2022)
101. Промышленность Кыргызской Республики / Национальный статистический комитет Кыргызской Республики. – URL: http://www.stat.kg/ru/statistics/promyshlennost/ (дата обращения: 26.12.2022)
102. Социально-экономическая статистика / Евразийская экономическая комиссия. – URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/econstat/Pages/population.aspx (дата обращения: 26.12.2022)
103. Статистические переписи (НПА и публикации) / Национальный статистический комитет Кыргызской Республики. – URL: http://www.stat.kg/ru/opendata/category/312/ (дата обращения 26.12.2022)
104. Структура ВВП по видам экономической деятельности в текущих ценах / Национальный статистический комитет Кыргызской Республики. – URL: http://www.stat.kg/ru/opendata/category/2314/ (дата обращения: 26.12.2022)

105. Уровень бедности населения в Кыргызской Республике в 2016 г. / Национальный статистический комитет Кыргызской Республики. – URL: http://www.stat.kg/media/files/41aa1138-53c4-4dd7-afce-d6c854e1c065.pdf (дата обращения: 21.10.2022)

106. Уровень безработицы 2016-2020 гг. / Национальный статистический комитет Кыргызской Республики. – URL: http://www.stat.kg/ru/opendata/category/113/ (дата обращения: 26.12.2022)

107. Хауг В. Демографические тенденции, формирование наций и межэтнические отношения в Киргизии // Население Кыргызстана / под ред. З. Кудабаева, М. Гийо, М. Денисенко. – Бишкек: Национальный статистический комитет Кыргызской Республики, 2004. - С. 109-157.

108. Хрестоматия практико-ориентированного комплекса учебно-методических материалов по курсу «Социальная статистика. Международные статистические стандарты в области Целей развития тысячелетия» / Межгосударственный статистический комитет СНГ. – URL: http://www.cisstat.com/Trainig_courses/CIS_training_course_Social_Statistics/CIS_training_course_Social_Statistics_07%20-%20reader.pdf (дата обращения: 26.12.2022)

Базы данных и статистические материалы на английском языке

109. Civil Freedom Monitor: Kyrgyz Republic / International Center for Not-For-Profit Law. - 14.12.2022. – URL: http://www.icnl.org/research/monitor/kyrgyz.html (accessed: 29.12.2022)

110. Fragile States Index. – URL: https://fragilestatesindex.org/country-data/ (accessed: 21.10.2022).

111. Kyrgyzstan / The World Factbook. - 13.12.2022. – URL: https://www.cia.gov/the-world-factbook/countries/kyrgyzstan/#economy (accessed: 26.12.2022)

112. Kyrgyzstan. Bertelsmann Transformation Index 2003. – URL: http://www.bertelsmann-transformation-index.de/fileadmin/pdf/BERT_Brosch_re_ENG.pdf (accessed: 27.12.2022)

113. Life in Transition Survey III: A decade of measuring transition / European Bank for Reconstruction and Development. – URL: https://litsonline-ebrd.com/ (accessed: 28.12.2022)

114. Public Opinion Poll: Residents of Kyrgyzstan August 6 – August 15, 2020 // Center for insights in survey research: a project of the International Republican Institute. - 2020. – URL: https://www.iri.org/sites/default/files/kyrgyzstan_august_2020_slides_public_release.pdf (accessed: 27.12.2022)

115. World Values Survey Wave 7 (2017-2022). – URL: https://www.worldvaluessurvey.org/WVSDocumentationWV7.jsp (accessed: 21.10.2022).

Материалы СМИ на русском языке

116. «В тюрьме ты 24 часа в сутки свободный человек» // Коммерсантъ. – 10.01.2021. – URL: https://www.kommersant.ru/doc/4639707 (дата обращения: 10.10.2022)

117. «Россия в глобальной политике» (официальный Telegram-канал). – URL: https://t.me/ru_global (дата обращения: 27.12.2022)

118. Абашин С. Была ли Центральная Азия колонией? (лекция курса «(Пост)колониальные исследования») / Л. Гарипова // syg.ma «Ташкент-Тбилиси». – 07.10.2021. – URL: https://syg.ma/@leisan-garipova/sierghiei-abashin-byla-li-tsientralnaia-aziia-koloniiei (дата обращения 25.12.2022)

119. Asgarli A. Жапаров призвал улучшить качество религиозного образования в Кыргызстане // Andalu Agency. – 06.09.2021. – URL: https://www.aa.com.tr/ru/мир/жапаров-призвал-улучшить-качество-религиозного-образования-в-кыргызстане/2356877 (дата обращения: 27.12.2022)

120. Абдуваитова А. "А как же наши джигиты?" Депутат возмущен, что премьер не назначает людей из Таласа // KaktusMedia. - 24.01.2019. – URL: https://kaktus.media/doc/385738_a_kak_je_nashi_djigity_depytat_vozmyshen_chto_premer_ne_naznachaet_ludey_iz_talasa.html (дата обращения: 27.12.2022)

121. Адилет А. «Встречайте, идут воры!» Программы партий «Ата-Журт Кыргызстан», «Улуу-Журт» и «Ишеним» оказались плагиатом // kloop. - 11.04.3032. – URL: https://kloop.kg/blog/2021/04/11/vstrechajte-idut-vory-programmy-partij-ata-zhurt-kyrgyzstan-uluu-zhurt-i-ishenim-okazalis-plagiatom/ (дата обращения: 28.12.2022)

122. Акеров Т. Кыргызы - этногенез и история: клановая система в кочевых обществах // История Кыргызстана и кыргызов. – 29.04.2016. – URL: https://kghistory.akipress.org/unews/un_post:7362 (дата обращения: 25.12.2022)

123. Алексеева Н. Рокировка Атамбаева: зачем главе Киргизии российская военная база на границе с Таджикистаном // RT. - 29.06.2017. – URL: https://russian.rt.com/ussr/article/404188-kirgiziya-rossiiskaya-voennaya-baza (дата обращения: 30.12.2022)

124. Атамбаев об изменениях в Конституции: Это «защита независимости от дурака» // Vesti.Kg. - 12.12.2016. – URL: https://vesti.kg/politika/item/43720-atambaev-ob-izmeneniyah-v-konstitutsii-eto-zaschita-nezavisimosti-ot-duraka.html (дата обращения: 28.12.2022)

125. Бакиев считает, что демократия в Киргизии является реальностью // РИА Новости. 07.06.2008. URL: https://ria.ru/20070407/63273996.html (дата обращения: 25.12.2022)

126. Венецианская комиссия СЕ критикует поправки в конституцию Киргизии // РИА Новости. - 25.06.2015. URL: https://ria.ru/world/20150625/1087622500.html (дата обращения: 25.12.2022)

127. Государственный долг Кыргызстана — последние изменения // Sputnik Кыргызстан. - 29.06.2017. – URL: https://ru.sputnik.kg/economy/20170629/1034058989/gosudarstvennyj-dolg-kyrgyzstana.html (дата обращения: 30.12.2022)

128. Джумашова А. Цифра дня. 4 тысячи 870 уголовных дел по коррупции возбуждено в Кыргызстане // 24.kg. - 18.05.2020. – URL: https://24.kg/obschestvo/153147_tsifra_dnya_4tyisyachi_870_ugolovnyih_del_pokorruptsii_vozbujdeno_vkyirgyizstane/ (дата обращения: 26.12.2022)

129. Для поддержки сельского хозяйства. В ЕАЭС обнулили часть таможенных пошлин // 24.kg. - 22.06.2022. – URL: https://24.kg/ekonomika/237662_dlya_podderjki_selskogo_hozyaystva_veaes_obnulili_chast_tamojennyih_poshlin/ (дата обращения: 30.12.2022)

130. Дятленко П. Экономические возможности для Кыргызстана в ЕАЭС: взгляд из Бишкека // Внешняя политика. - 03.11.2015. – URL: http://www.foreignpolicy.ru/analyses/ekonomicheskie-vozmozhnosti-dlya-kyrgyzstana-v-eaes-vzglyad-iz-bishkeka/ (дата обращения: 29.12.2022)

131. Дятленко П. Исламский фактор во внешней политике Кыргызстана // Внешняя политика. - 26.06.2016. – URL: http://foreignpolicy.ru/analyses/islamskiy-faktor-vo-vneshney-politike-kyrgyzstana/ (дата обращения: 27.12.2022)

132. Зельма Г. Как Кыргызстан и другие республики жили в СССР: инфографика // Sputnik Кыргызстан. - 28.12.2021. – URL: https://ru.sputnik.kg/20211228/kyrgyzstan-sssr-30-let-raspad-1060780756.html (дата обращения: 26.12.2022)

133. Иманалиев М.С. «Кыргызчылык». Неформальные институты и «правила политической игры» в Кыргызстане // ЦентрАзия. – URL: https://centrasia.org/newsA.php?st=1199880720 (дата обращения: 27.12.2022)

134. Иманалиев Муратбек Сансызбаевич – биографическая справка // ЦентрАзия. – URL: https://centrasia.org/person2.php?st=1013869298 (дата обращения: 27.12.2022)

135. Исмаил Исаков: Итоги расследования ІІС выгодны тем, кто хочет, чтобы в Кыргызстане началась гражданская война // 24.kg. - 26.04.11. – URL: http://www.24kg.org/community/98817-ismail-isakov-itogi-rassledovaniya-iic-vygodny.html (дата обращения 27.12.2022)

136. Как странам Средней Азии удалось поделить спорные территории // Взгляд (деловая газета). - 23.11.2022. – URL: https://vz.ru/world/2022/11/23/1187274.html (дата обращения: 26.12.2022)

137. Калыков М. НПО в Кыргызстане чрезмерно политизированы — президент Жапаров // kloop. - 21.10.2021. – URL: https://kloop.kg/blog/2021/10/21/npo-v-kyrgyzstane-chrezmerno-politizirovany-prezident-zhaparov/ (дата обращения: 29.12.2022)

138. Киргизию зальют российскими деньгами // Коммерсантъ. - 21.09.2012. – URL: https://www.kommersant.ru/doc/2026924 (дата обращения: 26.12.2022)

139. Князев А.А. «Восточное ревю с Александром Князевым». Telegram-канал автора @orientalreviewAK

140. Кудрявцева Т. В ЕАЭС формируют единый рынок органической продукции // 24.kg. - 22.04.2022. – URL: https://24.kg/ekonomika/231666_veaes_formiruyut_edinyiy_ryinok_organicheskoy_produktsii/ (дата обращения: 29.12.2022)

141. Кудрявцева Т. Камбаратинская ГЭС-2. Как сделать станцию эффективной и безопасной // 24.kg. - 06.02.2019. – URL: https://24.kg/ekonomika/108273_kambaratinskaya_ges-2_kak_sdelat_stantsiyu_effektivnoy_ibezopasnoy/ (дата обращения: 26.12.2022)

142. Кыргызстан и Узбекистан согласовали все спорные участки границы // Фергана. - 26.03.2021. – URL: https://fergana.agency/news/121846/ (дата обращения: 26.12.2022)

143. Мамараимов А. Пора кардинально менять отношение к государственному языку // Радио Азаттык. - 25.01.2022. – URL: https://rus.azattyk.org/a/31668587.html (дата обращения: 26.12.2022)

144. Масалиева Ж. Учеников медресе обучат светским профессиям // 24.kg. - 26.07.2017. – URL: https://24.kg/obschestvo/58542_uchenikov_medrese_obuchat_svetskim_professiyam/ (дата обращения: 27.12.2022)

145. Международный кувейтский университет (официальный сайт). – URL: http://iku.kg/ (дата обращения: 27.12.2022)

146. Миллер А. Нация-государство или государство-нация? // Россия в глобальной политике. - 2008. - №5. – URL: http://www.globalaffairs.ru/number/n_11632 (дата обращения: 25.12.2022)

147. Мурадян И. Фактор ферганской долины // Lragir. - 06.11.2009. – URL: http://www.lragir.am/index.php/rus/0/comments/view/11353 (дата обращения 28.12.2022)

148. Насритдинов Э. Деурбанизация: на руинах советского модернизма в шахтерских городах Кыргызстана // ЦентрАзия. - 03.09.2015. – URL: https://centrasia.org/newsA.php?st=1441269360 (дата обращения: 26.12.2022)

149. Нужна твердая рука // uzmetronom. - 04.10.2022. – URL: https://uzmetronom.agency/2022/10/04/nuzhna-tverdaya-ruka.html (дата обращения: 10.11.2022)

150. Образование ДУМ Средней Азии (САДУМ). - ИД «Медина», 30.03.2009. – URL: http://www.idmedina.ru/ussr/?1113 (дата обращения: 21.10.2022)

151. ОБСЕ критикует власти Киргизии за подавление оппозиции // Радио Свобода. - 26.12.2007. – URL: https://www.svoboda.org/a/427715.html (дата обращения: 27.12.2022)

152. Ош – уездный город // Дипкурьер. Информационный вестник Генерального консульства РФ в Оше. – URL: http://dipkurier.narod.ru/dip45/osh130.htm (дата обращения: 27.12.2022)

153. Панфилова В. Киргизия идет на разрыв связей с Россией // Независимая. - 09.10.2022. – URL: https://www.ng.ru/cis/2022-10-09/1_8560_kyrgyzstan.html (дата обращения: 29.12.2022)

154. Парламентские выборы 2020: предложения по административной и территориальной реформе // Kabar (Кыргызское национальное информационное агентство). - 15.11.19. – URL: https://kabar.kg/news/parlamentskie-vybory-2020-predlozheniia-po-administrativnoi-i-territorial-noi-reforme/ (дата обращения: 29.12.2022)

155. Председательство в ЕАЭС перешло к Киргизии // РИА Новости. - 01.01.2022. – URL: https://ria.ru/20220101/eaes-1766335984.html (дата обращения: 29.12.2022)

156. Президент Киргизии обрушился с критикой на правозащитников и НПО // facenews. - 03.04.2017. – URL: https://www.facenews.ua/news/2017/355649/ (дата обращения: 29.12.2022)

157. Пришло время очиститься от «священных» «овка» и «евка» // Vesti.KG. - 10.02.2011. – URL: http://www.gezitter.org/society/1499 (дата обращения: 26.12.2022)

158. Путин заявил, что большое евразийское партнерство может стать цивилизационным проектом // ТАСС. - 26.05.2022. – URL: https://tass.ru/ekonomika/14737439?utm_source=google.com&utm_medium=organic&utm_campaign=google.com&utm_referrer=google.com (дата обращения: 29.12.2022)

159. Разетдинова К. Как Россия помогала Кыргызстану в 2021 г.: инфографика //Sputnik Кыргызстан. - 18.02.2022. – URL: https://ru.sputnik.kg/20220216/pomoshch-rossii-kyrgyzstanu-v-2021-godu-1062100578.html (дата обращения: 29.12.2022)

160. Рашид А. ИДУ постепенно развивается в движение, охватывающее всю Среднюю Азию. - 06.01.2005. – URL: https://russian.eurasianet.org/node/56970 (дата обращения 26.12.2022)

161. Референдум раздора: Зачем Киргизии новая Конституция // РБК. - 10.12.2016. – URL: http://www.rbc.ru/politics/10/12/2016/584aa7bb9a7947d07788c0ca (дата обращения: 28.12.2022)

162. Роза Отунбаева: Настал час сказать народу Кыргызстана свое слово и на деле доказать свою решительную волю к лучшей жизни! // Радио Азаттык. - 11.11.2010. – URL: https://www.azattyk.org/a/Kyrgyzstan_Election_Parliament/2216781.html (дата обращения 25.12.2022)

163. Сангинов Б. Ферганский фактор и безопасность центральной Евразии // Geополитика.ru. - 26.08.2013. – URL: https://www.geopolitica.ru/article/ferganskiy-faktor-i-bezopasnost-centralnoy-evrazii (дата обращения 28.12.2022)

164. Сбежавшая невеста: женщины уезжают из Кыргызстана, чтобы их не украли «женихи» // Sputnik Таджикистан. - 19.08.2021. – URL: https://tj.sputniknews.ru/20210613/kyrgyzstan-kraja-nevest-1040196430.html (дата обращения: 26.12.2022)

165. СНБ Узбекистана: Присоединиться к ИГИЛ «Исламское движение Узбекистана» вынудили финансовые проблемы // ИА Regnum. - 19.02.2015. – URL: http://www.regnum.ru/news/polit/1897424.html (дата обращения: 26.12.2022)

166. Спикер парламента Киргизии призвал срочно поменять все названия на русском языке // RuPosters. - 25.11.2022. – URL: https://ruposters.ru/news/25-11-2022/kirgizii-prizvali-ekstrennom-poryadke-pereimenovat-nazvaniya-russkom-yazike (дата обращения: 26.12.2022)

167. Суранова А. Кыргызчылык. Часть I – паразитизм // Радио Азаттык. - 13.02.2013. – URL: https://rus.azattyk.org/a/kyrgyzstan_blogs_suranova/24900934.html (дата обращения: 27.12.2022)

168. Умаров Т. Конфликт без посредников. Кто выиграл от войны на границе Киргизии и Таджикистана // Фонд Карнеги за международный мир (США). - 04.05.2021. – URL: https://carnegie.ru/commentary/84454 (дата обращения: 26.12.2022)

169. Учебники по религии мы давали на экспертизу представителям ислама и церкви // Вечерний Бишкек. - 01.07.2022. – URL: https://www.vb.kg/doc/419990_ychebniki_po_religii_my_davali_na_ekspertizy_predstaviteliam_islama_i_cerkvi.html (дата обращения: 27.12.2022)

170. Фальков М. Исламское движение Узбекистана (ИДУ) // Независимая. - 24.08.2000. – URL: https://www.ng.ru/net/2000-08-24/0_idu.html (дата обращения: 26.12.2022)

171. Что обещает сделать "Бутун Кыргызстан" — коротко о программе партии // Sputnik Кыргызстан. - 05.10.2020. – URL: https://ru.sputnik.kg/20201005/kyrgyzstan-vybory-2020-politicheskaya-partiya-butun-kyrgyzstan-1049860389.html (дата обращения: 28.12.2022)

172. Шабалин А, Юсупова Д. Возраст, пол, национальность: кого кыргызстанцы выбрали в Жогорку Кенеш // KaktusMedia. - 12.01.2022. – URL:

https://kaktus.media/doc/450556_vozrast_pol_nacionalnost:_kogo_kyrgyzstancy_vybrali_v_jogorky_kenesh_v_kartinkah.html (дата обращения: 28.12.2022)

173. Шабалин А. Число мечетей в Бишкеке сравнялось с количеством школ: инфографика // KaktusMedia. - 10.01.2017. – URL: https://kaktus.media/doc/350616_infografika:_chislo_mechetey_v_bishkeke_sravnialos_s_kolichestvom_shkol.html (дата обращения: 26.12.2022)

174. Щукин И. Распространение экстремистских организаций в Средней Азии угрожает стабильности и без того проблемного региона // ИА Фергана. - 16.04.2004. – URL: https://fergananews.com/article.php?id=2942 (дата обращения: 26.12.2022)

Материалы СМИ на английском языке

175. International Investigation Commission Found Kyrgyz Government Guilty for Ethnic Violence Over Uzbeks // Kgexpert. - 25.04.2011. URL:http://kgexpert.wordpress.com/2011/04/25/international-investigation-commission-found-kyrgyz-government-guilty-for-ethnic-violence-over-uzbeks/ (accessed: 27.12.2022)

176. Rashid A. They're only sleeping // The New Yorker. – 14.01.2002. - Vol.77. - P. 34-42.

Литература

Монографии на русском языке

177. Андерсон Б. Воображаемые сообщества. – М.: Кучково поле, 2016. – 416 с.

178. Артыкбаев А.М. Геополитические процессы в Центральной Азии в эпоху глобализации. – LAP Lambert Academic Publishing, 2014. – 136 с.

179. Асанканов А.А., Осмонов О.Дж. История Кыргызстана (с древнейших времен до наших дней) (учебник для вузов). – Бишкек: 2002. – 167 с.

180. Борисов Н.А. Между современностью и традицией: Политические альтернативы постсоветской Центральной Азии. – М.: РГГУ, 2010. - 369 с.

181. Борубашов Б.И. История Государства и права Кыргызской Республики (учебник). – Бишкек, 2015. – Т. 1. – 180 с. – URL: http://lib.krsu.edu.kg/uploads/files/public/6113.pdf (дата обращения: 26.12.2022)

182. Годы, которые изменили Центральную Азию / ред. И.Д.Звягельская. – М.: Центр стратегических и политических исследований Института востоковедения РАН, 2009. – 332 с.

183. Гринин Л.Е., Коротаев А.В. Глобальный кризис в ретроспективе. Краткая история подъемов и кризисов: от Ликурга до Алана Гринспена. – М.: Либроком, 2010. – 336 с.

184. Данияров С.С. Культурное строительство в Советском Киргизстане (1918-1930 гг.). – Фрунзе: Изд-во АН Кирг.ССР, 1963. – 180 с.

185. Дитон А. Великий побег: Здоровье, богатство и истоки неравенства / пер. А. Гуськов. — М.: Изд-во Института Гайдара; Фонд «Либеральная Миссия», 2016. — 368 с.

186. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии. – М.: Наука, 1991. –575 с.

187. Дюркгейм Э. Социология: ее предмет, метод, предназначение / пер.-сост. А. Б. Гофман. – М.: Канон+, 2006. – 349 с.

188. Зазнаев О.И., Сидоров В.В. Формы правления и этнические конфликты: монография. – Казань: Логос-Пресс, 2022. – 232 с.

189. Звягельская И.Д. Специфика этнополитических конфликтов и подходы к их урегулированию: учебное пособие. – М.: Навона, 2008. - 159 с.

190. Звягельская И.Д. Становление государств Центральной Азии. Политические процессы. – М.: Аспект Пресс. - 2009. - 208 с.

191. Иванченко А.В., Кынев А.В., Любарев А.Е. Пропорциональная избирательная система в России: история, современное состояние, перспективы. - 2005. – URL: http://lyubarev.narod.ru/book-PES.html (дата обращения: 06.11.2022)

192. Инглхарт Р., Вельцель К. Модернизация, культурные изменения и демократия. Последовательность человеческого развития / пер. М.Коробочкин. - М., Новое издательство, 2011. – URL: https://www.hse.ru/data/2012/02/24/1266136909/inglehart_welzel.pdf (дата обращения 25.12.2022)

193. Казанцев А.А. Политика стран Запада в Центральной Азии: ключевые характеристики, дилеммы и противоречия // Научно-координационный совет по международным исследованиям МГИМО(У) МИД России; Центр Евро-атлантической безопасности. – М.: МГИМО-Университет, 2009. – 186 с.

194. Князев А.А. Государственный переворот 24 марта 2005 г. в Киргизии. – Бишкек: Общественный Фонд Александра Князева, 2007. — 272 с.

195. Коротаев А. В. и др. Дестабилизация: глобальные, национальные, природные факторы и механизмы. - М.: Учитель, 2017. – с. 344.

196. Кушнер П. (Кнышев) Горная Киргизия (Социалистическая разведка). – М.: Издание Комм. ун-та трудящихся Востока им.И.В. Сталина, 1929. – 135 с.

197. Лейпхарт А. Демократия в многосоставных обществах: сравнительное исследование. – М.: Аспект Пресс, 1997. - 287 с.

198. Малашенко А. Исламские ориентиры Северного Кавказа. – М., 2001. – 180 с.

199. Малышева Д.Б. Центральноазиатский узел мировой политики. – М.: ИМЭМО РАН, 2010. – 100 с.

200. Масов Р.М. История исторической науки и историография социалистического строительства в Таджикистане. - Душанбе: Дониш, 1988. - 318 с.

201. Международная безопасность и проблемы терроризма (учебное пособие) / отв.ред. А.Г. Володин, В.Н. Коновалов. – Ростов н/Д; М.: издательство СКНЦ ВШ, 2002. – 144 с.

202. Метаморфозы разделенных обществ / ред. И.В. Кудряшова, О.Г. Харитонова. – М.: МГИМО-Университет, 2020. – 284 с.

203. Осколков П. В. Очерки по этнополитологии. – М.: ООО Издательство "Аспект Пресс", 2021. – 176 с.

204. Политическая культура постсоветских стран: экспертная рефлексия / отв.ред. Миськова. – М.: (ЦИРКОНТМ), 2018. - 112 с.

205. Ситнянский Г.Ю. Россия и Центральная Азия: вместе или врозь? Межэтнические отношения в Средней Азии и Казахстане и Россия. – М.: ИЭА РАН, 2011. – 290 с.

206. Современная политическая наука: Методология : Научное издание / Т. А. Алексеева, А. А. Байков, В. Г. Барановский [и др.] ; отв. ред. О.В. Гаман-Голутвина, А.И. Никитин. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва: "Аспект Пресс", 2019. – 776 с.

207. Терентьев М.А. История завоевания Средней Азии. – СПб: Невский, 1906. – Т.3. – 271 с.

208. Тишков В.А. Общество в вооруженном конфликте (этнография чеченской войны). – М.: Наука, 2001. – 552 с.

209. Токвиль А. де. Демократия в Америке / пер. В. П. Олейник, Е. П. Орлова, И. А. Малахова, И. Э. Иванян, Б. Н. Ворожцов; предисл. Г. Дж. Ласки; комм. В. Т. Олейника. — М.: Прогресс, 1992. — 554 с

210. Хантингтон С. Политический порядок в меняющихся обществах / пер. В. Рокитянский – М.: Прогресс-Традиция, 2004. – 480 с.

211. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций / пер. Т. Велимеев, Ю. Новиков. — М.: ООО «Издательство АСТ», 2003. — 603 с.

212. Хиршман А.О. Выход, голос и верность: Реакция на упадок фирм, организаций и государств. – М.: Новое издательство, 2009. – 156 с.

213. Чотонов У.Ч. Абдрахманов Д.А. История Кыргызстана. – Бишкек: ИИМОП КНУ им. Ж. Баласагына, 2009. - 176 с.

214. Этнические аспекты политических институтов и процессов: монография / ред. О.И. Зазнаев, М.Х. Фарукшин. – Москва; Берлин: Директ-Медиа, 2021. – 392 с.

215. Этничность и религия в современных конфликтах / отв. ред. В.А. Тишков, В. А. Шнирельман; Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН. – М.: Наука, 2012. – 650 с.

Монографии на английском языке

216. Adams L. Can we apply postcolonial theory to Central Eurasia? // Central Eurasian Studies Review. - 2008. – URL: https://www.academia.edu/474944/Can_we_apply_postcolonial_theory_to_Central_Eurasia (accessed 09.01.2023)

217. Aksartova S. Civil Society from Abroad: U.S. Donors in the Former Soviet Union (PhD thesis). – Princeton: Princeton University, 2005. - 236 p.

218. Almond G., Verba S. The Civic Culture. Political Attitudes and Democracy in Five Countries. - Princeton, 1963. – 576 p.

219. Anderson B. Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism. Revised Ed. London: Verso, 1991. – 160 p.

220. Aparicio S.S. State Building in Deeply Divided Societies Beyond Dayton in Bosnia. - London School of Economics and Political Science, 2009. – URL: http://etheses.lse.ac.uk/2356/1/U615305.pdf (accessed: 29.12.2022)

221. Arbatli, E., Arbatli, C. The International Determinants of Military Coup Behavior // Oxford Research Encyclopedia of Politics - 2018. – URL: https://oxfordre.com/politics/view/10.1093/acrefore/9780190228637.001.0001/acrefore-9780190228637-e-338 (accessed: 25.12.2022)

222. Bartolini S. Restructuring Europe. Centre Formation, System Building, and Political Structuring between the Nation State and the European Union. - New York: Oxford University Press, 2005. – 405 p.

223. Bartolini S., Mair P. Identity, Competition, and Electoral Availability: The Stabilization of European Electorates 1885-1985. - Cambridge University Press, Cambridge and New York, 1990. – 344 p.

224. Beck U. Risk Society. Toward a New Modernity. – L.: SAGE, 1992. – 272 p.

225. Blondel J. Dual Leadership in the Contemporary World // Parliamentary versus Presidential Government / Ed. by A. Lijphart. – N.Y.: Oxford University Press, 1992. – P. 162-172.

226. Collier P. The Bottom Billion. Why the Poorest Countries are Failing and What Can Be Done About It. - N.Y.: Oxford University Press, 2007.- 205 p.

227. Collins K. Clan Politics and Regime Transition in Central Asia. Cambridge: Cambridge University Press, 2006. – URL: https://doi.org/10.1017/CBO9780511510014 (accessed: 08.01.2023)

228. Cox G. Making Votes Count: Strategic Coordination in the World's Electoral Systems. - Cambridge: Cambridge University Press, 1997. – URL: https://doi.org/10.1017/CBO9781139174954 (accessed: 08.01.2023)

229. Crosston M. Fostering Fundamentalism: Terrorism, Democracy and American engagement in Central Asia. - Aldershot: Ashgate Publishing, 2013. - 194 p.

230. Cummings S.N. Understanding Central Asia: Politics and Contested Transformations. - New York: Routledge, 2012. - 240 p.

231. Doolotkeldieva A. The 2020 Violent Change in Government in Kyrgyzstan Amid the Covid-19 Pandemic: Three Distinct Stories in One // In Between Peace and Conflict in the East and the West. - 2021. – URL: https://doi.org/10.1007/978-3-030-77489-9_8 (accessed: 25.12.2022)

232. Duverger M. Political Parties: Their Organization and Activity in the Modern State. - New York: John Wiley and Sons, 1954. – 439 p.

233. Fierman W. The Soviet 'Transformation' of Central Asia // Soviet Central Asia: the Failed Transformation / Ed. William Fierman. - Boulder, CO: Westview Press, 1991. – P. 11-35.

234. Giffen, J., Earle, L., Buxton, C. The Development of Civil Society in Central Asia. - Oxford: INTRAC. - 2000. – URL: https://assets.publishing.service.gov.uk/media/57a08c3de5274a27b200108f/R7649-report.pdf (accessed: 29.12.2022)

235. Grassroots Peacebuilding: Cross-Border Cooperation in the Ferghana Valley. (CAP Fellows Paper 202) // CAP Central Asia Program. – 2018. – URL: https://centralasiaprogram.org/wp-content/uploads/2018/02/Mamatova-CAP-Fellows-Paper-February-2018.pdf (accessed: 21.10.2022)

236. Grofman, B., Bowler S., Blais A. Duverger's Law of Plurality Voting: The Logic of Party Competition in Canada, India, the United Kingdom and the United States. - New York: Springer, 2009. – 165 p.

237. Horowitz D. Ethnic Groups in Conflict. - Berkeley, CA: University of California Press, 1985. - 697 p.

238. Howell J., Pearce J. Civil Society and Development. A Critical Exploration. - Boulder and London: Lynne Rienner, 2001. - 267 p.

239. Jackson R.H. Quasi-states: Sovereignty, International Relations and the Third World. - Cambridge: Cambridge University Press, 1993. – 225 p.

240. Jones M. P. Electoral Laws and the Survival of Presidential Democracies. – South Bend: University of Notre Dame Press, 1995. – 246 p.

241. Jonson L. Tajikistan in the new Central Asia: Geopolitics, Great Power Rivalry and Radical Islam. – London: I.B. Tauris, 2010. – 272 p.

242. King P. Federalism and Federation. - L.: Croom Helms, 1982. – 159 p.

243. Kymlicka W. Finding our way: rethinking ethnocultural relations in Canada. - Oxford: Oxford University Press, 1998. – 220 p.

244. Lijphart A. Patterns of Democracy. – New Haven, CT: Yale univ. press, 1999. – 351 p.

245. Luong J.P. Institutional Change and Political Continuity in Post-Soviet Central Asia: Power, Perceptions, and Pacts. - Cambridge and NY: Cambridge University Press, 2002. – 312 p.

246. Naseemullah A. Patchwork States. In Patchwork States: The Historical Roots of Subnational Conflict and Competition in South Asia. - Cambridge: Cambridge University Press, 2022. – 300 p.

247. North D.C., Wallis J.J., Weingast B.R. Violence and Social Orders: A Conceptual Framework for Interpreting Recorded Human History. - Cambridge: Cambridge University Press, 2009. – 328 p.

248. Powell G. B. Contemporary Democracies: Participation, Stability, and Violence. - Cambridge: Harvard University Press, 1982. – 294 p.

249. Rabkin Y., Minakov M. Demodernization: a Future in the Past / Ed. Y. Rabkin, M. Minakov. - Stuttgart: Ibidem-Verlag, 2018. – URL: https://commons.com.ua/uk/otsutstvie-obshestvennoj-solidarnosti-odin-iz-priznakov-demodernizacii/ (accessed: 26.12.2022)

250. Reynolds A., Reilly B., Ellis A. Electoral System Design: The New International IDEA Handbook. - Stockholm: International IDEA, 2005.

251. Riker W.H. Federalism: Origin, operation, significance. - Boston: Little, Brown & Co, 1964.

252. Shugart M.S., Carey J.M. Presidents and Assemblies: Constitutional Design and Electoral Dynamics. - N.Y.: Cambridge University Press, 1992. - 316 p.

253. Smith A. National Identity. - L.: Penguin, 1991. - 227 p.

254. Snyder J. From Voting to Violence: Democratization and Nationalist Conflict. - New York, NY: Norton, 2000.

255. Stepan A., Linz J. & Yadav Y. Crafting State-Nations: India and Other Multinational Democracies. - John Hopkins University Press, 2011. – 308 p.

256. The Politics of Ethnic Conflict Regulation: Case Studies of Protracted Ethnic Conflicts / Ed. J. McGarry, B. O'Leary. - London: Routledge, 1993. – 336 p.

257. Tilly Ch. Coercion, Capital, and European States, A.D. 990-1990. - Malden, MA: Wiley-Blackwell, 1993 – 288 p.

258. Weingast B.R., Wittman D.A. The Reach of Poltical Economy // The Oxford Handbook of Political Economy /Ed. B.R. Weingast, D.A. Wittman. – Oxford University Press, 2006. – P. 3-25.

259. Wolff S. Consociationalism, Power Sharing, and Politics at the Center // Oxford Research Encyclopedia of International Studies. – Oxford University Press, 2010. – URL: https://doi.org/10.1093/acrefore/9780190846626.013.65 (accessed: 08.01.2023)

Статьи в периодических научных изданиях и в сборниках статей на русском языке

260. Абишева М., Шаймергенов Т. Религиозно-политический экстремизм в странах Центральной Азии: анализ причин распространения // Центральная Азия и Кавказ. – Лулео, 2006. - № 6. – С. 50-64.

261. Блохина А.О. "Ферганский фактор" и регулирование этнокультурных размежеваний в Киргизии // Политическая наука. – 2016. – № 1. - С. 161–175.

262. Блохина А.О. Институциональные изменения и политическая стабильность в Киргизской Республике // Вестник МГИМО Университета. – 2017. – № 6 (57). - С. 102–115.

263. Блохина А.О. Киргизия: институты и эффективная политика // Вестник Пермского университета. Политология. – 2012. – № 3 (19). – С. 132-142.

264. Блохина А.О. Трансформация политических институтов и регулирование этнокультурных расколов в Киргизии // Метаморфозы разделенных обществ. / ред. Кудряшова И.В., Харитонова О.Г. – Москва, 2020. - С. 121-141.

265. Болгова И.В. Параметры политической стабильности в поясе СНГ // Международные процессы. – 2010. – Т.8. №3(24). – URL: http://www.intertrends.ru/twenty-four/009.htm (дата обращения: 29.12.2022)

266. Болпонова А. Политические кланы Кыргызстана: история и современность // Центральная Азия и Кавказ. – 2015. – Выпуск 3-4. – С. 57-72.

267. Борисов Н.А. Институциональный дизайн государств Центральной Азии в процессе трансформации политических режимов: Случаи Узбекистана и Кыргызстана // Политическая наука. - 2014. - № 1. - С. 159-180.

268. Боришполец К.П. Русский язык в центрально-азиатском регионе // Вестник МГИМО-Университета. - 2014. - №2. - С.63-70.

269. Боришполец К.П., Чернявский С.И. Среднесрочный прогноз развития ситуации в регионе Центральной Азии // Вестник МГИМО-Университета. – 2010. - № 4. - С.28-32.

270. Вебер М. Типы господства // Личность. Культура. Общество. - 2008. - Вып. 1 (40). – URL: https://iphras.ru/uplfile/reznik/sovet/bibl/1/Weber7.pdf (дата обращения: 10.11.2022)

271. Галиев А. Природа социально-экономических противоречий по линии "север — юг" в хозяйственном комплексе Кыргызстана // Центральная Азия и Кавказ. – 2011. - №2. – URL:

https://cyberleninka.ru/article/n/priroda-sotsialno-ekonomicheskih-protivorechiy-po-linii-sever-yug-v-hozyaystvennom-komplekse-kyrgyzstana (дата обращения: 26.12.2022)

272. Глазова Е.С. Киргизия: институциональные изменения как выход из «ловушек развития» // Южно-российский журнал социальных наук. – 2019. – Т. 20. – № 4. – С. 49-62.

273. Горовиц Д.Л. Распределение власти в полиэтничных обществах: три большие проблемы / пер. А.О. Блохина // Политическая наука. – 2016. – № 1. – С. 210–223.

274. Гэрр Т.Р. Почему меньшинства восстают? Объяснение этнополитического протеста и мятежа // Этнос и политика. - М.: Изд-во УРАО, 2000. - С. 244-256.

275. Данков А. Ферганская долина: Проблемы обеспечения экономической стабильности // Центральная Азия и Кавказ. - Лулео, 2007. - № 2 (50). – С. 130-142.

276. Джуманалиев А.Д. Образования Киргизской ССР // Вестник КРСУ. - 2016. - Т. 16. № 12. - С. 28-31.

277. Джунушалиев Д.Д. Демографические изменения немецкого населения в суверенном Кыргызстане // Вестник КРСУ. — 2013. — Т. 13. — № 6. — С. 18-22.

278. Зазнаев О.И. Атипичные президентские и полупрезидентские системы // Ученые записки Казанского государственного университета. Гуманитарные наука. - 2005. - Т. 147, кн. 1. - С. 54-69.

279. Зазнаев О.И., Сидоров В.В. Взаимосвязь форм государственного правления и этнических конфликтов: статистический анализ // Вопросы политологии. – 2020, т. 10. – No 11 (63). – С. 3234–3243.

280. Зверев Р., Рыжов И. Киргизия накануне президентских выборов // Россия и новые государства Евразии. – 2017. - № 3. – С. 59-72.

281. Иванов А.В., Лукин А.В., Никитин А.И. Киргизия на пути от автократии к парламентской республике // Вестник МГИМО. – 2011. – №2. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/kirgiziya-na-puti-ot-avtokratii-k-parlamentskoy-respublike (дата обращения: 30.09.2023)

282. Ильин М.В., Мелешкина Е.Ю., Мельвиль А.Ю. Формирование новых государств: внешние и внутренние факторы консолидации // Полис. - 2010. - №3. - С. 26-39.

283. Ильченко М. С. Федеративные механизмы в разрешении этнических конфликтов: переговорный процесс за рамками формальных правил // Политическая наука. -- № 1. – 2011. - С. 170-190.

284. Канатбеков Э. К. Особенность политической культуры Кыргызстана // Вестник Кыргызско-Российского Славянского университета. – 2021. – Т. 21. – № 3. – С. 174-180.

285. Карамани Д. Национализация политики: формирование национального электората и партийных систем в Западной Европе / Е.Ю. Мелешкина // Политическая наука. - 2008. - №4. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/karamani-d-natsionalizatsiya-politiki-formirovanie-natsionalnogo-elektorata-i-partiynyh-sistem-v-zapadnoy-evrope-referat (дата обращения: 30.12.2022)

286. Коротаев А.В., Зинькина Ю.В. Египетская революция 2011 года: социодемографический анализ // Историческая психология и социология истории. - 2011. - №2. – URL:

https://cyberleninka.ru/article/n/egipetskaya-revolyutsiya-2011-goda-sotsiodemograficheskiy-analiz (дата обращения: 30.12.2022)

287. Кудряшова И.В. Исламская цивилизационная доминанта и современное развитие мусульманских политий // Политическая наука. – М.: ИНИОН РАН, 2003. - № 2. – С.87-117.

288. Кудряшова И.В. Как обустроить разделенные общества // Политическая наука. – 2016. - №1. – С. 15-33.

289. Кудряшова И.В. Мусульманская политическая идентичность в современную эпоху: священный текст и социальный опыт // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. – 2017. - № 4. – С. 349-365.

290. Кудряшова И.В. Мусульманская политическая идентичность: единство и разнообразие // Идентичность: Личность, общество, политика. Энциклопедическое издание. / отв. ред. И.С. Семененко. – М.: Изд-во «Весь мир», 2017. - С. 228-241.

291. Кудряшова И.В. Политические изменения и трансформация идентичности в странах мусульманского Востока // Политическая идентичность и политика идентичности: в 2 тт. Т.2. Идентичность и социально-политические изменения в XXI веке / отв. ред. И.С. Семененко. – М.: РОССПЭН, 2012. - С.155-184.

292. Кудряшова И.В., Козинцев А.С. Институциональные решения этноконфессиональных конфликтов на Ближнем Востоке в контексте имперского опыта // Политическая наука. – 2021. - № 2. – С. 140–164.

293. Кудряшова И.В., Козинцев А.С. Исламские партии между небесным и земным: трансформация понятия «партия» в мусульманском политическом дискурсе // Полития: Анализ. Хроника. Прогноз. – 2021. – № 4 (103). – С. 63-80.

294. Кудряшова И.В., Мелешкина Е.Ю. Этнические меньшинства и национальное строительство на постсоветском пространстве: к постановке исследовательской проблемы // Вестник МГИМО-Университета. – М., 2009. - №2(5). - С.45-55.

295. Кудряшова И.В., Стюарт А. Институциональные реформы в условиях этнокультурной разделенности и неконсолидированных границ: опыт Киргизии // Власть. – 2023. – Том 31. – № 1. – С. 130-137. DOI: https://doi.org/10.31171/vlast.v31i1.9474

296. Курбанова Н.У., Мырзабаева Н.С. Из истории развития города Ош // Вестник Кыргызского государственного университета имени И. Арабаева. – 2020. – № 4. – С. 202-210.

297. Линц Х. Опасности президентской формы правления. Теория и практика демократии. Избранные тексты. - М.: Ладомир, 2006. – С. 216-222.

298. Липсет С.М., Роккан С. Структуры размежеваний, партийные системы и предпочтения избирателей. Предварительные замечания (перевод) // Политическая наука. – 2004. – № 4. – С. 204–234.

299. Лурье С. В. Межнациональные браки как часть советского государственного сценария: социокультурный подход // Общественные науки и современность – 2018. – N 3 - С. 108-121. – URL: https://ons-journal.ru/S086904990011386-6-1 (дата обращения: 25.07.2022)

300. Ляушева С.А., Жаде З.А. Концептуальные подходы к исследованию феномена религиозной идентичности // Наука: комплексные проблемы. – 2018. – № 1 (11). – С. 35-41.

301. Малинова О.Ю. Концепт «другого» в исследованиях идентичности: анализ современных дискуссий // Политическая наука. - 2015. - № 4. - С. 154-169.

302. Малышева Д.Б. Демократия постсоветского Востока: Модели и реалии // Россия и мусульманский мир. – 2004. - № 10. - С.127-144.

303. Малышева Д.Б. Радикальный исламизм как внешнеполитический вызов нациям-государствам Центральной Азии // Ислам на Ближнем и Среднем Востоке. – 2015. - № 9. - С. 83-92.

304. Мамытова Э. Проблемы становления политической оппозиции в Кыргызстане // Центральная Азия и Кавказ. - 2000. - № 4 (10). – С. 49-53.

305. Маркедонов С.М. De facto государства постсоветского пространства // Непризнанные государства / Научные тетради института Восточной Европы. – Вып. 1. - М., 2006. - С.13-27.

306. Медушевский А. Киргизия в поисках модели конституционного устройства (о двух новых редакциях Конституции) // Сравнительное конституционное обозрение. - 2007. - №2 (59). - С. 156-161.

307. Мелешкина Е.Ю. Формирование государств и наций в условиях этнокультурной разнородности: теоретические подходы и историческая практика // Сравнительная политика и геополитика. – М., 2012. – No 1. – С. 8-28.

308. Олимов М. В.В. Бартольд о национальном размежевании в Средней Азии // Восток. - 1991. - №5. - С. 97–110.

309. Пай Л. Незападный политический процесс // Политическая наука. - 2003. - №2. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/nezapadnyy-politicheskiy-protsess (дата обращения: 28.12.2022)

310. Панов П.В. Институциональные модели организации власти в полиэтнических обществах: варианты, проблемы и решения // Российская политическая наука: Идеи, концепции, методы. - М.: Аспект Пресс, 2015. – С. 289-306.

311. Роккан С. Города, государства и нации: Пространственная модель изучения различий в развитии // Политическая наука. - 2006. - № 4. – С. 46-72;

312. Роккан С. Центр-периферийная полярность // Политическая наука. - 2006. - № 4. - С.73-101.

313. Роккан С., Урвин Д. Политика территориальной идентичности. Исследования по европейскому регионализму // Логос. – 2003. - № 6 (10) – С.117-132.

314. Рудов Г.А. Ислам в Центральной Азии: Масштабы и перспективы влияния // Обозреватель – Observer. – 2014. - №6. – С. 55-66.

315. Рудов Г.А. Центральноазиатский узел: рубить нельзя - развязывать! // Международная жизнь. - 2010. - № 9. - С. 121-136.

316. Рустемова А. Б. Роль религии в развитии современной Киргизии // Вестник Московского государственного лингвистического университета. — 2013. — № 23 (683). – С .169-175.

317. Сенюшкин Е.А. Методологические основания управления этнополитическими рисками // ПОЛИТЭКС. – 2015 – С. 138-151.

318. Сенюшкин Е. А. Управление политическими рисками как теоретическая проблема // Этничность, религия и политика / ред. Т. А. Сенюшкина и А. В. Баранов. – Симферополь: ИТ «Ариал», 2015. – С. 307–310.

319. Сидоренко А. В., Грибанова Г. И. Федерализм и разрешение этнополитических конфликтов в современном обществе // ПОЛИТЭКС. – 2007. – № 3 (3). – С. 5-25.

320. Соктоев И.А. Партийное руководство формированием советской интеллигенции в Кригизии (1925-1940) / ред. С.Т. Табышалиев. – Фрунзе: Кыргызстан, 1969. – С. 25-29.

321. Социальная жизнь народов Центральной Азии в первой четверти XX века: традиции и инновации. Материалы международной конференции 12-13 сентября 2008 г. – Ташкент: 2009. – URL: https://www.academia.edu/9663145/%D0%A0%D0%A3%D0%A1%D0%A1%D0%9A%D0%90%D0%AF_%D0%9A%D0%9E%D0%9B%D0%9E%D0%9D%D0%98%D0%97%D0%90%D0%A6%D0%98%D0%AF_%D0%A2%D0%A3%D0%A0%D0%9A%D0%95%D0%A1%D0%A2%D0%90%D0%9D%D0%90_%D0%98%D0%97%D0%9C%D0%95%D0%9D%D0%95%D0%9D%D0%98%D0%AF_%D0%92_%D0%91%D0%AB%D0%A2%D0%A3_%D0%98_%D0%9D%D0%A0%D0%90%D0%92%D0%90%D0%A5_%D0%9A%D0%9E%D0%A0%D0%95%D0%9D%D0%9D%D0%9E%D0%93%D0%9E_%D0%9D%D0%90%D0%A1%D0%95%D0%9B%D0%95%D0%9D%D0%98%D0%AF (дата обращения: 26.12.2022)

322. Сухов А. Кыргызстан: Роль Хизб ут-Тахрир в радикализации ислама // Центральная Азия и Кавказ. – 2006. – №6 (48). – С. 120–129.

323. Тайлакова С.Дж. Кара-Киргизская автономная область – основа конституционного формирования кыргызской государственности // Известия ВУЗов Кыргызстана. – 2014. – №10. – URL: http://www.science-journal.kg/media/Papers/ivk/2014/10/ivk-2014-N10-125-126.pdf.pdf (дата обращения 25.12.2022)

324. Торогельдиева Б. М. Административная реформа как фактор повышения эффективности государственного управления в Кыргызстане // Развитие территорий. – 2019. – 2(16). – С. 28–32.

325. Торогельдиева Б.М. Особенности политической культуры современного кыргызского народа // Вестник КРСУ. – 2008. - Т. 8. № 7. - С. 157-160.

326. Торогельдиева Б.М. Факторы формирования и характер политической культуры в современном Кыргызстане // Центральная Азия и Кавказ. – 2009. – №1 (61). – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/faktory-formirovaniya-i-harakter-politicheskoy-kultury-v-sovremennom-kyrgyzstane (дата обращения: 26.12.2022)

327. Хаким А. Особенности религиозного мышления в Центральной Азии: необходимость комплексной модернизации // Центральная Азия и Кавказ. – Лулео, 2005. - №1. – С.30-40.

328. Харитонова О.Г. Президентство и демократия: Состояние дискуссии // Политическая наука. – 2012. – №3. – С. 199-213.

329. Харитонова О.Г. СФРЮ: Институциональные проблемы этнической федерации // Политическая наука – М.: РАН. ИНИОН, 2012. – No3. – С. 202-203.

330. Харитонова О.Г. Теория и практика консоционализма в ближневосточном контексте: новые грани старой проблемы // Южно-российский журнал социальных наук. – 2021. – Т.22, № 4. – С. 61-80

331. Харитонова О.Г. Этнические войны и постконфликтная демократия // Политическая наука. – 2016. - № 1. – С. 34-59.

332. Харитонова О.Г., Кудряшова И.В. Политические режимы и режимные изменения в пене популистской волны // Политическая наука. – 2022. – №1. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/politicheskie-rezhimy-i-rezhimnye-izmeneniya-v-pene-populistskoy-volny (дата обращения: 28.12.2022)

333. Харитонова О.Г., Кудряшова И.В., Хенкин С.М., Захарова Е.А., Блохина А.О. Политические режимы разделённых обществ в условиях глобализации // Вестник Российского фонда фундаментальных исследований. Гуманитарные и общественные науки. – 2019. – № 4 (97). – С. 48-58.

334. Черевык К.А. Неправительственные организации Кыргызстана: особенности определения и учета // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского Философия. Политология. Культурология.– 2018. – Т. 4 (40), No 3. – С. 147-157.

335. Чотаева Ч. Этнорелигиозная ситуация в Кыргызстане // Центральная Азия и Кавказ. – 2005. – №3 (39). – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/etnoreligioznaya-situatsiya-v-kyrgyzstane (дата обращения: 28.12.2022)

336. Шкель С.Н. Неопатримониальные практики и устойчивость авторитарных режимов Евразии // Полития. – 2016. - № 4. – С. 94-107.

337. Шугарт М.С., Кэри Д.М. Президентские системы // Современная сравнительная политология: хрестоматия. – М., 1997. – С. 198-246.

338. Щурко Т. «Женщина Востока»: советский гендерный порядок в Центральной Азии между колонизацией и эмансипацией // Понятия о советском в Центральной Азии. Альманах №2 / сост. и ред. Г. Мамедов, О. Шаталова. – Бишкек, 2016. – 46 с.

339. Ыдырысов Р.Ж. Начало формирования интеллигенции Кыргызстана в 20-е годы // Universum: общественные науки. – 2017. – №9 (39). – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/nachalo-formirovaniya-intelligentsii-kyrgyzstana-v-20-e-gody (дата обращения: 26.12.2022)

340. Элейзер Д.Дж. Сравнительный федерализм // Политология: хрестоматия / ред. М.А. Василик; сост. М.С. Вершинин. – Москва: Гардарики, 2000. – С. 505-526

Статьи в периодических научных изданиях и в сборниках на английском языке

341. Abashin S. Soviet Central Asia on the Periphery // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History. - 2015. - № 16 (2). – URL: https://www.academia.edu/16951931/Abashin_S_Soviet_Central_Asia_on_the_Periphery_Kritika_Explorations_in_Russian_and_Eurasian_History_2015_vol_16_2_ (accessed: 25.12.2022)

342. Adamolekun L., Kincaid J. The Federal Solution: Assessment and Prognosis for Nigeria and Africa // Publius. - 1991. - № 21 (4). – P. 173–188.

343. Alesina A., Devleeschauwer A., et al. Fractionalization // Journal of Economic Growth. - 2003. - № 8 (2). – P. 155–194.

344. Avcu S.A. Fragmentation of Political Party System in Kyrgyzstan // Central Asia and the Caucasus. - 2013. - № 14 (2). – 78-92.

345. Baker N. The Ferghana Valley: A Soviet Legacy Faced with Climate Change // ICE case studies. - 2011. - №. 252. – URL: http://mandalaprojects.com/ice/ice-cases/ferghana.htm (accessed: 21.10.2022)

346. Bermeo N. The Import of Institutions // Journal of Democracy. – Baltimore: The Johns Hopkins University Press, 2002. - № 13 (2). - P. 96–110.

347. Buben, R., Kouba K. Proportional Representation, Large District Magnitude and Closed Lists // World Political Science. - 2017. - №13. – DOI: http://dx.doi.org/10.1515/wps-2017-0007 (accessed: 26.12.2022)

348. Cohen F. Proportional versus Majoritarian Ethnic Conflict Management in Democracies // Comparative Political Studies. - 1997. - № 30 (5). - P. 607-630.

349. Collins K. Clans, Pacts, and Politics in Central Asia // Journal of Democracy. - 2002. - № 13 (3). - p. 137-152.

350. Collins K. The Logic of Clan Politics: Evidence from the Central Asian Trajectories // World Politics. - 2004. - № 56 (2). – P. 224-261.

351. Democratization, Political Institutions, and Ethnic Conflict: A Pooled Time-Series Analysis / Saideman S., Lanoue D.J., Campenni M. et al. // Comparative Political Studies. 2002. - № 35 (1). - P. 103-129.

352. Doolotkeldieva A., Wolters A. Uncertainty Perpetuated? The Pitfalls of a Weakly Institutionalized Party System in Kyrgyzstan // Central Asian Affairs. - 2017. - № 4 (1). - P. 26-50.

353. Edgar A. Marriage, Modernity, and the 'Friendship Of Nations': Interethnic Intimacy in Post-War Central Asia in Comparative Perspective // Central Asian Survey. – 2007 - № 26 (4). - P. 581–599.

354. Elagin D.P. Conceptual Perspectives on State Fragility // MGIMO Review of International Relations. - 2021. - № 14(4). - P.107-135.

355. Goldstone J. Population and Security: How Demographic Change Can Lead to Violent Conflict // Journal of International Affairs. - 2022. – URL: http://www.mafhoum.com/press6/179S21.pdf (accessed: 28.11.2017)

356. Guelke A. Institutionalised Power-Sharing: The International Dimension // Ethnopolitics. - 2020 №19 (1). - P. 92-95.

357. Gurr T. R. Persistence and Change in Political Systems, 1800-1971 // American Political Science. - 1974. - № 68. - P. 1482-1504.

358. Hallerberg, M., & Marier, P. Executive Authority, the Personal Vote, And Budget Discipline in Latin American and Caribbean Countries // American Journal of Political Science. - 2004. - № 48 (3). – P. 571–587.

359. Handrahan L. Gender and Ethnicity in The 'Transitional Democracy' of Kyrgyzstan // Central Asian Survey. - 2001 - № 20 (4). -P. 467-496.

360. Hardgrave R. L. India: The Dilemmas of Diversity // Journal of Democracy. - 1993. - № 4. - P. 54-68.

361. Helmke G., Levitsky S. Informal Institutions and Comparative Politics: A Research Agenda. - Kellogg Institute, 2003. - Working paper № 307. - – URL: https://www3.nd.edu/~kellogg/publications/workingpapers/WPS/307.pdf (accessed: 01.01.2023)

362. Horowitz D. Electoral Systems: A Primer for Decision Makers // Journal of Democracy. 2003. - № 14 (4). - P. 115-127.

363. Horowitz D. The Many Uses of Federalism // Drake Law Review. - 2007 - № 55 - P. 953-966. – URL: https://scholarship.law.duke.edu/faculty_scholarship/1855 (accessed: 29.12.2022)

364. Horowtiz D. Encouraging Electoral Accomodation in Divided Societies. // Electoral Systems in Divided Societies: The Fiji Constitution Review (State society and governance in Melanesia) / Ed. B.V. Lal and P. Larmour. Canberra: Griffin Press, 1997. – P. 2-37.

365. Horowitz D. Ethnic power sharing: Three big problems // Journal of democracy. – Baltimore, MD, 2014. – № 25 (2). – P. 5–20.

366. Ilkhamov A. Impoverishment of the Masses in The Transition Period: Signs of an Emerging 'new poor' Identity in Uzbekistan // Central Asian Survey. - 2001. – № 20 (1). – P. 33-54.

367. Ishiyama J. T., Kennedy R. Superpresidentialism and Political Party Development in Russia, Ukraine, Armenia and Kyrgyzstan // Europe-Asia Studies. - 2001. - № 53 (8). – URL: http://www.jstor.org/stable/826266 (accessed: 27.12.2022)

368. Lauth H.-J. Informal Institutions and Democracy // Democratization. - 2000. - № 7 (4). - P. 21-50.

369. Lijphart A. Consociational Democracy // World Politics. – 1969. - № 21 (2). – P. 207-225.

370. Lijphart A. Constitutional Design for Divided Societies // Journal of Democracy. – 2004. – № 15 (2). – P. 96-109.

371. Lijphart A. Double-checking the Evidence // Journal of Democracy - 1991. - № 2 (3). - P. 42-48.

372. Linden M. van der, Mitzman L. Charles Tilly's Historical Sociology // International Review of Social History. – Cambridge University Press, 2009. – № 54 (2). – P. 237–274. – URL: http://www.jstor.org/stable/44583132 (accessed: 25.12.2022)

373. Linz J. The perils of presidentialism // Journal of Democracy. - 1970 - №. 1 (1). - P. 51-69.

374. Linz J. The Virtues of Parliamentarism // Journal of Democracy. – 1990. - №. 1 (4). - P. 84-91.

375. Mainwaring S. Presidentialism, Multipartism, and Democracy: The Difficult Combination // Comparative Political Studies. – 1993. – Vol. 26, issue 2. – P.198-228.

376. Melville A., Mironyuk M. "Bad Enough Governance": State Capacity and Quality of Institutions in Post-Soviet Autocracies // Post-Soviet Affairs. – 2016. - № 32 (2). - P. 132-151. DOI: 10.1080/1060586X.2015.1052215 (accessed: 25.12.2022)

377. O'Flinn I. Divided Societies and Deliberative Democracy // British Journal of Political Science. - London, 2007. - № 37 (04). - Pp. 731–751.

378. Olson M. Rapid Growth as a Destabilizing Force // The Journal of Economic History. - 1963. - № 23(4). - P. 529–552.

379. Pierson P. Increasing Returns, Path Dependence, and the Study of Politics // The American Political Science Review. - 2000. - № 94 (2). - P. 251-267.

380. Putnam R. Bowling Alone // Journal of Democracy 1995. - № 6.1 - P. 65-78.

381. Roeder Ph.G. Power Dividing as an Alternative to Ethnic Powersharing // Sustainable Peace: Power and Democracy after Civil Wars / Ed. Ph.G. Roeder, D. Rothchild. - Ithaca: Cornel univ. press, 2005. - P. 51-82.

382. Roy O. Kolkhoz and civil society in the independent states of Central Asia. // Civil Society in Central Asia / Ed. M.H. Ruffin, D. Waugh. - Seattle: University of Washington Press/Center for Civil Society International, 1999.

383. Roy O. Soviet Legacies and Western Aid Imperatives in the New Central Asia // Civil Society in the Muslim World: Contemporary Perspectives / Ed. A. Sajoo. - London: I.B. Tauris, 2002. - P.123–148.

384. Selway J., Templeman K. The Myth of Consociationalism? Conflict Reduction in Divided Societies // Comparative Political Studies. –- 2012. – Vol. 45, issue 12. - P. 1542–1571.

385. Smooha S., Hanf, T. The Diverse Modes of Conflict-Regulation in Deeply Divided Societies // International Journal of Comparative Sociology. – 1992. - № 33. – P. 26-47.

386. Stepan A. Ukraine: Improbable Democratic "Nation-State" but Possible Democratic "State-nation"? // Post-Soviet affairs. – Columbia, 2005 - № 4. - P. 279–308

387. The Dilemma of Middlepowermanship in Central Asia: Prospects for Hegemony / Safranchuk, I.A., Zhornist, V.M., Nesmashnyi, et al. // Russia in Global Affairs. – 2022. – № 20 (3). – P. 116-133 – URL: http://dx.doi.org/10.31278/1810-6374-2022-20-3-116-133 (accessed: 08.01.2023)

Учебники, учебные пособия

388. Политические системы и политические культуры Востока / ред. А.Д. Воскресенский. 2-е изд. перераб. и доп. – М.: АСТ: Восток-Запад, 2007. – 829 с.

389. Тэвдой-Бурмули А.И. Этнополитическая динамика современной Западной Европы: учебное пособие. – М.: МГИМО-Университет, 2010. – 158 с.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1. Среднеазиатские ханства в первой половине XIX века

Источник: Среднеазиатские ханства в первой половине XIX в. / Президентская библиотека имени Б.Н. Ельцина. – URL: https://www.prlib.ru/item/451350 (дата обращения: 30.12.2022)

Приложение 2. Среднеазиатские владения России в начале XX века

Центральноазиатские владения Российской империи в начале XX века

- Уральская область
- Тургайская область
- Акмолинская область
- Семипалатинская область
- Семиреченская область
- Сырдарьинская область
- Самаркандская область
- Ферганская область
- Хивинское ханство
- Бухарский эмират
- Закаспийская область

Источник: Среднеазиатские владения России в начале XX в. / Википедия. – URL: https://commons.wikimedia.org/wiki/File:Central_Asia_1900-ru.svg (дата обращения: 30.12.2022)

Приложение 3. Карта национального размежевания в Средней Азии в 1924-1925 гг.

Источник: Карта национального размежевания в Средней Азии в 1924-1925 гг. // WikiZero. URL: https://www.wikizero.com/ru/%D0%A4%D0%B0%D0%B9%D0%BB:Map_of_the_national_state_delimitation_of_the_republics_of_Central_Asia_(1924-1925).svg (дата обращения: 30.12.2022)

Приложение 4. Карта областей Киргизской Республики

Источник: Карта областей Киргизии // BigKarta. URL: http://bigkarta.ru/map-kyrgyzstan.htm (дата обращения: 30.12.2022)

Приложение 5. Гидроэлектростанции Киргизской ССР
(разработаны среднеазиатским отделом института «Гидропроект»[658])

Название	***Годы постройки[659]***	***Мощность (МВт)***	***Область***	***Река***
Ат-Башинская ГЭС	1963-1970	40	Нарынская область	Ат-Баши
Таш-Кумырская ГЭС	1981-1987	450	Джалал-Абадская область	Нарын
Шамалды-Сайская ГЭС	1986-1992	240	Джалал-Абадская область	Нарын
Учкурганская ГЭС	1956-1962	180	Джалал-Абадская область	Нарын
Токтогульская ГЭС	1962-1976	1200	Джалал-Абадская область	Нарын
Курпсайская ГЭС	1975-1981	800	Джалал-Абадская область	Нарын
Быстровская ГЭС	1952-1954	8,7	Чуйская область	Чу
Аламединский каскад ГЭС (8 станций: Лебединовская ГЭС и 6 Аламединских ГЭС плюс Малая Аламединская ГЭС)	1929-1958	7,6+2,2+2,5+ 2,1+2,1+6,5+ 6,4+6,4+0,4	город Бишкек и Чуйская область	Большой Чуйский канал
Камбаратинская ГЭС-2	1986-частичный ввод агрегатов в 2010 г. и второй пуск в 2025г. (в соответствие с планом). Третий этап не определен	120	Джалал-Абадская область	Нарын
Ошская ТЭЦ	*1964*	*50*	*Город Ош*	
Бишкекская ТЭЦ	*1961*	*812*	*Город Бишкек*	

Источник: составлено автором.

[658] Первый блок, выделенный голубым цветом, находится под управлением ОАО «Электрические станции» в настоящее время (официальный сайт компании: http://www.energo-es.kg/) . Второй блок, выделенный желтым цветом, находится под управлением ОАО «Чакан ГЭС» (официальный сайт компании: https://www.chakanges.kg/company/energy-and-water-supply-station/) (дата обращения: 30.12.2022)

[659] Указаны годы начала строительства и окончания или ввода оборудования в эксплуатацию

Карта размещения гидроэлектростанций и тепловых станций

Источник: Карта размещения гидроэлектростанций и тепловых станций // Википедия. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A1%D0%BF%D0%B8%D1%81%D0%BE%D0%BA_%D1%8D%D0%BB%D0%B5%D0%BA%D1%82%D1%80%D0%BE%D1%81%D1%82%D0%B0%D0%BD%D1%86%D0%B8%D0%B9_%D0%9A%D0%B8%D1%80%D0%B3%D0%B8%D0%B7%D0%B8%D0%B8 (дата обращения: 30.12.2022)

Приложение 6. Таблица региональной репрезентативности в правительствах КР (1991-2022 гг.)

	Акаев (1990-2005)		Бакиев (2005-2010)		Врем.перех.прав (ВП) 2010 год		Тех.правительство (2010-2011)		Атамбаев (2011-2017)		Жээнбеков 2017-2020		Жапаров 2020-н.в.	
Президент	Аскар Акаев	*Чуйская область*	Курманбек Бакиев	*Джелал-Абадская область*	Роза Отунбаева	*Ош*	Роза Отунбаева	*Ош*	Алмазбек Атамбаев	*Чуйская область*	Сооронбай Жээнбеков	*Ошская область*	Садыр Жапаров	*Иссык-Кульская область*
Премьер-министр/заместитель главы ВП	Курманбек Бакиев	*Джелал-Абадская область*	Данияр Усенов	*Бишкек*	-	-	Алмазбек Атамбаев	*Чуйская область*	Сапар Исаков	*Бишкек*	Сапар Исаков	*Бишкек*	Акылбек Жапаров	*Иссык-Кульская область*
Первый вице-пм/первый замглава	Николай Танаев	*Пензенская область (РФ)*	Феликс Кулов	*Бишкек*	Алмазбек Атамбаев	*Чуйская область*	Амангельды Муралиев	*Бишкек*	Толкунбек Абдыгулов	*Иссык-Кульская область*	Аскарбек Шадиев	*Баткенская область*	Адылбек Касымалиев	*Иссык-Кульская область*
Спикер/торага	Алтай Борубаев	*Таласская область*	Зайнидин Курманов	*Бишкек*	Ахматбек Келдибеков	*Ошская область*	Ахматбек Келдибеков	*Ошская область*	Чыныбай Турсунбеков	*Нарынская область*	Дастанбек Джумабеков	*Таласская область*	Талант Мамытов	*Джелал-Абадская область*
Министр иностранных дел	Муратбек Иманалиев	*Бишкек*	Эднан Карабаев	*Таласская область*	Руслан Казакбаев	*Таласская область*	Руслан Казакбаев	*Таласская область*	Эрлан Абдылаев	*Алма-Ата*	Эрлан Абдылаев	*Алма-Ата*	Жээнбек Кулубаев	*Иссык-Кульская область*
Министр юстиции	Абдрахманов Жакып	*Бишкек*	Марат Кайыпов	*Ошская область*	Аида Салянова	*Нарынская область*	Аида Салянова	*Нарынская область*	Жылдыз Мамбеталиева	*Бишкек*	Уран Ахметов	*Бишкек*	Аяз Баетов	*Бишкек*
Министр внутренних дел	Таштемир Айтбаев	*Нарынская область*	Болотбек Ногойбаев	*Чуйская область*	Болотбек Шерниязов	*Таласская область*	Зарылбек Рысалиев	*Таласская область*	Улан Исраилов	*Бишкек*	Улан Исраилов	*Бишкек*	Улан Ниязбеков	*Таласская область*

Министр обороны	Эсен Топоев	*Баткенская область*	Исмаил Исаков	*Ошская область*	Исмаил Исаков	*Ошская область*	Абибилла Кудайбердиев	*Ошская область*	Мирбек Касымкулов		Мирбек Касымкулов		Бактыбек Бекболотов	*Иссык-Кульская область*
Министр чрезвычайных ситуаций	Ратбек Эшмамбетов	*Ош*	Жаныш Рустенбеков	*Чуйская область*	Дуйшенкул Чотонов	*Ошская область*	Дуйшенкул Чотонов	*Ошская область*	Кубатбек Боронов	*Ошская область*	Кубатбек Боронов	*Ошская область*	Бообек Ажикеев	*Ошская область*
Госкомитет нацбезопасности					Кенешбек Дуйшебаев	*Чуйская область*	Кенешбек Дуйшебаев	*Чуйская область*	Абдил Сегизбаев	*Бишкек*	Абдил Сегизбаев	*Бишкек*	Камчыбек Ташиев	*Джелал-Абадская область*
Министр государственного имущества			Турсун Турдумамбетов	*Иссык-Кульская область*	Шералы, Абдылдаев	*Таласская область*	Нурдин Илебаев	*Бишкек*	Дуйшенбек Зилалиев	*Джелал-Абадская область*	Ренат Тулеберди ев	*Иссык-Кульская область*	(упразднена)	
Министр энергетики			Ильяс Давыдов	*Ош*	Осмонбек Артыкбаев	*Нарынская область*	Осмонбек Артыкбаев	*Нарынская область*	Уланбек Рыскулов	*Бишкек*	Уланбек Рыскулов	*Бишкек*	Доскул Бекмурзаев	*Таласская область*
Министр сельского хозяйства	Александр Костюк	*Москва (РФ)*	Талант Узакбаев	*Иссык-Кульская область*	Кубат Касейинов		Маматшарип Турдукулов	*Ошская область*	Нурбек Мурашев	*Джелал-Абадская область*	Нурбек Мурашев	*Джелал-Абадская область*	Аскарбек Джаныбеков	*Иссык-Кульская область*

Министр природных ресурсов			Капар Курманалиев	*Бишкек*	Дуйшенбек Камчыбеков	*Нарынская область*	Кайрат Джумалиев	*Бишкек*	Сабир Атаджанов	*Ошская область*	Абдыкалык Рустамов	*Ошская область*	Динара Кутманова	*Джелал-Абадская область*
Министр здравоохранения	Тилекбек Мейматалиев	*Таласская область*	Шайлообек Ниязов	*Чуйская область*	Дамира Ниязалиева	*Нарынская область*	Сабиржан Абдикаримов	*Ошская область*	Талантбек Батыралиев	*Джелал-Абадская область*	Талантбек Батаралиев	*Джелал-Абадская область*	Жаркынбек Касымбеков	*Бишкек*
Министр труда и соц.развития	Роза Акназарова	*Джелал-Абадская область*	Айгуль Рыскулова	*Бишкек*	Бодош Мамырова	*Ошская область*	Айгуль Рыскулова	*Бишкек*	Таалайкул Исакунова	*Нарынская область*	Таалайкул Исакунова	*Нарынская область*	Кудайберген Базарбаев	*Нарынская область*
Министр финансов	Темирбек Акматалиев	*Нарынская область*	Акылбек Жапаров	*Иссык-Кульская область*	Темир Сариев	*Чуйская область*	Чоробек Имашев	*Таласская область*	Адылбек Касымалиев	*Иссык-Кульская область*	Адылбек Касымалиев	*Иссык-Кульская область*	Алмаз Бакетаев	*Таласская область*
Министр культуры и информации	Камиля Шаршекеева	*Бишкек*	Султан Раев	*Ошская область*	Рыскелди Момбеков	*Чуйская область*	Садык Шер-Нияз	*Таласская область*	Тугелбай Казаков	*Таласская область*	Султанбек Жумагулов	*Нарынская область*	Азамат Жаманкулов	
Министр по делам молодежи			Бектур Асанов	*Джелал-Абадская область*	Алисбек Алымкулов	*Таласская область*	Алиясбек Алымкулов	*Таласская область*	Канат Аманкулов	*Чуйская область*	Канат Аманкулов	*Чуйская область*	(упразднена)	
Министр транспорта и дорог	Кубаныч бек Жумалиев	*Джелал-Абадская область*	Нурлан Сулайманов	*Ошская область*	Эркин Исаков	*Джелал-Абадская область*	Эркин Исаков	*Джелал-Абадская область*	Жамшитбек Калилов	*Ошская область*	Жамшитбек Калилов	*Ошская область*	Эркинбек Осоев	

Министр экономики			Сабырбек Молдокулов	*Бишкек*	Эмиль Уметалиев	*Бишкек*	Эмиль Уметалиев	*Бишкек*	Артем Новиков	*Бишкек*	Артем Новиков	*Бишкек*	Данияр Амангельдиев	*Чуйский район*
Министр образования и науки			Каныбек Осмоналиев	*Ошская область*			Канат Садыков	*Нарынская область*	Эльвира Сариева	*Иссык-Кульская область*	Гульмира Кудайбердиева	*Баткенская область*	Алмазбек Бейшеналиев	*Нарынская область*
Госкомитет информац.технологий и связи									Нурбек Абаскано в	*Бишкек*	Нурбек Абасканов	*Бишкек*	Талантбек Иманов	*Иссык-Кульская область*
Замглавы по конституц.реформе (только для ВП)					Омурбек Текебаев	*Джелал-Абадская область*								

Источник: составлено автором.

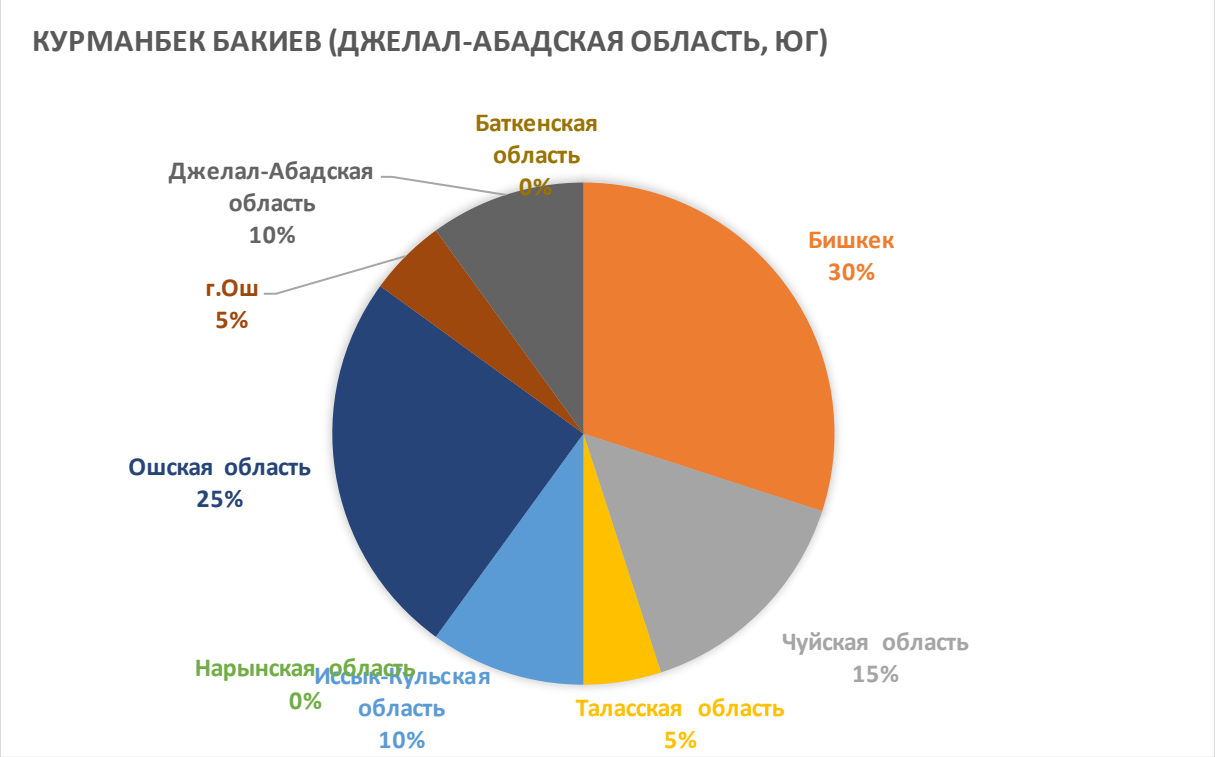
Таблица региональной репрезентативности в Правительстве Киргизской Республики (сокращенно) (1991-2022 гг.)

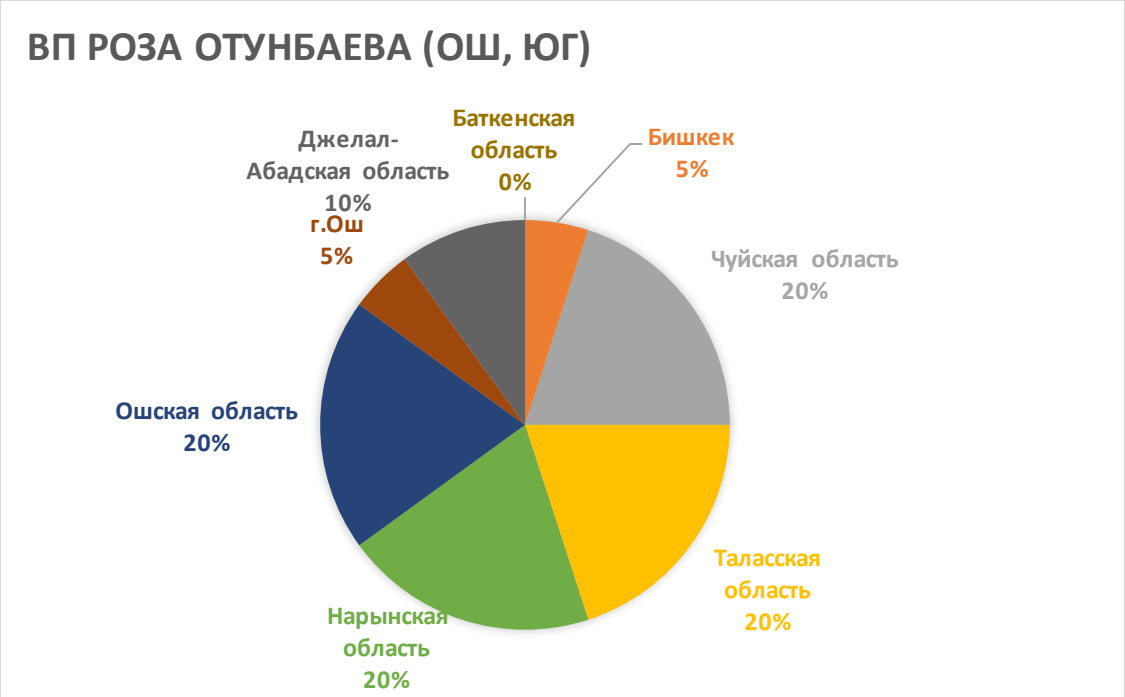
	Место рождения не известно	*Бишкек*	*Чуйская область*	*Таласская область*	*Иссык-Кульская область*	*Нарынская область*	*Ошская область*	*Ош*	*Джелал-Абадская область*	*Баткенская область*	*Другое*
Правительство Акаева (1990-2005)	0	3	1	2	0	2	1	1	2	1	2
Правительство Бакиева (2005-2010)	0	6	3	1	2	0	5	1	2	0	0
Временное переходное правительство (ВП)	0	1	4	4	0	4	4	1	2	0	0
Техническое правительство (2010-2011)	0	5	2	5	0	3	5	1	1	0	0
Атамбаев (2011-2017)	1	7	2	1	3	2	3	0	3	0	1
Жээнбеков 2017-2022	1	7	1	1	2	2	4	0	2	2	1
Жапаров 2020-н.в.	2	2	1	3	7	2	1	0	3	0	0

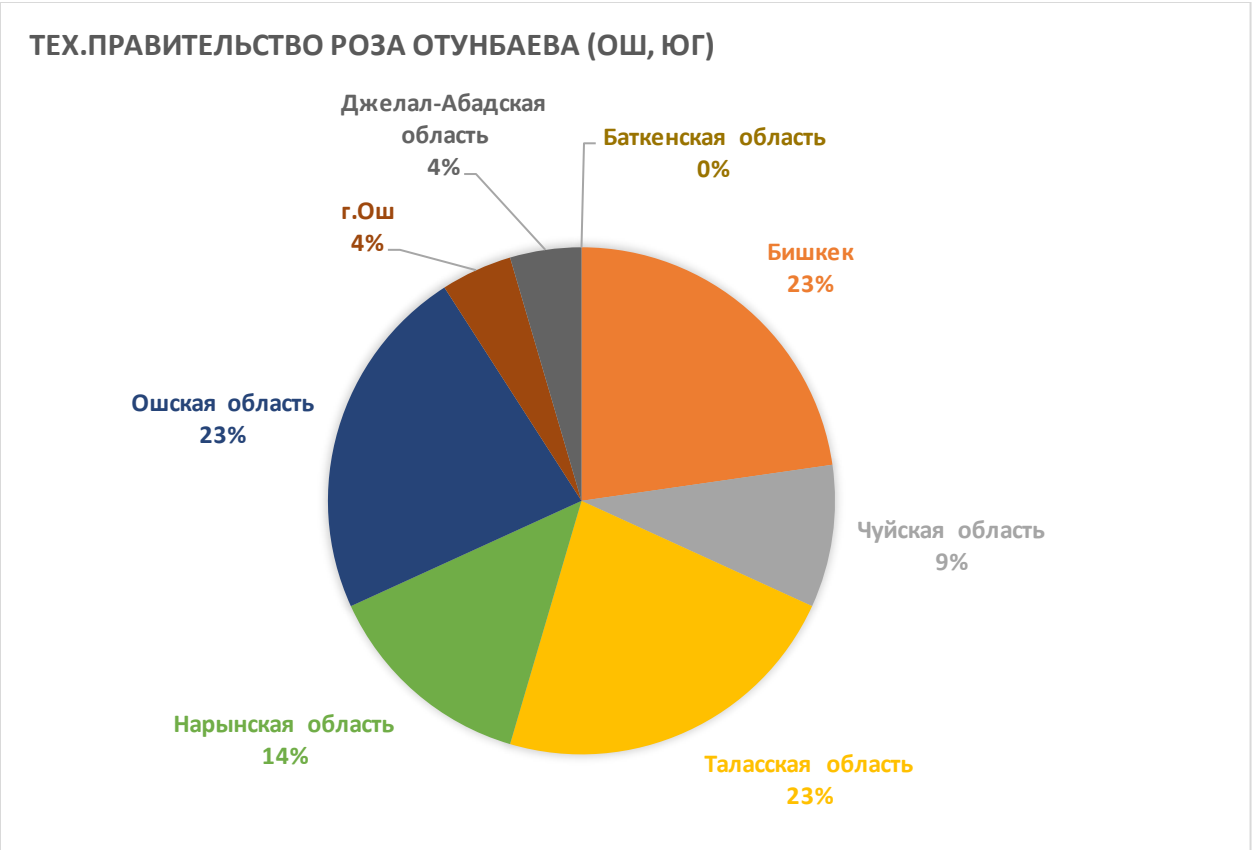
Источник: составлено автором.

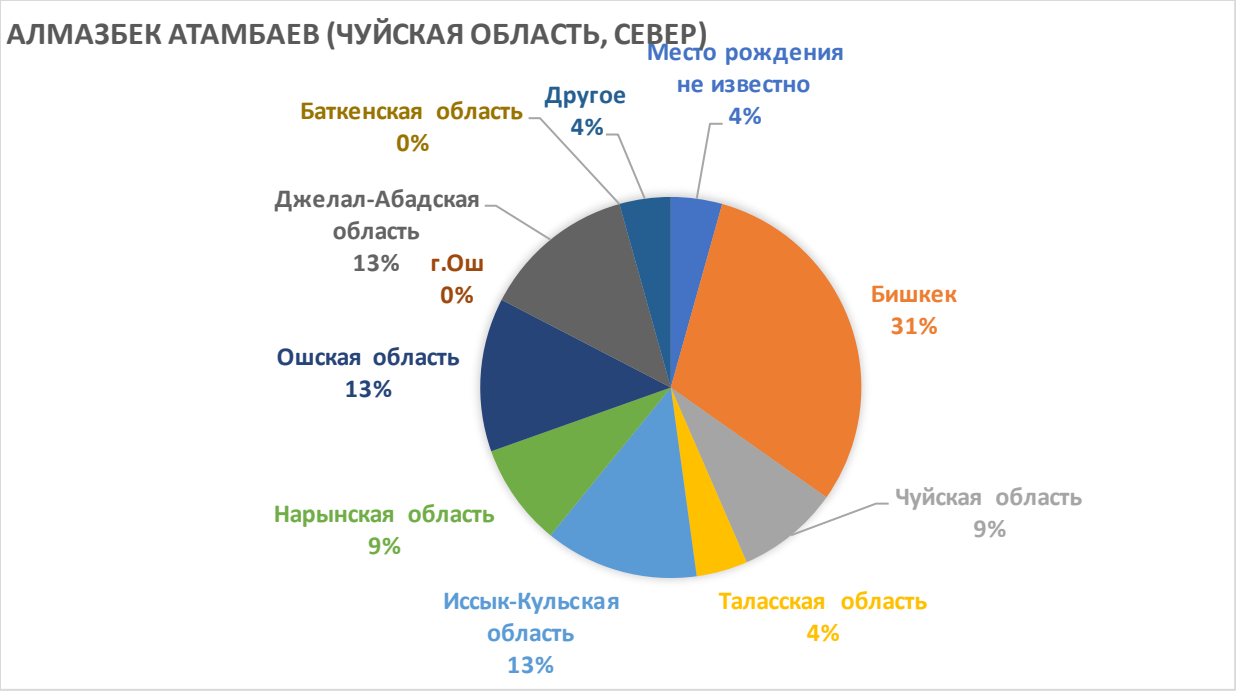
Приложение 7. Диаграммы региональной репрезентативности в правительствах КР (1991-2022 гг.)

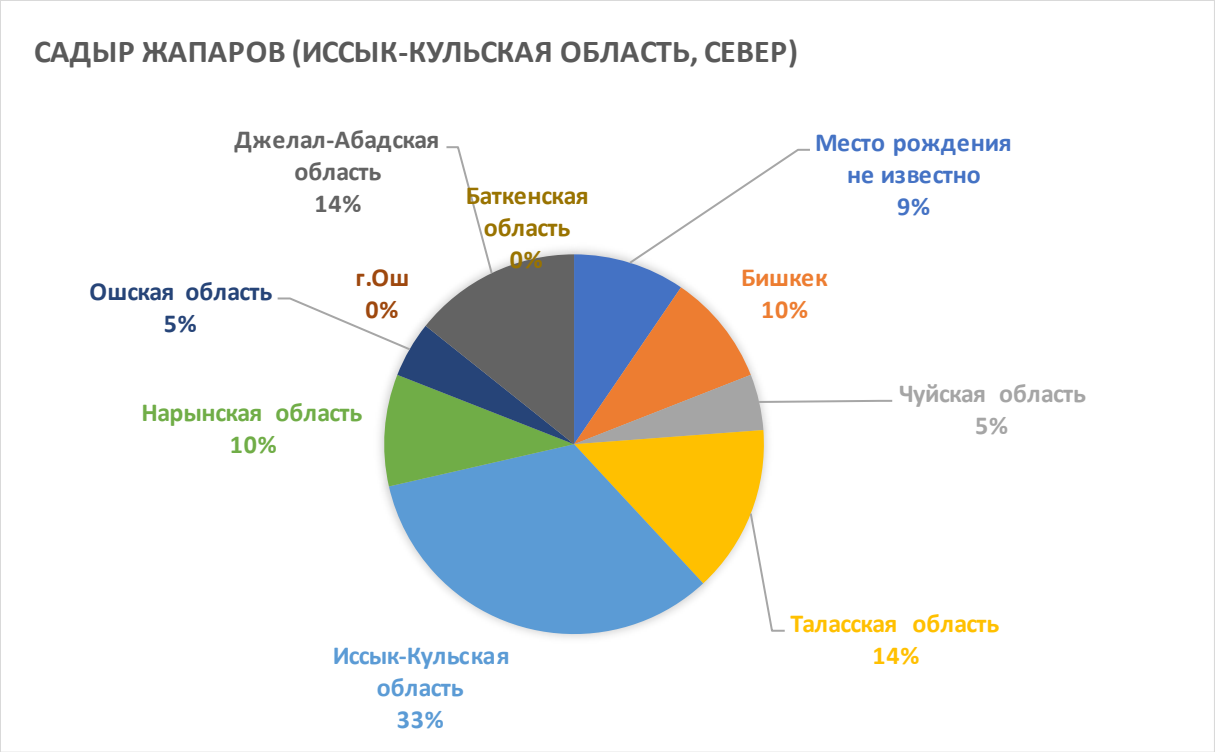

ВП РОЗА ОТУНБАЕВА (ОШ, ЮГ)
Баткенская область 0%
Бишкек 5%
Джелал-Абадская область 10%
г.Ош 5%
Чуйская область 20%
Ошская область 20%
Таласская область 20%
Нарынская область 20%

ТЕХ.ПРАВИТЕЛЬСТВО РОЗА ОТУНБАЕВА (ОШ, ЮГ)
Джелал-Абадская область 4%
Баткенская область 0%
г.Ош 4%
Бишкек 23%
Ошская область 23%
Чуйская область 9%
Нарынская область 14%
Таласская область 23%

АЛМАЗБЕК АТАМБАЕВ (ЧУЙСКАЯ ОБЛАСТЬ, СЕВЕР)
Место рождения не известно 4%
Другое 4%
Баткенская область 0%
Джелал-Абадская область 13%
г.Ош 0%
Ошская область 13%
Нарынская область 9%
Иссык-Кульская область 13%
Таласская область 4%
Чуйская область 9%
Бишкек 31%

СООРОНБАЙ ЖЭЭНБЕКОВ (ОШСКАЯ ОБЛАСТЬ, ЮГ)
Место рождения не известно 4%
Другое 4%
Баткенская область 9%
Джелал-Абадская область 9%
г.Ош 0%
Ошская область 17%
Нарынская область 9%
Иссык-Кульская область 9%
Таласская область 4%
Чуйская область 4%
Бишкек 31%

Источник: составлено автором.

Приложение 8. Этнокультурный вопрос в программах партий Жогорку Кенеша VIII созыва

Партии Жогорку Кенеша VIII созыва
«Ата-Журт Кыргызстан» (Моя родина – Кыргызстан)
Лидер: Нурлан Шакиев (Джелал-Абад), штаб-квартира: Джелал-Абад Ни официального сайта, ни официальной программы найти не удалось. Единственная программа представлена на неофициальном сайте deputat.kg, вопросов объединения страны, проблематики клановости и этничности, а также укрепления стабильности в ней не поднимается[660]. *В предыдущей программе «Кыргызстана» были упоминания о необходимости преодоления* семейно-кланового способа управления государством, развитие кыргызской культуры и государственного языка, существенное внимание уделялось религиозным вопросам[661] и необходимости поддерживать «традиционные религии». В образовательно сфере интересен акцент на стимулирование знания английского языка: «нужно знание английского языка на таком же уровне, как и знание русского». Одна из экономических целей – интеграция в пространство ЕАЭС. Партия Ата-Журт Кыргызстан была в основном популярна на юге, в Ошской, Джелал-Абадской и Баткенской областях.
Ишеним[662] (Верю)
Лидер: Азамат Дороев, Бишкек Очень простая и короткая программа. Нет освещения вопросов по региональному расколу, клановости и этно-политических аспектов.
Ынтымак[663] (Дружба)
Лидер: Марлен Маматалиев, Бишкек Говорит о необходимости решить проблемы приграничных территорий с привлечением местных сообществ. Создание общественных советов при органах местной власти. Предлагает комплексный подход к проблемам границ и приграничных территорий. Децентрализация страны. Идеи паналтаизма (изучение алтайской цивилизации). Считаются партией президента Жапарова.
Альянс[664]
Лидер: Азиз Закиров Предлагают ликвидировать должности представителей президента в областях и института акимов, передать полномочия по формированию местного бюджета в сфере образования и здравоохранения регионам (децентрализация), дать возможность гражданам лично избирать мэров городов и глав аилов.

[660] Программа партии «Ата-Журт Кыргызстан» // Deputat.kg. URL: https://deputat.kg/election-promises/programma-partii-ata-zhurt-kyrgyzstan/ (дата обращения: 28.12.2022)

[661] Программа партии «Кыргызстан». – URL: https://www.kyrgyzstan7.kg/ru/%d0%bf%d1%80%d0%be%d0%b3%d1%80%d0%b0%d0%bc%d0%bc%d0%b0/ (недоступен)

[662] Программа партии «Ишеним». – URL: https://ishenim-team.kg/programma (дата обращения: 28.12.2022)

[663] Официальный сайт партии «Ынтымак». – URL: https://yntymak2021.kg/ (недоступен).

[664] Официальный сайт партии «Альянс» на facebook.com [запрещен в РФ]. – URL: https://www.facebook.com/alliance.kyrgyzstan (дата обращения: 28.12.2022)

Касательно языка: увеличить количество школ с обязательным изучением трех языков – киргизского, русского и английского (узбекский отсутствует).
Бутун Кыргызстан (Единый Кыргызстан)
Лидер Адахан Мадумаров, штаб-квартира: Бишкек Ранее состояла в альянсе юга и севера «Бутун Кыргызстан – Эмгек», сейчас наиболее популярна на юге страны. Сайт партии с официальной программой не работает, краткое описание[665] не содержит отсылок к этническим вопросам или региональному расколу и клановости. Программа партии для выборов в Бишкекский городской кенеш[666] отмечает, что преступления на почве национальной неприязни недопустимы: «Многонациональная страна, веротерпимость и способность органически включать в себя разные народы и культуры всегда были присущи нашим соотечественникам. Власть и политические деятели страны несут историческую ответственность за поддержание межнационального согласия».
Ыйман нуру (Луч веры)
Лидер: Айбек Осмонов Лозунг «нравственная власть – благословенная жизнь». За партией закрепился имидж сторонников традиционных ценностей и религиозной повестки. Сайт партии не работает[667].

Источник: составлено автором.

[665] Что обещает сделать "Бутун Кыргызстан" — коротко о программе партии // Sputnik Кыргызстан. - 05.10.2020. – URL: https://ru.sputnik.kg/20201005/kyrgyzstan-vybory-2020-politicheskaya-partiya-butun-kyrgyzstan-1049860389.html (дата обращения: 28.12.2022)

[666] Программа партии «Бутун Кыргызстан» на выборы в городские кенеши 2021 г. / Центральная комиссия по выборам проведению референдумов КР (Shailoo). – URL: https://talapker.shailoo.gov.kg/ru/election/14/kenesh_gor/5/party/3/program (дата обращения: 28.12.2022)

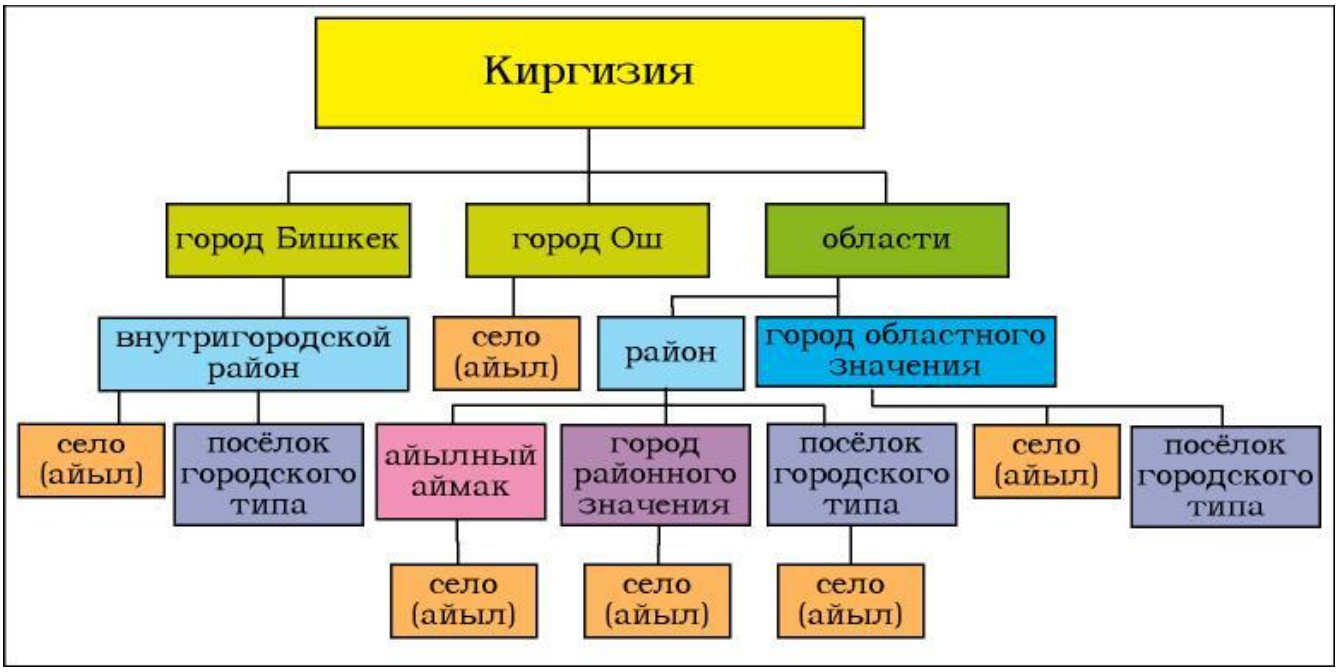
[667] Официальный сайт партии Ыйман Нуру. – URL: https://nuru.kg/ru/programm/ (недоступен).

Приложение 9. Критерии для выбора избирательной системы

Обеспечение стимулов для примирения	Возможность разрешения конфликтов в обществе. Некоторые системы поощряют партии формировать менее исключающие платформы, когда им приходится обращаться к избирателям разных этносов, другие могут подталкивать избирателей выходить за рамки своей группы и голосовать за партии, представляющие другие группы. Такое поведение будет способствовать установлению общности интересов. Такими системами являются те, которые дают избирателю более одного голоса или позволяют ему расставлять кандидатов в приоритетном порядке.
Обеспечение представительства	4 формы представительства: географическое, идеологическое, партийно-политическое, концепция описательного представительства (отражать все общество). Последний вариант наиболее подходящий для мультиэтнического общества.
Поддержание подотчетности правительства	Устоялось предположение о том, что система пропорционального представительства приводит к многопартийным коалициям, что оказывает влияние на повышение подотчетности правительства.
Поддержка парламентской оппозиции и надзора	Для контроля над исполнительной властью необходима оппозиция, представленная в законодательной власти,
Продвижение стабильного и эффективного правительства	Зависит от того, считают ли избиратели систему справедливой, нет ли дискриминации отдельных партий или групп. Справедливость в основном будет определяться фактором нейтральности системы по отношению ко всем партиям и кандидатам.
Обеспечение устойчивости избирательного процесса	Выбор системы зависит от стоимости и административных возможностей страны. В частности, небогатая страна не сможет обеспечить финансово выборы по системе двух туров голосования или администрировать сложный преференциальный подсчет голосов. Однако стоит делать ставку на долгосрочный период развития, а не относительную дешевизну и простоту системы, так как возможно и то, что более дорогая и сложная система даст стабильность и позитивное направление для демократической консолидации.
Обеспечение доступности и значимости выборов	Насколько избирателям «удобно» и понятно голосовать. В этот критерий входят: сложность структуры бюллетеня; легко ли для избирателя добраться до участка, уверенность избирателя в сохранении тайны его голоса; осознание значимости выборов.

Источник: *Reynolds A., Reilly B., and Ellis A.* Op. cit. P. 25.

Приложение 10. Административно-территориальное устройство КР

Источник: Административное деление Киргизии // Википедия. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%90%D0%B4%D0%BC%D0%B8%D0%BD%D0%B8%D1%81%D1%82%D1%80%D0%B0%D1%82%D0%B8%D0%B2%D0%BD%D0%BE%D0%B5_%D0%B4%D0%B5%D0%BB%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B5_%D0%9A%D0%B8%D1%80%D0%B3%D0%B8%D0%B7%D0%B8%D0%B8 (дата обращения 30.12.2022)

Приложение 11. Поступление прямых иностранных инвестиций по странам в 1 квартале 2022 г.

	Приток			Отток		
	Тыс. долларов США	В процентах к		Тыс. долларов США	В процентах к	
		соответствующему периоду прошлого года	итогу		соответствующему периоду прошлого года	итогу
	Цифры			*Цифры*		
Всего	**277,982.7**	**248.0**	**100.0**	**283,629.5**	**59.2**	**100.0**
из стран вне СНГ	213,591.4	221.2	76.8	278,078.4	62.0	98.0
Китай	75,360.6	141.9	27.1	25,493.2	27.1	9.0
из стран СНГ	64,391.3	414.3	23.2	5,551.1	18.2	2.0
Российская Федерация	49,879.3	781.3	18.0	2,305.4	8.5	0.9
Канада	31,620.8	48498.2	11.4	51.5	0.0	0.0
Нидерланды	24,410.9	223.9	8.8	1,452.3	9947.3	0.5
Соединенное Королевство	20,580.3	198.5	7.4	3,079.8	56.8	1.1
Турция	20,017.0	124.6	7.2	234,192.8	2894.0	82.6
Венгрия	16,000.0	-	5.8	-	-	-
Казахстан	12,187.5	149.3	4.4	3,042.6	95.7	1.1
Германия	8,187.8	357.5	3.0	3,584.1	676.5	1.3
Швейцария	6,276.0	1157.5	2.3	981.4	17.6	0.3
Кипр	2,980.7	793.2	1.1	210.4	28.0	0.1
Азербайджан	1,827.6	675.1	0.7	69.5	162.8	0.0
Корея, Республика	1,402.5	9412.8	0.5	272.0	14.6	0.1
Виргинские острова, Британские	931.0	1501.6	0.3	20.7	29.6	0.0
Сингапур	670.0	67000.0	0.2	0.5	13.2	0.0
Соединенные Штаты	596.3	65.7	0.2	3,813.3	98.9	1.3
Италия	542.7	12921.4	0.2	0.1	100.0	0.0
Прочие международные организации	535.1	964.1	0.2	3,889.4	1087.3	1.4
Австралия	519.2	1834.6	0.2	-	-	-
Пакистан	470.6	188.0	0.2	139.1	104.7	0.0
Иордания	458.2	80.7	0.2	38.1	-	0.0
Афганистан	380.5	140.7	0.1	1.1	-	0.0
Чешская Республика	350.2	-	0.1	200.0	28.0	0.1

Япония	316.8	4281.1	0.1	5.5	105.8	0.0
Люксембург	188.3	3766.0	0.1	3.5	100.0	0.0
Беларусь	150.0	29.6	0.1	6.8	15.3	0.0
Узбекистан	127.3	58.7	0.0	57.3	1469.2	0.0
Украина	122.1	20350.0	0.0	69.4	1285.2	0.0
Индия	115.7	857.0	0.1	46.9	286.0	0.0
Кувейт	110.2	-	0.0	3.9	229.4	0.0
Сейшелы	94.7	86.4	0.0	-	-	-
Объединенные Арабские Эмираты (ОАЭ)	80.0	792.1	0.0	69.4	1614.0	0.0
Иран, Исламская Республика	74.3	118.7	0.0	151.9	1054.9	0.1
Франция	62.1	90.5	0.0	23.6	-	0.0
Таджикистан	49.8	16600.0	0.0	0.1	-	0.0
Армения	47.7	-	0.0	-	-	-
Египет	44.9	242.7	0.0	-	-	-
Литва	41.4	289.5	0.0	0.1	-	0.0
Саудовская Аравия	38.7	91.1	0.0	152.1	71.5	0.1
Виргинские острова, США	26.4	-	0.0	-	-	-

Источник: Инвестиции / Национальный статистический комитет Кыргызской Республики. – URL: http://www.stat.kg/ru/statistics/investicii/ (дата обращения: 29.12.2022)

Приложение 12. Поступление иностранных инвестиций по видам экономической деятельности за 2008-2021 гг.

Наименование показателей	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021
Всего	**5,615,352.8**	**5,335,050.4**	**5,219,899.8**	**6,939,125.6**	**7,279,947.0**	**6,926,781.8**	**6,331,356.0**
Обрабатывающие производства	2,829,679.9	2,612,588.8	1,961,834.2	3,642,037.7	4,037,029.5	3,846,184.5	2,389,829.7
Финансовое посредничество и страхование	994,598.5	658,777.2	1,425,402.3	1,571,854.2	970,729.3	1,561,419.3	1,662,992.2
Оптовая и розничная торговля; ремонт автомобилей и мотоциклов	419,081.3	375,728.7	410,069.9	514,797.8	706,021.2	492,718.9	580,157.8
Профессиональная, научная и техническая деятельность	374,830.4	315,214.3	191,855.6	303,203.7	366,484.4	212,458.7	472,514.6
Транспортная деятельность и хранение грузов	141,907.1	348,328.2	248,197.7	157,401.5	333,924.1	71,806.0	389,084.0
Добыча полезных ископаемых	173,195.6	222,594.5	133,886.9	215,313.1	271,191.0	283,098.4	335,837.4
Обеспечение (снабжение) электроэнергией, газом, паром и кондиционированным воздухом	351,729.1	379,222.8	678,346.4	127,004.9	165,104.3	117,571.5	164,893.9
Строительство	143,313.1	49,227.5	15,731.1	203,391.4	151,855.5	151,546.6	123,204.0
Информация и связь	115,356.7	154,150.0	75,920.8	112,579.8	209,241.0	143,745.5	113,429.2
Операции с недвижимым имуществом	26,024.2	32,210.3	28,491.2	37,115.2	19,683.1	13,434.5	43,042.5
Сельское хозяйство, лесное хозяйство и рыболовство	1,497.6	12,805.7	6,487.0	10,477.5	9,744.7	10,127.1	14,246.1
Государственное управление и оборона; обязательное социальное обеспечение	33,576.3	97,579.3	26,089.1	33,736.0	15,476.3	6935.7	9,140.3
Деятельность гостиниц и ресторанов	366.2	3,347.7	3,114.9	1,730.1	2,818.3	1,358.2	6,757.5
Здравоохранение и социальное обслуживание населения	954.5	1,502.9	1,894.6	1,844.2	6,713.0	4,853.6	6,640.0
Искусство, развлечения и отдых	10.1	252.9	4,830.7	306.9	1,343.3	1,231.6	5,753.4
Прочая обслуживающая деятельность	721.3	12,168.7	2,406.5	798.5	2,035.0	468.9	4,861.4
Административная и вспомогательная деятельность	710.7	2,505.1	1,078.9	1,551.0	2,856.4	5,669.4	3,644.5
Образование	5,097.8	34,075.9	25.9	1,428.2	1,217.6	1,503.1	3,624.9
Водоснабжение, очистка, обработка отходов и получение вторичного сырья	2,702.4	22,769.9	4,236.1	2,553.9	6,479.0	650.3	1,702.6

Источник: Инвестиции / Национальный статистический комитет Кыргызской Республики. – URL: http://www.stat.kg/ru/statistics/investicii/ (дата обращения: 29.12.2022)